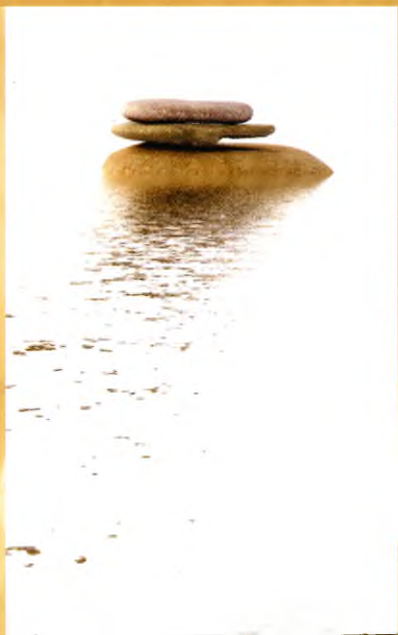

OSHO

Абсолютное Дао

Беседы о трактате
Лао-цзы «Дао Де Цзин»

ВЕСЬ

OSHO

Absolute Tao

Talks on Tao Te Ching by
Lao Tzu

ОШО

Абсолютное Дао

Беседы о трактате
Лао-цзы «Дао Де Цзин»

Санкт-Петербург
Издательская группа
«Весь»
2008

УДК 159.9
ББК 86.39
096

Защиту интеллектуальной собственности и прав
ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «ВЕСЬ» осуществляет
агентство патентных поверенных «АРС-ПАТЕНТ»

Перевод на русский язык *О. А. Кудрявцевой (Ma Prem Disha)*
под редакцией *В. И. Тимшина (Swami Prabodh Vardhan)*

Оглавление

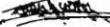
Ошо
096 Абсолютное Дао. Беседы о трактате Лао-цзы
«Дао Де Цзин» (Из цикла бесед Ошо «Дао: три
сокровища») / Перев. с англ. — СПб.: ИГ «Весь»,
2008. — 352 с. — (Путь мистика / Ошо-классика).
ISBN 978-5-9573-0387-9

В этой книге представлен цикл бесед Ошо, в кото-
рых он комментирует небольшой трактат Лао-цзы «Дао
Де Цзин», ставший одним из памятников восточной му-
дрости.

Как всегда с пониманием и любовью, с юмором и глу-
бокими прозрениями в суть вещей Ошо помогает нам со-
вершить путешествие к источнику истины.

«Мое существо и Лао-цзы — одно целое. Я — это
он» — говорит Ошо. Это метафора, но она дает нам по-
нимание связи между создателем сутр и тем, кто их ком-
ментирует. Образно, доступно и просто Ошо раскрыва-
ет слушателям суть послания даосского мудреца и дает
возможность увидеть то, что стоит за словами древних
сутр, так глубоко и полно, как если бы их комментиро-
вал сам Лао-цзы.

УДК 159.9
ББК 86.39

OSHO и подпись Ошо являются зарегистрированными торговыми
марками и используются с разрешения Osho International Foundation.

Все права защищены.

Публикуется на основе Соглашения с Osho International Foundation, Bahnhofstr/52,
8001 Zurich, Switzerland, www.osho.com

© 1999, Osho International Foundation,
Switzerland. www.osho.com

© Издание на русском языке, оформление.
ОАО «Издательская группа „Весь“», 2008

ISBN 978-5-9573-0387-9

ГЛАВА 1. Об Абсолютном Дао	7
ГЛАВА 2. Обыкновенность	43
ГЛАВА 3. О качествах Дао	77
ГЛАВА 4. Пустота	113
ГЛАВА 5. Об опасности чрезмерного успеха	147
ГЛАВА 6. Дело не в смысле	179
ГЛАВА 7. О пользе пустоты	205
ГЛАВА 8. Свидетельствование	231
ГЛАВА 9. О мудрецах древности	259
ГЛАВА 10. Мудрость и понимание	295
Об авторе	328
Ошо-Центр медитации и отдыха	330

Глава 1

Об
абсолютном
Дао

Об Абсолютном Дао Лао-цзы говорит:

Дао, о котором можно что-то сказать, —
Не Абсолютное Дао.

О происхождении взаимосвязанных противоположностей он говорит:

Когда все в Поднебесной постигают прекрасное
как прекрасное,
Появляется и признается уродство.
Когда все в Поднебесной постигают добро как добро,
Появляется и признается зло.

Поэтому
Бытие и небытие порождают друг друга;
Трудное и простое дополняют друг друга;
Длинное и короткое соотносятся друг с другом;
Высокое и низкое определяют друг друга;
Звуки и голоса сливаются в гармонии;
То, что впереди, и то, что позади, следуют вместе.

Поэтому мудрец
Совершает деяния, пребывая в бездействии;

Проповедует учение, не прибегая к словам.
В бесчисленном множестве вещей
Он ничего не отвергает;
Все принимая, он ничем не обладает;
Действуя, не ожидает вознаграждения;
Достигая совершенства, не требует уважения.

И именно потому, что он не требует уважения,
Уважение невозможно у него отнять.

Я говорю о Махавире из чувства долга — мое сердце не с ним. Он слишком математичен. Он не мистик, в нем нет поэзии существования. Он велик, он просветлен; но он похож на огромную пустыню; в нем невозможно найти ни одного оазиса. Но поскольку я родился джайном, мне приходится отдавать долги. Я говорю о нем из чувства долга, но мое сердце не с ним — я говорю о нем только из ума. Когда я комментирую Махавиру, я говорю как сторонний наблюдатель. Махавиры нет внутри меня, а меня нет внутри него.

То же самое я могу сказать о Моисее и Магомете. У меня нет желания говорить о них, и я не говорю о них. Если бы я не родился джайном, я бы никогда не говорил и о Махавире. Мои ученики-мусульмане и мои ученики-иудеи часто подходят ко мне и спрашивают: «Почему ты не комментируешь Магомета или Моисея?» Мне трудно им это объяснить. Глядя на их лица, я много раз принимал решение сделать такие комментарии; много раз я приглядывался к высказываниям Моисея и Магомета, но затем снова отодвигал их в сторону. Ничто не отзывалось в моем сердце. Если бы я стал говорить о них, это было бы нечто мертвое. Я даже не испытываю к ним чувства долга, как к Махавире.

Они все относятся к одной категории: они слишком расчетливы и придерживаются крайних взглядов,

отвергая при этом другую полярность. Они представляют собой одиночные ноты — не созвучия, не симфонии. У одиночной ноты есть своя красота, строгая красота, но такая нота монотонна. Слышать ее время от времени — одно дело, но если нота продолжает звучать долго, вы чувствуете скуку, вам хочется прервать ее звучание. Личности Махавиры, Моисея и Магомета подобны одиночным нотам — простым, строгим, даже красивым — когда их слышишь изредка. Так что если я встречу на своем пути Махавиру, Моисея или Магомета, я отдам им дань уважения — и убегу подальше от них.

Я говорю о Кришне. В нем множество измерений, он сверхчеловек, чудотворец, но он больше похож на миф, чем на реально существующего человека. Он настолько экстраординарен, что такого человека просто не может быть. Такие люди не могут существовать на этой земле — они существуют только как сны. Мифы — это не что иное, как коллективные сны. Все человечество видит эти сны... красивые, но неправдоподобные. Я говорю о Кришне и наслаждаюсь, но я наслаждаюсь этим так, как можно наслаждаться красивой историей, и тем, что ее рассказываешь. В этом мало смысла — это просто вселенские сплетни.

Я говорю об Иисусе Христе. Он вызывает во мне чувство глубокой симпатии. Я бы хотел страдать вместе с ним, я бы хотел помочь ему нести его крест. Но мы остаемся в параллельных плоскостях, мы никогда не встречаемся. Он такой печальный, такой обремененный — обремененный страданиями всего человечества. Он не умеет смеяться. Если вы идете рядом с ним слишком долго, вы становитесь печальными, вы перестаете смеяться. Его окружает уныние. Я сочувствую ему, но я бы не хотел быть похожим на него. Я мог бы идти рядом с ним некоторое время и разделить его бремя,

но потом бы мы расстались. У нас разные пути. Он добродетельный, но — чересчур добродетельный, почти не по-человечески добродетельный.

Я говорю о Заратустре — очень редко, — но я люблю его, как друг любит друга. С ним можно посмеяться. Он не моралист, не пуританин, он умеет наслаждаться жизнью и всем, что она дает. Он хороший друг, с ним всегда можно быть рядом — но он просто друг. Дружба хороша, но ее недостаточно.

Я говорю о Будде, я люблю его. В течение многих веков, в течение многих жизней я любил и продолжаю любить его. Он чрезвычайно прекрасен, невероятно прекрасен, великолепен. Но он не на земле, он не касается ногами земли. Он парит в небесах и не оставляет следов. За ним невозможно следовать, вы никогда не знаете его местонахождение. Он похож на облако. Иногда вы встречаетесь с ним, но это случайность. Он настолько совершенен, что не может пустить корни в землю. Его предназначение — высшие сферы. В этом отношении он односторонен. Земля и небо не встречаются в нем. Он божественен, но ему недостает чего-то земного. Он подобен пламени, прекрасному пламени, но у этого пламени нет фитиля, нет чаши с маслом — вы видите пламя, оно поднимается все выше и выше, но ничто не удерживает его на земле. Я люблю его, я говорю о нем из самого сердца, но дистанция все же остается. Она всегда остается в таком явлении, как любовь, — вы подходите все ближе и ближе, но даже в близости дистанция сохраняется. Из-за этого страдают все любящие.

О Лао-цзы я говорю совершенно по-другому. У меня нет к нему никакого отношения, потому что отношение подразумевает дистанцию. Я не люблю его — как можно любить самого себя? Когда я говорю о Лао-цзы, я как будто говорю о самом себе. Мое существо и он — одно

целое. Когда я говорю о Лао-цзы, я как будто смотрю в зеркало — в нем отражается мое лицо. Когда я говорю о Лао-цзы, я полностью с ним. Даже сказать: «Я полностью с ним» — будет неверно. Я — это он, он — это я.

Историки сомневаются в его существовании. Я не могу сомневаться в его существовании, потому что — как я могу сомневаться в своем собственном существовании? В тот самый момент, когда я стал возможным, он стал реально существующим для меня. Даже если историки докажут, что он никогда не существовал, для меня это не имеет значения. Он, несомненно, существовал, потому что я существую, я — доказательство. В последующие дни, когда я буду говорить о Лао-цзы, я не буду говорить о ком-то другом. Я буду говорить о себе — так, как будто Лао-цзы говорит от имени другого человека, от имени другой *намарупы*, другого воплощения.

Лао-цзы не похож на Махавиру, он совсем не математичен, и при этом он очень-очень логичен в своем безумии. У него безумная логика! Когда мы перейдем к его высказываниям, вы постепенно сможете это почувствовать; его высказывания не совсем ясны и понятны. У него своя логика: логика абсурда, логика парадокса, логика безумца. Он задевает за живое.

Логику Махавиры могут понять даже слепые. Чтобы понять логику Лао-цзы, вам придется открыть глаза. Она очень утонченная; это не обычная логика логиков, это логика очень тонкой, скрытой жизни. Все, о чем говорит Лао-цзы, на поверхности кажется абсурдным, но глубоко внутри представляет собой величайшую последовательность. Вы должны проникнуть в нее; чтобы понять Лао-цзы, вам нужно изменить свой ум. Махавиру можно понять, вообще не меняя свой ум; вы можете понять Махавиру, будучи такими, какие вы есть. Он находится с вами на одном уровне. Как бы далеко

он ни ушел от вас, несмотря на достигнутую цель, он находится на одном с вами уровне, его путь тот же, по которому идете вы.

Когда вы пытаетесь понять Лао-цзы, то обнаруживаете, что он движется зигзагообразно. Иногда вы видите, что он идет на восток, а иногда — на запад, так как он говорит, что восток — это запад, а запад — это восток, что они неразделимы, что запад и восток — это единое целое. Он верит в единство противоположностей. А жизнь именно такова.

Поэтому Лао-цзы просто говорит от имени жизни. Если жизнь абсурдна, Лао-цзы абсурден; если у жизни абсурдная логика, у Лао-цзы такая же логика. Лао-цзы просто отражает жизнь. Он ничего не прибавляет, ничего не убавляет. Он просто принимает все таким, каково оно есть.

Духовность Будды увидеть легко, очень легко; ее невозможно не заметить — настолько он великолепен. Но духовность Лао-цзы увидеть непросто. Он такой обычный — совсем как вы. Ваше понимание должно измениться. Будда проходит мимо — и вы сразу чувствуете, что это высшее человеческое существо. Он распространяет вокруг себя волшебный аромат высшего человеческого существа. Его трудно не заметить — почти невозможно. А Лао-цзы... Он может быть вашим соседом. Вы можете его не заметить, потому что он такой обыкновенный, такой удивительно обыкновенный. И в этом есть своя красота.

Стать необычным легко: для этого нужно только усилие, нужны совершенствование, постоянное развитие. Это глубокая внутренняя дисциплина. Вы можете стать очень-очень возвышенным, совершенно неземным. Но быть обыкновенным — это действительно самое необычное явление. Никакое усилие здесь не поможет — необходимо отсутствие усилия. Не помогут

никакие практики, никакие методы, никакие способы — только понимание. Даже медитация не поможет. С помощью медитации вы можете стать Буддой. Но она не поможет вам стать Лао-цзы — только понимание. Понимание жизни такой, какая она есть, и проживание ее с бесстрашием — не убегая, не скрываясь от нее, мужественно встречаясь с ней лицом к лицу, что бы там ни было: плохое или хорошее, божественное или дьявольское, рай или ад.

Очень трудно быть Лао-цзы, и очень трудно его распознать. На самом деле, если вы способны его распознать, вы уже Лао-цзы. Чтобы заметить Будду, вам не нужно быть Буддой, но чтобы узнать Лао-цзы, вам самому нужно быть Лао-цзы — иначе это невозможно.

Говорят, что однажды Конфуций решил встретиться с Лао-цзы. Лао-цзы был пожилым человеком, Конфуций — моложе его. Лао-цзы был практически неизвестен, Конфуций — знаменит. Короли и императоры приглашали Конфуция ко двору, мудрецы приходили к нему за советом. В то время он был самым мудрым человеком в Китае. Но потом он, должно быть, почувствовал, что мудрость, приносившая пользу другим, его самого не наполняла блаженством, никуда его не вела. Он стал знатоком, полезным, может быть, для других, но не для самого себя.

Поэтому он тайне начал искать кого-нибудь, кто мог бы ему помочь. Обычные мудрецы были не в состоянии ему помочь, так как они сами приходили к нему за советом. Великие ученые не могли ему помочь, поскольку они сами спрашивали его о своих проблемах. Но должен же быть кто-нибудь — мир так велик! В тайне от всех он начал поиск.

Он попросил своих учеников найти того, кто мог бы ему помочь. Они вернулись с известием, что есть один че-

ловек — никто не знает его имени, — которого называют Стариком. Лао-цзы значит «старик». Лао-цзы — это не имя, никто не знает его имени. Он был настолько неизвестен, что никто не знает, где он родился и кто были его родители. Он прожил девяносто лет, но лишь немногим довелось встретиться с ним, очень немногим, — тем, у которых были другие глаза и другое видение, и поэтому они смогли понять его. Только избранные знали о нем — такой обыкновенный человек, но постичь его могли лишь редчайшие из человеческих умов.

Узнав, что существует человек, известный как Старик, Конфуций отправился к нему. Когда он увидел Лао-цзы, то почувствовал, что этот человек обладает огромным пониманием, огромной интеллектуальной честностью, огромной пронизательностью, гениальностью. Конфуций почувствовал, что в Лао-цзы что-то есть, но не мог понять, что именно. В нем было что-то загадочное, мистическое; он не был обычным человеком, хотя выглядел совершенно обыкновенно. Что-то было скрыто в нем, какое-то сокровище.

Конфуций спросил: «Что ты скажешь о морали? Что ты скажешь о том, как развить добродетельный характер?» Поскольку Конфуций был моралистом, он считал, что если вы разовьете добродетельный характер, то это будет величайшее достижение.

Лао-цзы громко рассмеялся и ответил: «Вопрос о морали возникает только в том случае, если ты аморален. И о характере ты думаешь только в том случае, если у тебя нет никакого характера. Человек с характером даже не подозревает, что существует что-то вроде характера. Моральный человек не знает, что значит слово „мораль“. Поэтому не будь глупцом! И не пытайся ничего развивать. Просто будь естественным».

И у этого человека была такая мощная энергия, что Конфуций начал дрожать. Он не смог находиться

рядом с Лао-цзы. Он сбежал. Он испугался — испугался так, словно оказался на краю бездны. Когда он вернулся к своим ученикам, ждавшим его под деревом, те не поверили своим глазам. Этот человек бывал у императоров, у величайших императоров, и они никогда не замечали в нем никакой нервозности. А сейчас он дрожал весь в холодном поту. Ученики не верили своим глазам — что случилось? Что этот Лао-цзы сделал с их учителем? Они спросили его об этом, и он ответил: «Подождите немного. Дайте мне прийти в себя. Этот человек опасен».

И вот что рассказал он своим ученикам о Лао-цзы: «Я слышал об огромных животных, таких как слоны, и я знаю, как они ходят. Я слышал о загадочных животных в море, и я знаю, как они плавают. Я слышал об огромных птицах, которые летают на тысячи миль от земли, и я знаю, как они летают. Но этот человек — дракон. Никто не знает, как он ходит. Никто не знает, как он живет. Никто не знает, как он летает. Никогда не приближайтесь к нему — он подобен бездне. Он похож на смерть».

Именно так можно описать мастера: мастер похож на смерть. Если вы подходите к нему близко, слишком близко, вас охватывает страх, вы начинаете дрожать. Вами овладевает неизвестный страх, как будто вы скоро умрете. Говорят, что Конфуций больше не встречался с этим стариком.

С одной стороны, Лао-цзы был обычным, с другой стороны, — самым необычным человеком. Его необычность не такая, как необычность Будды. Он был необычным совершенно по-другому, его необычность была не так очевидна — она была скрытым сокровищем. Он не был чудотворцем, как Кришна, он не творил никаких чудес, но все его существо являло собой чудо: то, как он

ходил, то, как смотрел на вас, то, каким он был. Все его существо было чудом.

Он не был печальным, как Иисус; он умел смеяться, он мог смеяться из самого живота. Говорят, что он смеялся в момент рождения. Дети рождаются с плачем, с криком. О нем говорят, что он родился, смеясь. Я чувствую, что это наверняка правда: такой человек, как Лао-цзы, скорее всего родился смеющимся. Он не печален, как Иисус. Он умеет смеяться и смеяться от души, но глубоко внутри в его смехе есть печаль, страдание — страдание к вам, ко всему существованию. Его смех не поверхностен. Заратустра смеется, но его смех другой — в нем нет печали.

Лао-цзы печален, как Иисус, и печален не как Иисус; Лао-цзы смеется, как Заратустра, и смеется не как Заратустра. В его грусти есть смех. В его смехе есть грусть. В нем встречаются противоположности. Лао-цзы — это созвучие, симфония.

Помните... я не комментирую его. Между ним и мной нет дистанции. Он говорит с вами через меня: через другое тело, другое имя, другое воплощение — но говорит тот же самый дух.

Теперь мы переходим к сутре:

Дао, о котором можно что-то сказать, —
Не Абсолютное Дао.

Позвольте мне сначала рассказать вам, как эти сутры были написаны, потому что это поможет вам их понять. Лао-цзы жил девяносто лет — на самом деле, он ничего не делал, кроме того, что жил. Он жил тотально. Ученики неоднократно просили его написать что-нибудь, но он всегда говорил: «Дао, о котором можно что-то сказать, — не настоящее Дао. Истина, о которой можно что-то сказать, немедленно становится ложью».

Поэтому он ничего не говорил, ничего не писал. Что же тогда делали рядом с ним ученики? Они просто находились в его присутствии. Это называется «сатсанг» — находиться в присутствии. Они жили рядом с ним, гуляли с ним, они просто впитывали его сущность. Находясь рядом с ним, они старались ему открыться. Находясь рядом с ним, они старались ни о чем не думать. Находясь рядом с ним, они все больше и больше погружались в тишину. В этой тишине он встречался с ними, он приходил к ним, он стучал в их двери.

В течение девяноста лет он отказывался что-либо написать или сказать. Такова его позиция: истине невозможно научить. Как только вы говорите что-то об истине, она перестает быть истиной, попытка высказать ее превращает истину в ложь. Истине невозможно научить. Самое большее, что можно сделать, это указать направление. И этим указанием должно быть все ваше существо, вся ваша жизнь — но невозможно указать направление словами. Лао-цзы был против слов. Он был против языка.

Говорят, что по утрам он обычно выходил на прогулку и его часто сопровождал сосед. Прекрасно зная, что Лао-цзы не любит разговаривать, что он — человек абсолютной тишины, сосед всегда молчал. Не допускалось даже произносить слово «привет», не допускалось даже говорить о погоде. Сказать: «Какое прекрасное утро!» — было бы излишней болтовней. Лао-цзы совершал дальние прогулки, в несколько миль, и сосед шел за ним следом.

Так продолжалось много лет, но однажды у соседа гостил один знакомый, он тоже захотел пойти с ними, и сосед взял его с собой. Тот ничего не знал о Лао-цзы и о его привычках. Он чувствовал себя подавленным, потому что его друг ничего не говорил и этот Лао-цзы

ничего не говорил, и он не мог понять, почему они молчат. Эта тишина была для него тягостной.

Если вы не умеете пребывать в тишине, она становится тягостной. Вы говорите не для того, чтобы общаться, — нет. Вы говорите, чтобы освободиться от того, что вам мешает. В действительности, общение через слова невозможно; все как раз наоборот — так вы можете избежать общения. Разговаривая, вы создаете вокруг себя оболочку из слов, и поэтому никто не может узнать о вашем истинном состоянии. Вы прикрываетесь словами.

Этот человек чувствовал смущение и дискомфорт; ему было неловко. Его распирало от желания что-нибудь сказать. Поэтому, когда солнце появилось над горизонтом, он произнес: «Какое восхитительное солнце, смотрите!.. Какой прекрасный восход! Какое чудесное утро!»

И это все, что он сказал. Но ему никто не ответил, потому что его друг знал, что Лао-цзы это не понравится. И уж, конечно, сам Лао-цзы ничего не сказал, ничего не ответил.

Когда они вернулись, Лао-цзы сказал соседу: «Завтра не приводи этого человека. Он болтун». А тот всего лишь произнес: «Какое восхитительное солнце! Какое чудесное утро!» Только это — за два или три часа прогулки. Но Лао-цзы сказал: «Больше не бери с собой этого болтуна. Он слишком много говорит и говорит без толку — ведь у меня тоже есть глаза, я и сам вижу, что солнце восходит, что оно прекрасно. Зачем об этом говорить?»

Лао-цзы жил в безмолвии. Он всегда избегал разговоров об истине, которой достиг, и всегда отвергал мысль о том, чтобы написать что-то для будущих поколений.

В возрасте девяти лет он покинул своих учеников. Он попрощался с ними и сказал: «Теперь я ухожу в горы, в Гималаи. Я ухожу туда, чтобы подготовиться к смерти. Хорошо быть рядом с людьми, хорошо находиться в мире, пока ты жив, но когда приближается смерть, лучше оказаться в полном уединении, чтобы отправиться к изначальному источнику в абсолютном одиночестве, в абсолютной чистоте, не замутненной миром».

Ученики очень опечалились, но что они могли поделать? Они прошли с ним вместе несколько сотен миль, затем, наконец, Лао-цзы уговорил их вернуться. После этого, когда он уже один пересекал границу, его задержал стражник. Стражник тоже был его учеником. Он сказал: «Пока ты не напишешь книгу, я не позволю тебе перейти границу. Ты должен сделать это для человечества. Напиши книгу. Это твой долг, который ты обязан заплатить, иначе я не пропущу тебя». Так что в течение трех дней Лао-цзы сидел под арестом у собственного ученика.

Это прекрасный поступок. В нем много любви. На Лао-цзы было оказано давление, и в результате родилась эта маленькая книга — книга Лао-цзы «Дао Де Цзин». Он вынужден был написать ее, потому что его ученик не пропускал его через границу. Этот ученик был стражником, он обладал властью и мог создать сложности для Лао-цзы, поэтому Лао-цзы пришлось написать эту книгу. Он закончил ее через три дня.

Вот первое предложение книги:

Дао, о котором можно что-то сказать, —
Не Абсолютное Дао.

Это — первое, что он хочет сказать: то, что выражено словами, не может быть истинным. Это вступление к книге. Оно просто заставляет вас быть бдительными,

предупреждая: сейчас последуют слова, не становитесь жертвой слов. Помните о том, что находится за пределами слов. Помните о том, что нельзя передать с помощью языка, с помощью слов. Дао можно передать, но оно может быть передано только от существа к существу. Оно может быть передано, только когда вы находитесь рядом с мастером, просто рядом с мастером — ничего не делая, даже ничего не практикуя. Оно может быть передано, когда вы просто находитесь в присутствии мастера.

Почему истину нельзя выразить словами? В чем сложность? Истину нельзя выразить словами по многим причинам. Первая и самая главная причина в том, что истина всегда постигается в тишине. Она постигается, когда останавливается ваш внутренний монолог. А если вы постигли ее в тишине, как вы можете выразить это с помощью звуков? Это переживание. Это не мысль. Если бы это была мысль, она могла бы быть выражена, это было бы не трудно. Какой бы сложной ни была мысль, можно найти способ ее выразить. Самую сложную теорию Альберта Эйнштейна — теорию относительности — можно записать в виде символов. С этим нет проблем. Возможно, ее смогут понять многие, но речь не об этом. Ее можно выразить.

Говорят, что когда Эйнштейн был жив, только двенадцать человек во всем мире понимали его и то, о чем он говорит. Но даже этого достаточно. Даже если всего один человек может понять, значит, мысль была выражена. И даже если никто не может чего-то понять прямо сейчас, возможно, через несколько веков появится человек, которому это удастся. Тогда это действительно было выражено. Если это когда-нибудь может быть понято, значит, это было выражено.

Но истину невозможно выразить, потому что она постигается в тишине, в отсутствии звуков, в отсутствии

мыслей. Вы постигаете ее с помощью *не-ума*, когда ум отброшен. Как можно использовать для выражения истины то, что должно быть отброшено еще до того, как истина будет достигнута? Ум не способен понять, ум не способен постичь — как он может что-то выразить? Запомните это как правило: если ум способен что-то постичь, он может это выразить; если ум не способен постичь, он не может выразить. Любые слова бессильны. Истину невозможно выразить.

Тогда зачем существуют писания? Тогда чем занимается Лао-цзы? Зачем нужны Упанишады? Они все пытаются выразить словами то, о чем нельзя сказать словами, в надежде, что у вас появится желание узнать это. Истину невозможно выразить в словах, но сама попытка это сделать пробуждает в слушателе желание узнать это невыразимое. Можно пробудить в нем жажду.

Вернее, жажда уже есть, нужна небольшая провокация. Вы уже жаждете — как же иначе? Вы не являетесь блаженными, экстатичными. Вы — жаждущие. Ваше сердце — горящий огонь. Вы ищете то, что могло бы утолить жажду, но не находя воды, не находя источника, вы постепенно начинаете подавлять саму жажду. Это единственный выход — иначе вам не выдержать, жажда не позволит вам жить. Поэтому вы подавляете ее.

Такой мастер, как Лао-цзы, прекрасно знает, что истину невозможно выразить словами, но сама попытка выразить ее что-то спровоцирует, вынесет подавленную жажду на поверхность. А когда жажда выходит на поверхность, начинается поиск, исследование. Мастер подталкивает вас.

Дао, о котором можно что-то сказать, —
Не Абсолютное Дао.

Самое большее — оно может быть относительным.

Например, мы можем рассказывать о свете слепому человеку, прекрасно зная, что невозможно передать ему ощущение света, поскольку у него нет такого переживания. Но мы можем рассказывать о свете — потому что существуют теории о нем. Даже слепой человек может стать знатоком теорий о свете, науки о свете — с этим нет проблем, — но он не поймет, что такое свет. Он поймет, из чего состоит свет. Он поймет физику света, химию света, поэзию света, но не поймет, что такое свет, не поймет, что он действительно собой представляет. Слепой человек не сможет его ощутить. Поэтому все, что слепому рассказывают о свете, относительно: это что-то, связанное со светом, но не сам свет. Свет не передается с помощью слов.

Можно что-то сказать о божественном, но божественное не может быть высказано; можно что-то сказать о любви, но любовь не может быть высказана. Это «что-то» остается относительным. Оно зависит от слушателя — от его понимания, сообразительности, образования, его желания понять. Оно зависит от мастера — его способа выражения, его средств выражения. Оно остается относительным и зависит от многих вещей, но оно никогда не становится абсолютным переживанием. Это первая причина, почему истину нельзя выразить в словах.

Вторая причина заключается в том, что истина — это переживание. Ни одно переживание невозможно выразить — не говоря уже об истине. Если вы никогда не знали любви, тогда в тот момент, когда кто-то будет говорить о ней, вы услышите слова, но упустите смысл. Это слово есть в словаре. Если оно вам непонятно, вы можете заглянуть в словарь и узнать, что оно означает. Но смысл находится внутри вас. Смысл приходит

с переживанием. Если вы кого-то любили, тогда вы знаете, что значит слово «любовь». Буквальное значение этого слова можно найти в словаре, оно является частью языка. Но эмпирическое значение, экзистенциальное значение находится в вас. Если вы знакомы с этим переживанием, тогда слово «любовь» сразу перестает быть пустым, оно наполняется смыслом. Когда я говорю что-то, это остается просто словами до тех пор, пока вы не привносите туда свое переживание. Когда мои слова соединяются с вашим переживанием, они наполняются смыслом, а иначе они остаются пустыми — слова, слова, слова...

Как вы можете выразить истину, если у вас нет переживания ее? Даже если взять обычную жизнь, вы не можете рассказать о том, чего не пережили, — можно передать лишь слова. Остается только оболочка — содержимое теряется. До вас долетают пустые слова; вы их слышите и думаете, что понимаете, потому что знаете их буквальное значение, но вы упускаете смысл. Настоящий, истинный смысл приходит через экзистенциальное переживание. Вы должны *познать* этот смысл — другого способа нет. Здесь нет другого пути. Истину невозможно передать. Вы не можете ее украсть, вы не можете ее позаимствовать, вы не можете ее купить, присвоить, выпросить — это вам не удастся. Если у вас ее нет, значит ее нет. Так что же вам делать?

Единственный способ, я подчеркиваю, единственный способ — это жить рядом с человеком, который познал этот опыт. Когда вы просто находитесь в присутствии того, кто познал, что-то таинственное начинает передаваться вам... не через слова — происходит скачок энергии. Это можно сравнить с тем, как пламя перескакивает с одной свечи на другую — вы подносите незажженную свечу к горящей, и пламя перескакивает. То же самое происходит между мастером

и учеником: происходит передача за пределами писаний — передается энергия, а не послания, передается жизнь, а не слова.

Дао, о котором можно что-то сказать, —
Не Абсолютное Дао.

Помните это условие.
Теперь перейдем к сутрам:

Когда все в Поднебесной постигают прекрасное как прекрасное,
Появляется и признается уродство.
Когда все в Поднебесной постигают добро как добро,
Появляется и признается зло.

Лао-цзы — абсолютный анархист. Он говорит: «Как только вы начинаете думать о порядке, появляется беспорядок. Как только вы подумали о боге, тут же появляется дьявол, поскольку мышление может существовать только в терминах противоположностей, мышление может существовать только в терминах двойственности. Мышлению присуща глубокая дихотомия, мышление шизофренично, оно расщеплено». Именно поэтому я так настаиваю на достижении состояния недумания — только тогда вы сможете быть едиными. Иначе вы останетесь двойственными, разделенными, расщепленными, шизофреничными.

На Западе шизофрения все больше и больше становится обычным явлением, потому что все западные религии глубоко шизофреничны — они разделяют. Они говорят, что Бог есть добро. Что же тогда делать со злом? Бог — это только добро и он не может быть злом, а в жизни столько зла. Куда девать все зло? Появляется дьявол. Как только вы создаете бога, вы тут же создаете дьявола.

Должен вам сказать, что Лао-цзы никогда не говорит о боге — никогда. Он ни разу не употребляет слово «бог»: как только вы упоминаете о боге, через ту же самую дверь немедленно входит дьявол. Откройте дверь — и они войдут оба. Мышление всегда существует в терминах противоположностей.

Когда все в Поднебесной постигают прекрасное как прекрасное, Появляется и признается уродство.

Когда люди забудут о красоте, мир станет прекрасным, потому что тогда не будет уродства. Когда люди полностью забудут слово «мораль», мир станет моральным, потому что тогда не будет аморальности. В мире установится порядок, когда никто не будет его навязывать, когда никто не будет пытаться его создать. Все те, кто пытается создать порядок, вносят смуту, творят беспорядок. Но это трудно понять. Трудно, поскольку наш ум воспитан всеми этими мыслителями-шизофрениками. Они говорят: отдай предпочтение богу и отвергни дьявола, будь хорошим, не будь плохим. И чем сильнее вы пытаетесь быть хорошими, тем более неполноценными вы себя чувствуете.

Вы когда-нибудь замечали, что святые, которые пытаются быть абсолютно добродетельными, слишком обеспокоены своими грехами? Если нет, то почитайте «Откровения» Блаженного Августина. Попробуйте всю жизнь быть святыми — и возникнет острое ощущение греха. Чем больше вы пытаетесь быть святыми, тем больше вы чувствуете, что со всех сторон окружены грехами. Попробуйте быть хорошими, и вы почувствуете, как вы несовершенны. Попробуйте быть любящими, и вы столкнетесь с ненавистью, гневом, ревностью, чувством собственности. Попробуйте быть красивыми, и вы все больше и больше будете осознавать, как вы уродливы.

Отбросьте разделение. Отбросьте шизофрению. Будьте естественными, простодушными. Когда вы естественны, вы не знаете, какие вы — красивые или уродливые.

Есть одна суфийская история...

Однажды мастер, путешествующий со своими учениками, остановился на ночь на постоялом дворе. Хозяин постоялого двора сообщил ему, что у него есть две жены — одна красивая, а другая уродливая.

— Проблема в том, — сказал он, — что я люблю уродливую, а красивую ненавижу.

Мастер спросил:

— Почему? В чем причина?

Хозяин постоялого двора ответил:

— Красивая хорошо знает, что она красива, и это делает ее уродливой (конечно, когда вы постоянно думаете о своей красоте, вы становитесь уродливыми), а другая слишком хорошо осознает свое уродство и поэтому кажется красивой.

Красивая постоянно думала о том, что она красива, и в результате она стала высокомерной, она возгордилась. Как можно быть высокомерной и оставаться красивой? Высокомерие — это уродство. Она стала очень эгоистичной. Вы когда-нибудь встречали красивое эго? Как это может быть красивым? Другая жена, которая была уродливой и осознавала свое уродство, стала скромной, а скромность сама по себе прекрасна. Смирение, в котором нет гордыни, нет эго, делает вас красивыми.

Хозяин постоялого двора сказал:

— Я в затруднении. Я люблю уродливую и ненавижу красивую. Прошу тебя, реши эту головоломку. В чем дело? Почему так происходит?

Мастер созвал всех своих учеников и обратился к ним:

— Вы тоже послушайте, так как в этом действительно есть нечто такое, что необходимо понять.

И он сказал то же самое, что говорит Лао-цзы. Он сказал ученикам:

— Не гордитесь тем, что вы знаете. Если вы думаете, что вы знаете, вы невежественны. Если вы думаете, что вы не знаете, вы мудры. Абсолютно невинный человек не думает ни о том, ни о другом — независимо от того, знает он или не знает. У него отсутствует всякое самомнение.

Мне бы хотелось немного продолжить эту историю. В рассказе суфия она заканчивается на этом месте. Но я хотел бы придать ей более глубокий смысл. Должен вам сообщить, что я тоже посетил этот постоялый двор, конечно, через много лет после визита того мастера. Хозяин постоялого двора подошел ко мне и сказал:

— Я в замешательстве. Однажды ко мне пришел суфийский мастер, я поделился с ним этой проблемой, и он ее разрешил. Но потом все изменилось. Моя уродливая жена возгордилась своим смирением, и я больше не люблю ее. Теперь не только ее тело уродливо, теперь вся ее сущность стала уродливой. А красивая жена, поняв, что мысли о красоте разрушали ее красоту, отбросила их. Теперь я ее люблю. Теперь не только ее тело прекрасно, ее сущность тоже стала прекрасной.

Затем он спросил:

— Скажи мне, в чем дело?

Но я ответил:

— Пожалуйста, замолчи. Если я что-то скажу, тогда история снова повторится. Лучше молчи!

Самомнение — это болезнь. В действительности, отсутствие самомнения свидетельствует о вашей ре-

лизованности. Отсутствие самомнения — это и есть просветление. Но как оно можете отсутствовать, если вы разделены, если вы бросаетесь из одной крайности в другую, если вы постоянно стоите перед выбором?

Вы всегда выбираете: вы стремитесь быть красивым — и уродство становится вашей тенью; вы стремитесь быть религиозным — и отсутствие религиозности становится вашей тенью; вы стремитесь быть святым — и грех становится вашей тенью. Выбирайте — и вы окажетесь в сложном положении, потому что ваш выбор делит жизнь на две части. Не выбирайте, откажитесь от выбора. Позвольте жизни течь. Иногда она кажется божественной, иногда она кажется дьявольской — и то и другое прекрасно. Не выбирайте. Не пытайтесь стать святыми, иначе ваша святость не будет настоящей святостью: в ней появится гордыня, которая сделает все уродливым. Поэтому я часто говорю, что грешники достигают божественного, а святые его упускают. Просто грешники всегда скромны, они считают себя грешниками, они ни на что не претендуют.

Я расскажу вам другую историю.

Один святой постучал в ворота рая. И одновременно с ним в эти же ворота постучал грешник. Святой хорошо знал грешника. Они жили по соседству и умерли в один день.

Двери распахнулись. Святой Петр, смотритель ворот, даже не взглянул на святого. Он тепло поприветствовал грешника. Святой почувствовал себя оскорбленным, он не ожидал, что грешника так примут.

Он спросил Святого Петра:

— В чем дело? Ты меня оскорбляешь, ты обижаешь меня. Почему ты встречаешь грешника с таким радушием, а на меня не обращаешь внимания?

Святой Петр ответил:

— Потому что у тебя есть ожидания. У него нет ожиданий. Он просто испытывает благодарность за то, что попал в рай. Ты же чувствуешь, что заслужил это. Он ощущает милость Бога; ты думаешь, что достиг этого благодаря своим собственным усилиям. Для тебя это достижение, а все достижения — от эго. Он скромн. Он не может поверить в то, что попал в рай.

Вполне вероятно, что грешник может достигнуть, а святой — упустить. Если святой слишком переполнен своей святостью, он упустит.

Лао-цзы говорит:

Когда все в Поднебесной постигают прекрасное как прекрасное,
Появляется и признается уродство.

Когда все в Поднебесной постигают добро как добро,
Появляется и признается зло.

Поэтому

Бытие и небытие порождают друг друга.

Используйте и то и другое, не выбирайте. В жизни все взаимозависимо. Используйте грех — он существует для какой-то цели, иначе его бы не было. Используйте гнев — он существует для какой-то цели, иначе его бы не было. У всего есть свое назначение в жизни. Как что-то может существовать без цели? Жизнь — это не хаос, это космос, полный смысла.

Бытие и небытие порождают друг друга.

Поэтому будьте и не будьте одновременно.

Трудное и простое дополняют друг друга;

Длинное и короткое соотносятся друг с другом;

Высокое и низкое определяют друг друга;

Звуки и голоса сливаются в гармонии;

То, что впереди, и то, что позади, следуют вместе.

Лао-цзы говорит, что противоположности — на самом деле не противоположности, а взаимодополняющие части. Не разделяйте их, разделение ложно; они едины, они связаны друг с другом. Как любовь может существовать без ненависти? Как сострадание может существовать без гнева? Как жизнь может существовать без смерти? Как счастье может существовать без несчастья? Как рай может существовать без ада?

Ад — не противоположностьрая; ад и рай дополняют друг друга, они существуют вместе. В действительности, это две стороны одной медали. Не выбирайте. Наслаждайтесь и тем и другим. Позвольте существовать и тому и другому. Создайте гармонию между ними, не выбирайте. Тогда ваша жизнь станет симфонией противоположностей, а это самая прекрасная жизнь, которая возможна. С одной стороны, она будет очень обычной, с другой стороны — очень неординарной.

Именно потому я говорю, что Будда парит в небесах, в нем нет ничего земного. Лао-цзы — это и земля и небо одновременно. Будда даже в своем совершенстве кажется несовершенным; Лао-цзы даже в своем несовершенстве совершенен, безупречен.

Вы меня понимаете? Постарайтесь вникнуть!

Будде с его совершенством все же чего-то не хватает, ему не хватает земных качеств. Он неземной, как призрак, ему недостает телесности; он бестелесен, он — дерево без корней.

Вы — корни, и только корни; дерево еще не выросло, дерево еще не расцвело. Будда — это только цветы, а вы — только корни. Лао-цзы — это и то и другое. Возможно, он не выглядит таким совершенным, как Будда,

но он и не может быть таким, потому что в нем всегда присутствуют обе противоположности — как он может быть совершенным? Тем не менее он всеобъемлющ. Он тотален. Возможно, он несовершенен, но он тотален. Об этом нужно помнить постоянно: не пытайтесь быть совершенными, стремитесь быть тотальными. Если вы пытаетесь стать совершенными, значит, вы следуете Будде, вы следуете Махавире, вы следуете Иисусу. Но только тогда, когда вы стремитесь к тотальности, вы почувствуете вкус того, что значит быть рядом с Лао-цзы, что значит следовать Дао.

Дао — это тотальность. Тотальность несовершенна, она всегда несовершенна — потому что она всегда живая. Совершенство всегда мертво; все, что становится совершенным, мертво. Как оно может жить? Как можно жить, будучи совершенным? Совершенству нет необходимости жить. Оно отвергло другую полярность. Жизнь существует благодаря напряжению, создаваемому противоположностями, благодаря встрече противоположностей. Если вы отвергаете противоположное, вы можете стать совершенными, но вы не будете тотальными, вы что-то упустите. Каким бы прекрасным ни был Будда, ему чего-то не хватает. Лао-цзы не так прекрасен, не так совершенен.

Если вы встретите Будду и Лао-цзы, то Лао-цзы будет выглядеть обычным, а Будда — необычным, возвышенным. Но я говорю вам: в Лао-цзы живут тысячи будд. Он укоренен глубоко в земле — он связан с землей и поднимается высоко в небо; он — и небо и земля, он — встреча противоположностей.

Нужно помнить о трех понятиях: одно — «зависимость», другое — «независимость», третье — «взаимозависимость».

Будда независим. Вы зависимы: муж зависит от жены, отец зависит от сына, индивидуум зависит от обще-

ства — тысячи зависимостей. Вы зависимы. Будда независим, как горный пик. Он оборвал все связи с миром: с женой, с ребенком, с отцом — все связи. Он отрекся от всего; он — колосс независимости. Вы представляете собой одну противоположность. Будда является другой противоположностью. Вы можете быть уродливыми, он же — прекрасен. Но его красота существует благодаря вашему уродству. Если вы исчезнете, Будда тоже исчезнет. Он выглядит мудрым из-за вашей глупости — если вы станете мудрыми, он больше не будет мудрым.

Лао-цзы — это воплощение взаимозависимости, потому что в жизни все связано друг с другом. Вы не можете быть зависимыми, вы не можете быть независимыми — это противоположные состояния. Взаимозависимость находится точно между ними — там, где жизнь обретает равновесие. Все существует во всем остальном, все взаимосвязано. Уничтожьте цветок — и вы уничтожите звезду. Все взаимосвязано, ничто не существует как остров. Вы можете попробовать жить как остров — это возможно, но это будет нечто сверхъестественное, почти миф, сон. Лао-цзы верит во взаимозависимость. Он говорит: принимайте все таким, какое оно есть, не выбирайте.

Это кажется простым и в то же время сложным, потому что ум всегда стремится выбирать. Ум живет благодаря выбору. Если вы не выбираете, ум исчезает. Это путь Лао-цзы. Как отбросить ум? Не выбирать! Вот почему Лао-цзы никогда не предписывает никакой медитации: когда вы не выбираете, в медитации нет необходимости.

Не выбирайте. Принимайте жизнь такой, какой она приходит, — плывите в потоке. Не делайте усилий, чтобы куда-то попасть. Не двигайтесь к цели, наслаждайтесь полнотой момента и не беспокойтесь о прошлом

или будущем. И тогда в вашей душе родится симфония, высшее и низшее встретятся внутри вас — и вы будете по-настоящему богаты.

Если вы представляете собой только высшее, вы бедны, потому что становитесь похожими на горы без долин, это — жалкие горы. Долины дают ощущение глубины, таинственности, в долинах живет поэзия. Горный пик прост и понятен. В долине обитают тени, она полна тайн. Без долины горный пик беден. А долина бедна без горного пика, потому что тогда в ней живет только темнота. Ее никогда не посещает солнце; в ней сыро, мрачно и тоскливо. Богатейшая возможность заключается в том, чтобы быть и горным пиком, и долиной одновременно.

Ницше как-то сказал... Ницше обладал одним из самых пронизательных умов, каким только может обладать человек. Из-за этой пронизательности он и сошел с ума — его ум был слишком сильным, Ницше не мог его сдерживать. Он говорил, что, если дерево хочет дорасти до небес, оно должно корнями уходить как можно глубже в землю. Его корни должны проникнуть глубоко в землю, в самый ад, и только тогда его ветви, его верхушка смогут достать до небес. Дерево должно достичь и ада, и небес; высоты и глубины.

То же самое относится к человеку: в глубине своего существа вы каким-то образом должны встретиться и с дьявольским, и с божественным. Не бойтесь дьявола, иначе ваш бог будет бедным богом. Христианский и иудейский боги очень бедны. Христианский, иудейский и мусульманский боги пресны, в них нет соли. Их лишили соли, их соль превратилась в дьявола. Бог и дьявол должны стать единым целым. Существование — это органическое единство противоположностей, таких, как бытие и небытие, сложное и простое, длинное и короткое, высокое и низкое.

Звуки и голоса сливаются в гармонии;
То, что впереди, и то, что позади, следуют вместе.

Поэтому мудрец
Совершает деяния, пребывая в бездействии...

Лао-цзы называет это *ву вэй* — мудрец совершает деяния, пребывая в бездействии. Существует три возможности. Первая — действовать и пренебрегать бездействием. Тогда вы будете мирским человеком. Вторая возможность — отказаться от любой деятельности, уйти в Гималаи и пребывать в состоянии бездействия. Тогда вы будете не от мира сего. Третья возможность — жить в мире, но не позволять миру жить в вас. Действовать, но не быть активным, двигаться, но оставаться неподвижным внутри.

Я говорю с вами, и внутри меня тишина — я говорю и не говорю одновременно. Движение и отсутствие движения. Действие и бездействие. Если действие и бездействие встречаются, возникает гармония. Тогда вы становитесь красивым существом — не красивым на фоне уродства, а красивым в том смысле, что вы включаете в себя также и уродство.

Подойдите к розовому кусту. Посмотрите на цветы и на шипы. Шипы не противостоят цветку, они защищают его. Они — стражники, обеспечивающие безопасность цветка. В действительно красивом человеке, в действительно гармоничном человеке ничего не отвергается. Отрицание направлено против существования. Все должно быть принято. Это искусство. Если вы отвергаете, значит, вы не художник. Все должно быть принято, использовано. Если вам на пути встречается камень, не отталкивайте его, используйте его как точку опоры.

Поэтому мудрец
Совершает деяния, пребывая в бездействии...

Он не убегает в Гималаи. Он остается в мире. Он совершает деяния, но при этом не действует. Внутри он не активен — действие остается вовне. В своем центре он не активен. Именно это Лао-цзы называет *ву вэй* — попадание в центр циклона. Циклон бушует вовне, но в его центре ничто не движется, ничто не колеблется.

Проповедует учение, не прибегая к словам.

Здесь я проповедую вам учение без слов. Вы скажете, что я использую слова. Да, я проповедую... без слов, потому что глубоко внутри меня не возникает ни одного слова. Слова нужны вам, не мне; слова предназначаются вам — мне они не нужны. Я использую их, но не позволяю им использовать меня, они не накапливаются во мне. Сейчас я не разговариваю с вами, я вообще не разговариваю. Я никогда не разговариваю сам с собой, у меня нет внутреннего диалога. Когда я молчу, я нахожусь в тишине, а когда говорю, тишина не нарушается, тишина остается нетронутой.

Проповедует учение, не прибегая к словам.

В бесчисленном множестве вещей

Он ничего не отвергает...

Он никогда не убегает. Он никогда не отвергает. Он никогда не отрекается. В этом смысл моей *саньсяси*. Слово «*саньсяси*» означает «отречение», но я не проповедую отречение. Тогда почему я называю вас саньсяси-нами? Я называю вас саньсяси-нами, имея в виду понимание Лао-цзы: отвергайте и в то же время не отвергайте, оставайтесь в мире и в то же время будьте вне его — это и есть встреча противоположностей.

Поэтому я не говорю, чтобы вы бросали или оставляли свои семьи, уходили из них. В этом нет необходимости. Будьте там, будьте полностью там, но помните:

пусть глубоко внутри вас остается то, что выше этого, что находится за пределами этого. Когда вы находитесь рядом со своей женой, будьте с ней, но также будьте и с собой. В этом вся суть. Если вы забываете о себе и помните только о своей жене, тогда вы мирской человек. Тогда рано или поздно вы сбежите, потому что это приведет к таким страданиям, что вы захотите отречься от всего и уйти в горы. И то и другое — крайности. А истина никогда не заключена в одной из крайностей. Истина включает обе крайности. Она — в обеих крайностях и ни в одной из них.

В бесчисленном множестве вещей

Он ничего не отвергает;

Все принимая, он ничем не обладает...

Любите своих детей, но не превращайте их в свою собственность. Любите свою жену и своего мужа, но не делайте их своей собственностью. Как только вы начинаете обладать кем-то... вы, не замечая того, сами становитесь чьей-то собственностью. Когда вы обладаете кем-то, кто-то обязательно обладает вами. Обладатель является в то же время объектом обладания. Не обладайте — потому что обладание пытается разрушить центр другого человека, а другой вам этого не позволит. Если вы попытаетесь разрушить центр другого человека, сама эта попытка будет способствовать разрушению вашего собственного центра. Тогда останется только циклон — центр исчезнет. Будьте в мире и в то же время вне его. Пусть что-то глубокое внутри вас остается за его пределами, остается парящим в небесах — корни в земле, ветви в небесах.

Все принимая, он ничем не обладает;

Действуя, не ожидает вознаграждения;

Достигая совершенства, не требует уважения.

Он просто является частью целого — как он может требовать уважения? Он просто является частью этого органического единства, этого существования, этой реальности. Он — часть всего этого, как он может чего-то требовать? Как волна может чего-то требовать? Волна — это просто часть океана.

Действуя, не ожидает вознаграждения;
Достигая совершенства, не требует уважения.

И именно потому, что он не требует уважения,
Уважение невозможно у него отнять.

Такова абсурдная логика Лао-цзы. Он абсолютно логичен, но его логика своеобразна. Он говорит:

И именно потому, что он не требует уважения,
Уважение невозможно у него отнять.

Если вы требуете, ваше требование может быть отвергнуто. Если вы не требуете, то как требование, которое даже не было выдвинуто, может быть отклонено? Если вы пытаетесь быть кем-то значительным в этом мире, тогда можно доказать, что вы никто. Это и будет доказано, потому что каждый пытается быть значительным и каждый является вашим конкурентом в этом стремлении. Но если вы ни на что не претендуете, если вы остаетесь никем — как это может быть опровергнуто? Оставаясь никем, вы становитесь кем-то — никто не может это опровергнуть, никто не может соперничать с этим.

Если вы пытаетесь быть победителем, вы будете побеждены. Спросите Александров Македонских, Наполеонов и Гитлеров — если вы пытаетесь быть победителями, вы будете побеждены. Лао-цзы говорит: не

пытайтесь быть победителем, тогда никто не сможет одержать над вами победу. Очень тонкая логика, логика самой жизни: не требуйте, и ваше требование будет полностью удовлетворено; не пытайтесь быть победителем, и ваша победа будет абсолютной; не пытайтесь — просто будьте. И все, к чему вы стремитесь, придет к вам само по себе.

Человек, который ни о чем не просит, ни в чем не пытается быть успешным, не стремится удовлетворить свои амбициозные желания, внезапно обнаруживает, что все реализуется: сама жизнь приходит к нему, чтобы поделиться своими тайнами, своими сокровищами. Поскольку человек, который ничего не требует, становится пустотой, жизнь непрерывно заполняет эту пустоту своими тайнами и сокровищами.

Жизнь не терпит вакуума. Если вы становитесь пустыми, все приходит к вам само по себе. Если вы совершаете попытки, вы терпите поражение; если вы не совершаете попыток, успех абсолютно неизбежен. Я не говорю, чтобы вы, желая преуспеть в жизни, не делали попыток, — нет, я не это имею в виду. Успех — это не результат, это следствие. Необходимо понять разницу между результатом и следствием. Когда вы слушаете Лао-цзы или меня, вы, естественно, понимаете эту логику так: если вы попытаетесь быть победителем, вас ждет поражение, потому что у вас миллионы конкурентов. Как вы можете добиться успеха в этом мире конкуренции? Никто никогда не добивается успеха. Каждый терпит поражение. Каждый терпит абсолютное поражение — не бывает никаких исключений. А Лао-цзы говорит, что если вы не пытаетесь преуспеть, то добьетесь успеха. Ваш ум становится алчным, ваш ум говорит: «Ага! Вот путь к успеху: я не буду ничего требовать, я не буду амбициозным, и тогда мои желания реализуются». Но тогда вы хотите результата.

Вы остаетесь на том же уровне — вы полностью упускаете Лао-цзы.

Лао-цзы говорит, что если вы действительно ничего не требуете — ни уважения, ни славы, ни известности, ни успеха, ни реализации своих амбициозных желаний, — успех приходит как следствие, тогда вы становитесь победителем. Все существование вливается в вашу пустоту; вы становитесь реализованным. Это следствие, а не результат. Результат — это то, что вы стремитесь получить; следствие — это то, о чем вы даже не думали, не помышляли, чего не желали. Это происходит как часть внутреннего закона существования. Этот закон называется Дао.

И именно потому, что он не требует уважения,
Уважение невозможно у него отнять.

Поймите Лао-цзы. И осознайте свою внутреннюю алчность, потому что алчность может потребовать... Это происходит каждый день, почти каждый день ко мне приходят люди, и я им говорю: «Медитируйте, но не ждите результатов». Они спрашивают: «Если мы не будем ждать результатов, они придут?» Я отвечаю: «Да, они придут, но не ждите их». Они соглашаются, но через несколько дней приходят ко мне и жалуются: «Мы ждали-ждали, но до сих пор ничего не случилось».

Вы упускаете суть. Вы не умеете ждать. Вы умеете ждать результата, но вы не умеете ждать следствия. Следствие никак не связано с вами и с вашим ожиданием. Это часть фундаментального закона. Оно приходит само по себе. Вам не нужно даже ждать — потому что в самом ожидании присутствует желание. А если есть желание, следствие никогда не придет. Не желайте, и все случится. Не просите, и все придет. Иисус говорит: «Просите, и дано будет вам. Стучите, и отворят вам».

Лао-цзы говорит: «Не просите, и вам будет дано. Не стучите: двери всегда открыты — просто посмотрите!»

И я утверждаю, что Лао-цзы идет глубже, чем кто-либо. Лао-цзы — величайший ключ. Если вы понимаете его, тогда он — волшебный ключ, и вы можете открыть этим ключом все замки, которые есть в жизни, в существовании. Попробуйте понять Лао-цзы. Это будет легко для вас, если вы не станете ждать результатов, которые может принести это понимание. Просто наслаждайтесь им. Просто наслаждайтесь тем, что вы отправились в путешествие с этим стариком. Этот старик прекрасен — но не в сравнении с уродством; этот старик мудр — но не в сравнении с глупостью; этот старик просветленный — но не в сравнении с отсутствием просветления или непросветленными людьми. Этот старик тотален. Он содержит вас, и в то же время он содержит будд. Он включает и то и другое. Если вы сможете его понять, вам нечего будет больше понимать. Тогда можете забыть Махавиру, Будду, Кришну — достаточно одного Лао-цзы. Он — волшебный ключ.

Достаточно на сегодня.

Глава 2

Обыкновенность

Первый вопрос:

*Ошо,
Может быть, я попал сюда по ошибке? Все, чего я хочу, — это быть обычным счастливым человеком. Я хочу любить женщину и хочу, чтобы она любила меня, я хочу, чтобы у меня были друзья, с которыми можно проводить время и радоваться жизни. Мне не нужно просветление. Неужели я попал сюда по ошибке?*

Столетия неправильного воспитания привели к тому, что в твоём уме появилось совершенно ошибочное представление о просветлении. Само это слово кажется неземным, пришедшим из другого мира. Все думают, что оно означает что-то такое, что происходит с людьми после смерти и случается только с теми, кто уже умер. Это абсолютно неверно.

Если ты хочешь быть счастливым, то у тебя нет другого пути, кроме просветления. Если ты хочешь быть обычным, знай, что никто и никогда не становился обычным без просветления. Если ты хочешь любить и быть любимым, знай, что без просветления это невозможно. Поэтому тебе придется понять мое представ-

ление о просветлении. Быть просветленным — значит просто быть обычным, здоровым, осознанным, целостным, тотальным.

Любой ум стремится к экстраординарности. Так устроено эго: человек стремится быть особенным, он всегда боится, что станет никем, боится пустоты, всегда старается заполнить чем-то эту внутреннюю пустоту. Каждое человеческое существо стремится к экстраординарности — и это приводит к страданию. Это невыполнимо. Безличность — сама ваша природа; небытие — это то, из чего вы сделаны. Как бы вы ни старались, вы никогда не преуспеете; даже Александр Македонский потерпел поражение. Вы не можете быть кем-то, потому что такова природа вещей. Вы можете быть только ничем.

Но нет ничего плохого в том, чтобы быть ничем. Фактически в тот момент, когда вы признаете, что вы — ничто, из вас начнет изливаться и растекаться во всех направлениях блаженство, поскольку страдание исчезнет. Страдание — это тень эго, тень амбициозного ума. Страдание означает, что вы делаете что-то невозможное, и из-за того, что терпите неудачу, страдаете. Вы делаете что-то неестественное, совершаете какие-то попытки и терпите неудачу, поэтому вы разочаровываетесь и чувствуете себя несчастными. Ад — это конечный результат неестественных усилий, которые ни к чему не приводят. Рай же означает не что иное, как просто быть естественными.

Вы — ничто. Вы рождены как ничто, без имени, без формы. Вы умрете как ничто. Имя и форма существуют только на поверхности; в глубине вы просто бескрайнее пространство. И это прекрасно, потому что, если вы — кто-то, вы будете ограничены. Хорошо, что Бог никому не позволяет быть кем-то; если вы кто-то, вы будете конечны, ограничены, вы будете узником. Нет,

Бог не позволяет этого. Он предоставляет вам свободу быть *ничем* — беспредельным, бесконечным. Но вы не готовы к этому.

Для меня просветление — это явление, которое позволяет узнать, понять, принять тот факт, что каждый человек — *ничто*. Внезапно вы перестаете пытаться совершить невозможное. Внезапно вы перестаете тянуть себя вверх за волосы. Вы понимаете, что это абсурдно, и останавливаетесь. И по всему существу разливается смех. Вы вдруг становитесь спокойными и собранными. Само усилие, возникающее из желания быть кем-то, создает трудности.

Когда вы пытаетесь быть кем-то, вы не можете любить. Амбициозный ум не способен любить. Это невозможно, потому что сначала он должен реализовать свои амбиции. Ему приходится для этого жертвовать всем. Он будет снова и снова жертвовать любовью. Посмотрите на амбициозных людей — если они гонятся за деньгами, они всегда откладывают любовь. Они полюбят завтра, когда накопят достаточно денег; прямо сейчас это невозможно, это совершенно непрактично; прямо сейчас они не могут себе это позволить. Любовь — это расслабление, а они бегут, стремясь достичь чего-то, какой-то цели. Это могут быть деньги, власть, престиж, политика. Как они могут любить сейчас? Они не способны быть здесь и сейчас, а ведь любовь — это и есть *здесь-и-сейчас*. Любовь существует только в настоящем, а амбициозные желания устремлены в будущее; любовь и амбиции никогда не встречаются.

Вы не способны любить. А если вы не способны любить, то как вас может полюбить другой? Любовь — это глубокое единство двух существ, которые готовы быть вместе в данный момент, а не завтра, которые готовы быть тотальными в данный момент и полностью забыть о прошлом и будущем. Любить — значит забыть о про-

шлом и будущем и помнить о данном моменте, об этом пульсирующем мгновении, об этом живом мгновении. Любовь — это истина данного момента.

Амбициозный ум никогда не находится *здесь*, он всегда в пути. Как можно полюбить бегущего человека? Бегущий человек всегда участвует в гонке, в состязании, у него нет времени. Или же он предается размышлениям о том, что когда-нибудь в будущем, когда он достигнет цели, когда обретет искомую власть, возжеленное богатство, он сумеет расслабиться и полюбить. Этого не произойдет, потому что цель никогда не будет достигнута.

Амбициозное желание никогда не будет удовлетворено. Это не в его природе. Вы можете удовлетворить одно желание, и оно тотчас же породит тысячу других. Амбициозные желания никогда не прекращаются. Если вы понимаете это, вы можете остановиться прямо сейчас. Но если вы вкладываете энергию в амбициозные желания, как вы можете любить? Поэтому люди так страдают, пытаясь быть кем-то, — страдают, потому что не получают любви, страдают, потому что не могут любить.

Любовь — это экстаз. Это экстаз, который приходит из *не-ума*, из настоящего момента, из того состояния, в котором отсутствуют амбиции, из пустоты. Там, где находятся влюбленные, нет никого: есть только любовь. Когда встречаются двое влюбленных, там нет двоих. Со стороны они могут казаться вам парой. Но если смотреть изнутри, дело обстоит совсем иначе: их не двое. В тот миг, когда они встречаются, двойственность исчезает, остается только поток любви. Любовь возможна, только если вы внутри пусты, если между вами и вашей возлюбленной нет никакого барьера, нет ничего — только пустота. Если вы — это кто-то и ваша возлюбленная тоже является кем-то, тогда встречаются

не двое, а четверо: двое, представляющие из себя *ничто* и остающиеся в тени, и двое тех, которые является кем-то, — фальшивые эго, которые обмениваются рукопожатиями, ласками и любовными жестами. На эту драму стоит посмотреть: смех, да и только! Когда встречаются влюбленные, никого не остается: два *ничто* не могут быть двумя. Как могут два *ничто* оставаться двумя? Ничто лишено границ, ничто — это безграничность. Два *ничто* становятся одним. Двое тех, которые являются кем-то, остаются двумя.

Поэтому любовь становится такой уродливой — та любовь, которую называете любовью вы, а не я. Ваша любовь уродлива, это самое уродливое явление. Ей приходится быть такой. Она могла бы стать самым прекрасным явлением в мире, но вместо этого стала самым уродливым: влюбленные постоянно находятся в состоянии борьбы, ссорятся, заставляют друг друга страдать. Сартр заявляет: «Другой — это ад». Он имеет в виду вашу любовь. Когда вы одни, вы ощущаете расслабление, когда вы рядом с любимым человеком, появляется напряжение. Вы не можете жить в одиночестве, поскольку глубоко внутри вы тоскуете... вы испытываете жажду, сильное желание. Поэтому вы не можете оставаться в одиночестве. Вам приходится действовать. Вы ищете близости, но когда вы с кем-то, вы несчастны. Все взаимоотношения приводят к страданию, и только. Если вы не просветленные, любовь становится просто столкновением, враждой. Каждый постепенно приспособляется к такой любви. Это значит, что он постепенно тупеет и теряет чувствительность. Поэтому весь мир выглядит таким мертвым, таким затхлым. Это отвратительно. Все взаимоотношения утратили свежесть, стали уродливыми.

Так что если ты действительно хочешь любить и быть любимым, то знай, что прямо сейчас для тебя это

невозможно. Тебе придется исчезнуть. Тебе придется исчезнуть, оставив после себя чистую, свежую пустоту. Лишь тогда сможет распуститься цветок любви. Есть семена, но это подобно камню, и семена не могут вырасти на нем.

Ты говоришь, что хочешь быть обычным? Хочешь любить, хочешь иметь друзей и радоваться? Это и есть просветление! Но если ты пойдешь к священникам, проповедникам, служителям официальных религий и церковей, то увидишь, что у них иное просветление. Они против любви, против обычности, против дружбы, против наслаждения, против всего, к чему естественным образом стремится ваша природа. Это великие отравители.

Но если ты пришел ко мне, ты пришел в правильное место — в том смысле, что мое просветление связано с этим миром. Я не говорю, что другого мира не существует. Я не говорю, что есть только земное существование, — нет. Постарайся понять меня правильно. Но другое существование зависит от этого, другой мир зависит от этого мира, небеса зависят от земли. Если ты хочешь подняться выше, тебе придется глубже пустить корни здесь, в этой земле. В этой жизни тебе нужны корни, тогда в другой жизни появятся цветы. Другая жизнь не противоречит этой жизни; на самом деле другая жизнь — это просто цветение этой жизни. Бог не против мира, Бог не находится за его пределами; он в нем, он скрывается в нем. Тебе не нужно отвергать мир, чтобы отправиться на поиски бога — если ты отправишься на поиски, ты никогда его не найдешь. Его можно найти только *здесь-и-сейчас*. Тебе придется искать, придется углубиться в это существование — и это единственный способ обнаружить его. Вся эта жизнь, все это существование есть не что иное, как храм, в котором он скрывается. Не убегай из него.

Я не отвергаю эту жизнь; по сути, я ничего не отвергаю. Я принимаю все, поскольку, если что-то существует, в этом есть какое-то предназначение. Бог не может создавать вещи без всякой цели — он не сумасшедший. Существование очень целенаправленно и осмысленно; если существует эта жизнь, значит, другая жизнь не может существовать без нее. Эта жизнь — основа для другой.

Но когда вы приходите ко мне, вы приносите с собой свои идеи. Когда вы приходите ко мне и я говорю о просветлении, вы понимаете меня исходя из того, чему вас научили. Когда вы приходите ко мне, и я говорю об отречении, саньясе, вы слышите что-то другое — не то, что я говорю. Мне приходится использовать ваш язык, но все слова в нем потеряли свою чистоту. Миллионы людей миллионы раз использовали их, вкладывая в них разные смысловые оттенки, разные значения. Я же наполняю их особым смыслом.

Просветленный — это человек, который полностью осознает свою внутреннюю пустоту и не борется с ней; вместо этого он наслаждается ей, он находит в ней блаженство. Через наслаждение своей пустотой он открывается другим людям; они тоже могут наслаждаться, могут прийти и принять участие в его мистерии. Его двери открыты, он приглашает друзей, любимых, и он готов делиться, он готов отдавать. Когда вы отдаете, черпая из пустоты, вы не боитесь отдавать, потому что пустота неисчерпаема. Вы отдаете еще и еще, еще и еще — пустота всегда внутри, вы не можете исчерпать ее. Исчерпать можно лишь что-то конечное, и это порождает скупость — вы боитесь отдавать. Чего бояться тому, кто чувствует себя пустым? Он отдает себя тотально. До тех пор, пока вы не способны на это, любовь невозможна. Любовь — это священное явление, не обыденное. Всякая любовь достойна того, чтобы называть

ее священной. И когда вы вступаете в мир любви, вы вступаете в мир чистоты и невинности. Когда вы любите, вы входите в храм божественного.

Наслаждайтесь! Я не сторонник печали и вытянутых лиц. Я здесь не для того, чтобы сделать вас еще более несчастными — вы и так уже достаточно несчастны. Я здесь не для того, чтобы увеличить вашу печаль. Я здесь для того, чтобы разбудить вас и заставить ощутить блаженство, которое принадлежит вам от рождения, которое естественным образом открыто для вас. Но вы забыли, как подойти к нему, вы выбрали не то направление: вы ищете блаженство там, где его нет; вы ищете его снаружи, а оно внутри; вы ищете его где-то вдалеке, а оно близко; вы ищете его в далеких звездах, а оно прямо перед вами.

В английском языке есть два прекрасных слова. Первое слово — *obvious* («очевидный»). Слово «очевидный» означает нечто, находящееся прямо перед вами. Оно произошло от латинского корня, который означает нечто, находящееся прямо перед вами. И есть еще одно слово — *problem* («проблема»). Оно происходит от греческого корня, который также означает то, что находится прямо перед вами. Значения корней этих слов совпадают. Очевидное — это и есть проблема. То, что находится прямо перед вами, и есть проблема, потому что вы не можете это увидеть — ваш взгляд блуждает по дальним странам. Очевидное превратилось в проблему. Просветление состоит в том, чтобы осознать очевидное, а когда осознаешь очевидное, проблема исчезает.

Жить без проблем — значит жить просветленной жизнью. Это совершенно иной способ бытия: он не имеет ничего общего с достижениями, он не имеет ничего общего с обучением, усилием, практикой. Все, что требуется, — это быть чуть более бдительным, чтобы смотреть, видеть, наблюдать за тем, что находится

прямо перед вами. Решение ближе, гораздо ближе, чем вы можете себе представить. Не ищите его вдалеке, оно внутри вас. Когда вы обретете свой внутренний центр, основу, когда вы укоренитесь, я предоставляю вам полную свободу — идите и любите. Идите и живите в этом мире; вы можете наслаждаться им, можете попробовать его на вкус, можете понять его глубочайшие возможности. И каждый раз, когда вы будете входить в глубинные сферы реальности, вы будете находить там божественное. Идите глубже в любовь, и вы найдете бога; принимайте пищу внимательно, осознанно, и вы найдете бога.

В Упанишадах сказано: «Пицца — это бог» (*annam brahma*). И еще в Упанишадах сказано, что секс — это брат, брат-близнец окончательного высшего блаженства. Брат-близнец окончательного высшего блаженства — секс! А его так осуждали. Возможно, это низшая ступень лестницы, но она принадлежит самой лестнице. Высшая ступень принадлежит ей в той же мере, что и низшая; на самом деле, все принадлежит Богу и является священным.

Это и есть просветление: способность видеть священную пульсацию во всем. Религия — это не противостояние чему бы то ни было; религия — это способность обнаружить божественное где бы то ни было. И оно везде, оно ждет тебя.

Ты пришел в правильное место. Возможно, твой ум захочет убежать отсюда, потому что здесь ему придет конец. Это место подходит для тебя, но не для твоего ума. Это место абсолютно подходит для твоего существа, но для твоих амбиций, для твоего эго, гордыни, для твоих глупостей это сейчас самое неподходящее на Земле место.

Поэтому решай. Если ты хочешь остаться глупцом, беги. Тогда ум будет продолжать дурачить тебя, говоря,

что ты влюблен и испытываешь наслаждение, хотя ты знаешь, что ты не наслаждаешься и что ты не влюблен. Тогда ум будет продолжать дурачить тебя, говоря, что ты получаешь удовольствие, — ты не можешь получать удовольствие. Того, кто мог бы получать удовольствие, нет. Ты не существуешь. Ты не представляешь собой никакой цельной структуры. Ты можешь продолжать блуждать и обманывать себя, но если ты действительно хочешь быть любимым женщиной, хочешь любить женщину, хочешь иметь друзей и наслаждаться жизнью, — я даю тебе к этому ключ.

Второй вопрос:

Ошо,

Ты говоришь, что Лао-цзы подходит только для редких искателей. Тогда как ты можешь называть его тотальным?

Он для редких искателей, потому что он тотален. Ум боится тотальности, ум всегда стремится к совершенству. Ум — перфекционист.

Попробуйте понять два этих измерения: измерение совершенства и измерение тотальности. С совершенством эго прекрасно уживается; в действительности, эго не может существовать без измерения совершенства. Эго всегда стремится ко все большему и большему совершенству, а когда вы хотите стать совершенными, вам приходится выбирать, и поэтому вы не можете быть тотальными. Если вы хотите быть компетентными, вам приходится выбирать: вы должны оставить глупость, вы должны начать бороться с невежеством. А если вы хотите быть абсолютно компетентными, вы должны отсечь любую возможность проявления невежества, глупости, безумия.

Но тотальный человек — совершенно другой. Он мудр в своей глупости; он глуп в своей мудрости. Он знает, что он невежествен, — в этом его мудрость. В нем встречаются противоположности. Лао-цзы говорит: «Кажется, что все мудры, кроме меня. Я выгляжу глупцом».

Каждый пытается быть компетентным, пытается быть знающим, пытается быть умным — искореняя, пряча, подавляя глупость. Но глупость может обладать собственной красотой — если она соединена с мудростью. Тогда мудрость тотальна. А в измерении тотальности самые великие мудрецы всегда также и глупцы. Они так просты и так невинны, что выглядят глупыми. Многим людям Лао-цзы, должно быть, казался глупцом. Он и был им; он был и тем и другим. И в этом заключается сложность. Ум стремится к совершенству. Кто пойдет к Лао-цзы? Никто не хочет быть одновременно и глупым, и мудрым. Трудно даже представить, как человек может быть одновременно и тем и другим. Как человек может быть одновременно и глупым, и мудрым?

Рассказывают, что суфийский мистик, путешествуя, пришел в одну мусульманскую деревню. А молва о нем достигла этой деревни еще раньше, слава о нем обогнала его. И вот собрались люди и попросили его:

— Выступи с какой-нибудь проповедью.

Мистик ответил:

— Я не являюсь мудрецом, поскольку я также и глуп. Мое учение может вас смутить, поэтому я лучше помолчу.

Но чем больше он старался уклониться от выполнения просьбы, тем больше они настаивали, тем сильнее разгорался их интерес.

В конце концов, он уступил и сказал:

— Хорошо. В ближайшую пятницу я приду в мечеть... О чем же вам рассказать?

Они ответили:

— О Боге, разумеется.

И он пришел. Вся деревня была там, ведь он стал настоящей сенсацией. Он поднялся на возвышение для проповеди и спросил:

— Вы знаете что-нибудь из того, что я собираюсь вам рассказать о Боге?

Жители деревни, конечно, ответили:

— Нет, мы не знаем, что ты собираешься нам рассказать.

— Тогда, — сказал он, — это бесполезно. Если вы вообще ничего не знаете, вы не сможете понять меня. Нужна хотя бы небольшая подготовка, а вы совершенно не подготовлены. Я не буду говорить, потому что в этом нет никакого смысла.

И он вышел из мечети.

Жители деревни растерялись: что же делать? Они уговорили его прийти в следующую пятницу. Он пришел. И когда он снова задал тот же вопрос, все жители были к нему готовы. Он спросил их:

— Вы знаете, о чем я собираюсь с вами говорить?

— Да, конечно, — ответили те.

— Тогда нет необходимости говорить об этом, — сказал мистик. — Если вы уже все знаете, то и дело с концом. Зачем мне утруждать себя попусту и тратить ваше время?

И он вышел из мечети.

Жители деревни были совершенно сбиты с толку: что делать с этим человеком? Они были заинтригованы до предела. Должно быть, он что-то скрывает! Поэтому они опять уговорили его выступить.

Он пришел и снова задал тот же вопрос:

— Вы знаете, о чем я собираюсь вам рассказать?

На этот раз жители деревни оказались немного мудрее.

— Половина из нас знает, а другая половина не знает, — ответили они.

— Тогда мне незачем говорить, — сказал мистик. — Те, кто знает, могут рассказать тем, кто не знает.

Этот мистик — и мудрец, и глупец одновременно. Он кажется глупым, но он очень мудр в своей глупости; он кажется очень мудрым, но ведет себя как глупец. Если вы понимаете жизнь, тогда чем глубже вы идете, тем вам яснее становится, что выбирать нужно целое. А это означает, что вообще нет необходимости выбирать. Выбор рассечет целое на части, и что бы ни получилось в итоге, все будет фрагментарным и мертвым. Мудрость и глупость в жизни соединены в одно целое; если его рассечь, то глупость и мудрость будут существовать по отдельности, но и то и другое будет мертвым. Величайшее искусство жизни состоит в том, чтобы позволять этому целому находиться в таком равновесии, при котором мудрость несет в себе некоторое качество глупости, а глупость несет в себе некоторое качество мудрости. Тогда вы тотальны.

Вот почему к Лао-цзы приходят лишь очень немногие из ищущих. Он кажется абсурдным, потому что иногда он ведет себя как мудрец, а иногда — как глупец. Вы не можете положиться на него, он непредсказуем; никто не знает, что он сделает в следующее мгновение — он живет от момента к моменту. Вы не можете, опираясь на него, создать учение: он не только мудрец, но также и глупец. На поверхности он всегда непоследователен.

Конечно, глубоко внутри у него есть своя логика, совершенная логика. Он настолько последователен, что логика есть и в его мудрости, и в его глупости, но чтобы понять это, нужно действительно углубиться в него. Поверхностное знакомство не поможет, этого мало; вам понадобится *сатсанг*. Вам придется стать соучастни-

ком его жизни, только тогда вы сможете понять, что такое тотальность.

Будда мудр, Махавира мудр. В них невозможно найти ни толики глупости, они — само совершенство. А Лао-цзы — нет, Чжуан-цзы — нет, Ле-цзы — нет. Они противоречивы, парадоксальны, но в этом и заключается их красота. Будда монотонен. Если вы понимаете его сегодня, значит, вы понимали его вчера и также поймете его завтра. Он последователен — чист, логичен, линейен, он движется по прямой.

А Лао-цзы движется зигзагообразно, его бег похож на бег безумца. Вы поймете это, когда мы углубимся в его слова, вы увидите, что его бег похож на бег безумца. Внешне его суждения не содержат особого смысла. Это самые обычные слова, какие только можно вообразить, но чтобы их понять, нужно полностью измениться. Будда находится на поверхности — он логичен, рационален; вы можете понять его без всякой медитации; вы можете понять его, не растворяясь в его существе. Будда понятен; Лао-цзы — нет. Его тотальность... Лао-цзы принимает и этот мир и другой, и принимает их тотально. Его не волнует другой мир; он знает, что другой мир вырастает из этого мира — *тот* мир вырастает из этого, поэтому к чему беспокоиться? Проживайте этот мир настолько красиво, насколько можете, настолько тотально, насколько можете, и другой мир естественным образом вырастет из этого мира. Это будет естественный рост.

Если вы встретите Лао-цзы, вы будете озадачены. Иногда он говорит что-то одно, а затем говорит нечто другое; он выносит одно суждение, а в следующем суждении полностью противоречит первому. Вот почему только очень редкие искатели могут понять его; вот почему не существует никакой организованной религии Лао-цзы. Ее не может быть. Только отдельные

искатели могут его понять. Организованная религия должна быть совершенной, должна соответствовать вашему уму, должна соответствовать вам, потому что она заинтересована в толпе. Она нуждается в толпе.

Лао-цзы остается незагрязненным, чистым. Он не идет на компромиссы. Его тотальность непостижима — именно потому, что он тотален, только редкие искатели способны понять его.

Чем более тотален человек, тем он непостижимее, поскольку все больше становится похожим на бога. Он не представляет собой нечто ясно очерченное. Он не похож на сад, выращенный человеком; он похож на дикие заросли, на лес, который не подчиняется никаким правилам и схемам, в котором все растет стихийно, бесконтрольно. И в этом есть своя красота. Как бы прекрасен ни был сад, в нем слишком чувствуется влияние человека, его рука видна во всем. Все посажено человеком, все распланировано, подстрижено им — симметрия во всем. А в диком лесу вы не найдете никакой симметрии, никакой логики. Если Бог — садовник, то, должно быть, он безумец. Зачем он вырастил такой лес? Будда похож на сад — сад королевского дворца; Лао-цзы похож на дикий лес, в котором можно заблудиться. Вы будете бояться, чувствуя, что на каждом шагу вас подстерегает опасность, любая тень будет пугать вас до смерти. Вот почему Конфуций говорит: «Не подходите близко к этому человеку. Никто не знает, как он себя поведет. Он либо безумец, либо самый мудрый человек. Но никто не знает, кто он на самом деле».

Третий вопрос:

Ошо,

У меня есть огромное желание слиться со Вселенной, но я по-прежнему остаюсь отделенным от

нее, беспокойным, бездомным. Почему? Что сдерживает меня и что можно сделать?

Само это желание сдерживает тебя. Огромное желание слиться со Вселенной отделяет тебя от нее. Отбрось желание и слияние произойдет само по себе.

Этого не происходит из-за твоего сильного желания, ибо именно желание отделяет тебя от Вселенной. Кто тот, кто желает? Кому принадлежит это сильное желание? Сильное желание создает сильное эго — и возникает подавление. Кто сказал тебе, что ты отделен и что тебе надо слиться? Ты никогда не был отделен, поэтому — зачем себя подгонять? Ты и так един со Вселенной.

Посмотри на ситуацию с другой точки зрения. Лао-цзы говорит, что ты един с существованием, ты не отделен. Ты никогда не был отделен, этого не могло произойти. Разве это возможно? Ты живешь в океане божественного, или в Дао, — называй это как угодно. Как ты можешь быть отделен? Поэтому за первым неправильным утверждением «Я отделен» следует второе неправильное утверждение «Мне надо слиться». Но если ты попытаешься слиться, то останешься отделенным. Просто посмотри, просто понаблюдай и пойми: ты никогда не был отделен. Кто дышит в тебе? Думаешь, это ты? Кто живет в тебе? Думаешь, это ты? Кто рожден в тебе? Имеешь ли ты об этом хоть какое-то представление? То, что рождено в тебе, то, что живет в тебе, то, что дышит в тебе, — это целое. И тогда это просто мысль: как слиться? Тебе никогда не удастся этого сделать. Просто посмотри, как обстоят дела. Ты уже внутри.

Говорят, что, когда Лин Чи, плача и стеновая, пришел к мастеру и спросил, как стать буддой, мастер сильно ударил его по лицу, отвесил ему оплеуху.

Лин Чи был ошарашен.

— Что ты делаешь? Я задал неправильный вопрос?

Мастер ответил:

— Да. Это самое неправильное, что вообще можно спросить. Повтори свой вопрос, и я ударю тебя еще сильнее. Как глупо! Ты — будда... И ты спрашиваешь меня, как стать буддой?

Попав однажды в ловушку вопроса, как стать буддой, ты в течение миллионов жизней будешь упускать самое главное. Ты всегда был буддой.

Это случилось в жизни самого Будды. В одной из своих прошлых жизней он услышал о человеке, который стал буддой. Он пошел к нему и коснулся его ног. И он был поражен, потому что, как только он это сделал, будда немедленно сделал то же самое — коснулся его ног.

Он сказал:

— Я не понимаю. Я коснулся твоих ног, потому что я невежественный человек, я еще в поиске. Но зачем ты коснулся моих ног? Ведь ты уже просветленный!

Но будда засмеялся и ответил:

— Ты можешь пока не знать. Я вижу, что ты еще не знаешь, кто ты. Но я хорошо знаю тебя. В тот момент, когда я осознал, кто я, я осознал, что такое существование в целом. Но ты, возможно, пока этого не знаешь. Возможно, тебе потребуется еще немного времени, чтобы понять, кто ты.

Состояние будды — это не достижение. Это просто осознание того, кем ты являешься, просто воспоминание. Поэтому не спрашивай меня, как слиться со Вселенной. Когда у тебя есть сильное желание слиться, тогда чем сильнее ты желаешь, тем труднее этого достичь. Желание — это преграда. Поэтому, пожалуй-

ста, оставь желание и оглядись вокруг. Кто ты? Есть божественное, тебя — нет. Ты — это ложное представление, фантазия, надутый пузырь, просто пузырь и ничего больше. И когда желание становится слишком сильным, ничего не происходит — только нагревается воздух... Пузырь, надутый горячим воздухом, — и только. Остынь немного. Просто оглянись вокруг: ты всегда был в океане, ты больше нигде и не мог быть. Ты не мог быть в другом месте, потому что больше ничего нет. Нет ничего, кроме божественного, или Дао. Поэтому, чем раньше ты осознаешь всю глупость самого желания слиться, тем лучше. Ты уже являешься тем, кем ты хочешь стать.

Это послание всех пробужденных: ты уже являешься тем, кем ты хочешь стать.

Ты и есть цель. Ты никогда не покидал дома.

Есть одна прекрасная история, которая выглядит немного богохульной — только дзен-буддисты могут придумать такую. Они так сильно любят своего мастера, они так сильно любят Будду, что могут даже позволить себе сочинять подобные истории.

Это история о том, как обезьяна пришла к Будде.

Обезьяна символизирует человека, его ум. Ум — это обезьяна. Чарльз Дарвин понял это очень поздно, но мы всегда знали, что человек наверняка произошел от обезьяны, потому что в нем сохранилось что-то обезьянье. Просто посмотрите на свой ум: он непрерывно болтает, — а потом посмотрите на обезьяну, прыгающую по дереву. Вы заметите сходство.

Обезьяна пришла к Будде, но это была не обычная обезьяна. Это был царь, обезьяний царь — то есть самая совершенная обезьяна.

Обезьяний царь сказал Будде:

— Я хочу стать буддой.

— Я никогда не слышал, чтобы кто-то стал буддой, оставаясь при этом обезьяной, — ответил Будда.

— Ты не знаешь моей силы, — настаивал обезьяний царь. — Я не простая обезьяна.

Ни одна обезьяна не считает себя обычной, все они считают себя выдающимися — это свойство их обезьяней сущности. Поэтому он продолжал:

— Я не простая обезьяна. Что ты такое говоришь? Я — обезьяний царь.

Будда спросил:

— У тебя есть какая-нибудь особенная, необычная сила? Не можешь ли ты мне ее показать?

Обезьяний царь ответил:

— Я могу допрыгнуть до края мира.

А он умел прыгать, он постоянно прыгал по деревьям.

Тогда Будда сказал:

— Хорошо. Вставай ко мне на ладонь и допрыгни отсюда до края мира.

Обезьяний царь старался изо всех сил — он действительно был очень сильной, очень мощной обезьяной. Он взлетал, как стрела, он взлетал, взлетал, взлетал... Прошли месяцы и — как гласит история — годы. И наконец обезьяний царь добрался до самого края мира.

Он засмеялся и воскликнул:

— Посмотри! Самый край!

Он бросил взгляд вниз. Там была бездна. Пять колонн у ее края обозначали границу мира. Царю обезьян пора было возвращаться. Но он должен был как-то доказать, что добрался до этих колонн. Поэтому он пометил место: пописал у одной из колонн — обезьяна, что с нее взять!

Прошли годы, и обезьяний царь вернулся назад. Он пришел к Будде и сказал:

— Я был у края мира и оставил там метку.

Будда ответил:

— Просто посмотри вокруг.

Обезьяний царь огляделся и увидел, что в на самом деле он не сходил с места. Эти пять колонн были пятью пальцами Будды. И они воняли... Он был там с закрытыми глазами... Должно быть, он спал.

Ум — это обезьяна с закрытыми глазами, спящая обезьяна. Ты никогда никуда не ходил, ты всегда был здесь и сейчас — потому что больше ничего не существует. Просто открой глаза. Просто открой глаза и посмотри вокруг — и внезапно ты рассмеешься. Ты всегда был укоренен в высшем бытии, — нет необходимости сливаться с ним. Все что нужно — это быть внимательным к тому, где ты находишься, к тому, кто ты.

И оставь эту глупость — страстное желание. Желание — это преграда; страстное желание — это еще большая преграда. Желания заволакивают ум, как облака. Желания создают вокруг тебя дымовую завесу, туман, — и тогда ты не можешь видеть истинного положения вещей.

Четвертый вопрос:

Ошо,

Ты говорил о гармонии противоположностей. Я чувствую, что ненависть убивает любовь, а гнев убивает сострадание. Крайности борются друг с другом внутри меня. Как я могу найти гармонию?

Ты абсолютно не прав. Если бы ненависть убивала любовь, а гнев убивал бы сострадание, то у них не было бы ни единого шанса — у любви и сострадания

не было бы ни единого шанса на существование. Если ты так думаешь, значит, ты оказался в ловушке и не можешь из нее выбраться. Ты прожил тысячи жизней в ненависти — любовь уже должна была бы быть убитой. Ты прожил тысячи жизней в гневе — сострадание уже должно было бы быть уничтожено. Но посмотри... Любовь все еще здесь. Ненависть приходит и уходит, любовь остается. Гнев приходит и уходит, сострадание остается. Ненависть не может убить любовь, ночь не может убить день, а тьма не может убить свет. Нет, они остаются.

Поэтому первое, что нужно понять: они не убиты. Это первое. А второе, что ты должен будешь понять, станет очевидным для тебя только тогда, когда ты действительно полюбишь. Ты не любил — в этом все дело, а не в ненависти. Вопрос не в ненависти — просто ты еще не любил. Дело не во тьме — причина в том, что в тебе нет света. Если появляется свет, тьма исчезает. Ты не любил. Ты фантазировал, ты выдумывал, ты мечтал, но ты не любил.

Люби. Я не утверждаю, что если ты полюбишь, ненависть немедленно исчезнет, — нет. Ненависть будет сражаться. Все стремится к жизни. Ненависть будет сражаться. Чем сильнее ты любишь, тем сильнее будет проявляться ненависть. Но ты удивишься: ненависть приходит и уходит. Она не убивает любовь — скорее, она укрепляет ее. Любовь может вобрать в себя и ненависть. Если ты любишь человека, в какие-то моменты ты будешь и ненавидеть его тоже. Но это не убивает любовь — скорее, это ее обогащает.

В конце концов, что такое ненависть? Это желание уйти. Что такое любовь? Это желание быть ближе. Ненависть — это желание расстаться, разойтись. Любовь — это желание брака, близости, единения. Ненависть означает быть двумя отдельными личностями,

быть независимыми. Любовь предполагает единение, взаимозависимость. Когда вы ненавидите, вы уходите от своего возлюбленного. Но в обычной жизни люди уходят лишь для того, чтобы вернуться обратно.

Это похоже на то, как вы заботитесь о своем желудке: вы голодны — и вы едите, потом вы насыщаетесь — и голод уходит. Когда вы любите человека, это похоже на процесс питания. Любовь — это пища, очень тонкая, духовная, но это пища: она питает. Когда вы любите кого-то, голод затихает и вы чувствуете насыщение — затем внезапно возникает желание уйти и вы расстаетесь. Но потом вы снова почувствуете голод и вам захочется подойти ближе, оказаться рядом с возлюбленным, захочется любить, захочется раствориться друг в друге. Вы едите, а затем на четыре, пять, шесть часов забываете о еде; вы не остаетесь на кухне, не продолжаете сидеть за столом и бездельничать. Вы уходите, но через шесть часов вы возвращаетесь назад — проснулся голод.

Любовь предстает в двух обличьях — это голод и насыщение. Вы принимаете голод за любовь. Как только вы понимаете, что ненависти нет, а есть состояние, необходимое для возникновения голода, тогда ненависть становится частью любви. Тогда она обогащает любовь. Тогда гнев становится частью сострадания и обогащает сострадание. Сострадание, не допускающее никакой возможности для гнева, бессильно, в нем нет энергии. У сострадания, допускающего гнев, есть энергия, жизненная сила. Любовь, не допускающая никакой возможности для ненависти, выдыхается. Тогда брак становится похожим на тюрьму, вы не можете сбежать. А любовь, включающая в себя ненависть, — это свобода; такая любовь не иссякнет никогда.

Согласно моей математике жизни разводы случаются только потому, что каждый день вы оттягиваете

разрыв. Разрыв начинает зреть изнутри, и однажды он убивает брак, полностью разрушает его. Если вы понимаете это, то я предложил бы вам не ждать: разводьтесь каждый день и снова женитесь. В этом должен быть такой же ритм, как и в смене дня и ночи, голода и насыщения, лета и зимы, жизни и смерти. Утром вы любите, в полдень — ненавидите. Когда вы любите, вы действительно любите, вы любите тотально; когда вы ненавидите, вы ненавидите тотально. И неожиданно вы обнаруживаете в этом красоту: красота заключена в самой тотальности.

Тотальная ненависть тоже прекрасна, она так же прекрасна, как и тотальная любовь; тотальный гнев тоже прекрасен, он так же прекрасен, как и сострадание. Вся красота в тотальности. Гнев сам по себе отвратителен, ненависть сама по себе отвратительна — это просто долины без холмов, без вершин. Но вершина и долина вместе превращаются в прекрасный пейзаж: с вершины долина кажется восхитительной, а вершина великолепна, если смотреть на нее из долины.

Вы движетесь, и река вашей жизни течет между двумя берегами. И постепенно вы все лучше и лучше начнете понимать математику жизни и перестанете думать, что ненависть противостоит любви — они дополняют друг друга. Вы больше не будете думать, что гнев противостоит состраданию — они дополняют друг друга. Вы больше не будете думать, что отдых противостоит работе, а ночь противостоит дню — они дополняют друг друга. Они создают совершенное целое.

Так как ты не любил, ты боишься ненавидеть — ты боишься, потому что твоя любовь недостаточно сильна, ненависть может разрушить ее. На самом деле ты не уверен, любишь ли ты вообще, — вот почему ты боишься ненависти и гнева. Ты знаешь, что они могут полностью разрушить дом. Ты не уверен, существует ли дом,

или это только твоя фантазия, воображение. Если это воображаемый дом, то ненависть разрушит его; если это настоящий дом, то ненависть сделает его крепче. Когда заканчивается шторм, приходит тишина. Когда отступает ненависть, влюбленные снова готовы упасть друг другу в объятия — такие свежие, как будто встретились в первый раз. Снова и снова они встречаются, снова и снова — как в первый раз.

Влюбленные всегда встречаются впервые. Если вы встречаетесь второй раз, то любовь уже состарилась, стала затхлой. Она стала скучной. Влюбленные всегда влюбляются каждый день — свежие, юные. Вы смотрите на свою женщину и даже не можете узнать ее — настолько по-новому она выглядит. Вы смотрите на своего мужчину, и он кажется вам незнакомцем; вы влюбляетесь снова.

Ненависть не разрушает любовь, она разрушает только застой в ней. Она очищает; и если вы поймете это, вы будете благодарны ненависти. А если вы сможете быть ей благодарными, в вас возникнет понимание, и теперь ничто не сможет разрушить вашу любовь. Теперь вы впервые твердо стоите на ногах; теперь вы можете впустить в себя шторм и стать благодаря ему сильнее, богаче.

Не смотрите на жизнь, как на нечто двойственное, не смотрите на нее, как на конфликт — это не так. Я познал, я испытал это сам — это не так. Жизнь — это единое целое, в ней все соответствует друг другу. Вам нужно просто понять, как позволить этому соответствовать, как разрешить этому соответствовать. Позвольте всему соответствовать друг другу. Это прекрасное целое.

И если хотите знать мое мнение, я скажу, что даже если бы мир и мог существовать без ненависти, я бы не выбрал такой мир; он был бы совершенно мертвым и

скучным. Он был бы таким сладким и приторным, что вам захотелось бы соли. Если бы мир мог существовать без гнева, я не выбрал бы его, потому что сострадание безжизненно без гнева. Противоположности создают напряжение, противоположности закаляют. Когда железо проходит через огонь, оно превращается в сталь; без огня оно не может стать сталью. И чем выше температура в топке, тем лучше закалка, тем прочнее сталь. Если ваше сострадание сможет пройти через гнев, то чем горячее гнев, тем мощнее будет закалка и сила сострадания.

Будда сострадательен. Он воин. Он вышел из касты *кшатриев*, самураев. Должно быть, в его в жизни было много гнева — а потом, неожиданно, возникло сострадание. Махавира тоже вышел из кшатриев. На самом деле, хотя это выглядит странно, в этом есть определенная закономерность: все великие учителя, проповедующие отказ от насилия, вышли из кшатриев. Брамины не учили ненасилию. Известен только один брамин, которого считают *аватарой*, его имя Парушарам. Он был одним из самых жестоких людей в мире; брамин — и самый жестокий человек! Все двадцать четыре джайнских тиртханкара были кшатриями, Будда был кшатрием. Они говорят о ненасилии, сострадании, так как пережили жестокость — они знают, что это такое, они прошли через это. Если брамин и попытается быть ненасильственным, его ненасилие будет очень поверхностным. Только кшатрий, воин, прошедший через огонь, действительно сострадательен или, по крайней мере, у него есть возможность стать сострадательным.

Поэтому помните: если в вашем сердце борются противоположности, не выбирайте. Позвольте и тому и другому быть в вас. Будьте просторным домом, в котором достаточно места. Не говорите: «Пусть во мне будет только сострадание и не будет гнева; пусть во мне будет только любовь и не будет ненависти». Не обедняйте себя.

Места достаточно и для того и для другого. Не нужно создавать противостояние между ними; никакой борьбы нет. Вся борьба исходит из вашего ума, из того, чему вас научили, из вашего воспитания, ваших обусловленностей. Весь мир твердит: «Надо любить, не надо ненавидеть». Как может любовь существовать без ненависти? Иисус говорит: «Возлюбите врагов своих». А я скажу вам: «Также и ненавидьте своих любимых» — тогда возможно единое целое. Иначе то, что говорит Иисус, неполно, не завершено. Он говорит: «Возлюбите врагов своих». Вы только ненавидите. Он говорит, что надо любить — но вторая часть, в любом случае, отсутствует.

Я говорю вам: «Своих друзей, своих любимых вы должны также и ненавидеть. И ничего не бояться». Тогда постепенно вы увидите, что нет разницы между врагом и другом, потому что вы ненавидите и любите врага и любите и ненавидите друга. Вопрос только в том, как упала монета: орлом или решкой. Тогда друг — это и враг, а враг — также и друг. Тогда различия исчезают.

Не создавайте борьбы внутри, позвольте существовать и тому и другому. И то и другое вам необходимо, это два ваших крыла — благодаря им вы сможете летать.

Последний вопрос:

Ошо,

Лао-цзы, возможно, великолепен, возможно, он — вершина мудрости, но сама эта высота делает его бесполезным для таких обычных людей, как мы. Другими словами, нельзя ли сказать, что Махавира, и Моисей, и Мухаммед гораздо более практичны и полезны?

Да, это так. Они гораздо более практичны и полезны. Но они полезны, потому что они не меняют тебя полностью; они идут на компромисс, они не трансформируют тебя тотально. Они кажутся полезными, они практичны, это верно — Мухаммед или Моисей — очень практичны, так как соответствуют твоему уму. Вот почему они кажутся практичными. Все, что кажется практичным тебе, они тоже считают практичным.

Лао-цзы совершенно противоположен твоему уму, и в этом — возможность трансформации. Мухаммед не трансформирует тебя. Ты можешь стать мусульманином, ты можешь стать хорошим человеком, ты можешь даже стать добродетельным, но ты останешься там же, где и был. Измерение не изменится. Махавира не изменит тебя — ты станешь лучше, но останешься тем же; подправленным, но тем же; очищенным, подкрашенным, обновленным, но тем же. С Лао-цзы ты будешь полностью разрушен и возрожден. Он — и смерть, и воскрешение.

Постарайся уяснить это. Тебе понятен Махавира, его расчеты подходят для твоего ума — его логика не превосходит твою. Вот почему его логика практична. И это не совпадение, что все его последователи становятся бизнесменами — расчетливыми, вычисляющими, практичными людьми. Это не совпадение, что все джайны становятся бизнесменами — способными к математике, умными, расчетливыми. И это не совпадение, что все евреи — самые расчетливые люди на земле, самый расчетливый народ, самый разумный народ. Джайны и евреи почти одинаковы; джайны — это индийские евреи. Почему это так? Моисей практичен, Махавира тоже практичен.

Я вспомнил один анекдот; он связан с самым началом человеческой истории.

Бог искал народ, который примет его десять заповедей. В мире царил хаос, и нужны были учение о морали и этика. Он обращался ко многим народам, но никто не хотел принимать его заповеди.

Он пришел к индусам и сказал:

— У меня есть десять заповедей, я хочу предложить их вам. В них — вся философия жизни.

— Например? — спросили индусы. — Назови хотя бы одну...

— Не лги. Будь честным, — сказал Бог.

Индусы ответили:

— Это сложно в мире *майи*. В этой иллюзорности человеку нужна и неправда тоже. Иногда, в этом мире сновидений... разве человек может всегда говорить правду? Это будет сложно, а зачем создавать ненужные сложности?

Он обращался и к другим народам. Некоторые говорили, что сложно отказаться от прелюбодеяния, потому что жизнь станет пресной. Прелюбодеяние делает жизнь интересной, придает ей пикантность. Нет, это слишком, без прелюбодеяния и жить не стоит.

Бог расстроился. Его отвергли везде.

Говорят, что он пришел к Моисею и сказал:

— У меня есть десять заповедей, я хочу предложить их тебе.

Он уже начал бояться, поскольку это был последний народ, поэтому уточнил:

— Нужны ли они тебе?

Он ожидал, что Моисей спросит, что это за заповеди. Но тот не спросил. Он задал другой вопрос:

— Почему они? Сколько они стоят?

Бог ответил:

— Они ничего не стоят.

— Тогда я возьму два комплекта, — сказал Моисей.

Вычисляющие, умные, способные к математике, сообразительные — евреи составляют только два процента населения мира, но они дали восемнадцать процентов нобелевских лауреатов. Два процента населения и восемнадцать процентов нобелевских лауреатов! Это очень интересный феномен. Они обошли весь мир, но их отовсюду гнали, их не принимали нигде. Хотя они такие практичные и такие умные. Три человека, которые определили ход истории в двадцатом столетии, были евреями: Маркс, Фрейд, Эйнштейн.

Три человека изменили весь мир — они были евреями. Почему такое произошло? Все очень просто. Они были практичны. Лао-цзы непрактичен. Более того, Лао-цзы превозносит непрактичность.

Есть такая история.

Лао-цзы с учениками проходил через лес, в котором сотни плотников рубили деревья для строительства большого дворца. Практически весь лес был вырублен, осталось всего одно дерево, огромное дерево с раскидистой кроной — такой необъятной, что в ее тени смогли бы укрыться сотни людей. Лао-цзы попросил своих учеников узнать, почему это дерево оставили, хотя весь лес уже был вырублен и местность превратилась в пустыню.

Ученики пошли к плотникам и спросили:

— Почему вы не срубили это дерево?

Плотники ответили:

— Это дерево абсолютно бесполезное. Из него ничего нельзя сделать, потому что на каждой ветви множество узлов. Ни одной прямой ветви! Из него нельзя сделать опоры. Из него нельзя сделать мебель. Его нельзя распилить на дрова, так как его дым опасен для глаз — можно ослепнуть. Это дерево абсолютно бесполезно, поэтому мы и не тронули его.

Ученики вернулись к Лао-цзы с ответом. Он засмеялся и сказал:

— Будьте, как это дерево. Если вы хотите выжить в этом мире, будьте как это дерево — совершенно бесполезными. Тогда никто не причинит вам вреда. Если вы будете прямыми, вас срубят, и вы станете мебелью в чьем-нибудь доме. Если вы будете прекрасны, вас продадут на рынке, и вы станете вещью в чьем-нибудь доме. Будьте, как это дерево, абсолютно бесполезными. Тогда никто не сможет причинить вам вреда. Вы вырастаете огромными и необъятными, и тысячи людей смогут укрыться в вашей тени.

Через какое-то время Лао-цзы с учениками проходил через город. Все молодые люди этого города были призваны в армию.

Ученики заметили одного горбуна. Лао-цзы попросил учеников:

— Идите и спросите, почему этого человека не взяли в армию.

Горбун ответил:

— Как меня могут взять? Вы же видите, я горбун. Я бесполезен.

Ученики вернулись, и Лао-цзы сказал:

— Запомните. Будьте как этот горбун. Тогда вам не придется убивать других людей и вас самих не убьют. Будьте бесполезными.

Логика Лао-цзы совершенно не похожа на логику твоего ума. Лао-цзы говорит: будьте последними. Живите в мире так, как будто вас нет. Оставайтесь неизвестными. Не пытайтесь стать первыми, иначе вас растопчут. Не соперничайте, не пытайтесь показать, что вы чего-то стоите. Не нужно. Оставайтесь бесполезными и радуйтесь жизни.

Конечно, он непрактичен. Но если вы поймете его, вы убедитесь, что на более глубоком уровне, в глубине он самый практичный человек на свете — ведь жизнь дана нам для того, чтобы наслаждаться и праздновать, а не для того, чтобы просто быть полезными. Жизнь больше напоминает поэзию, чем вещь на рынке; она должна быть похожа на поэзию, на песню, на танец, на цветок у обочины дороги, который цветет не для кого-то одного — его аромат разносится ветром во все стороны; этот цветок ничей, он просто наслаждается собой, оставаясь таким, какой он есть.

Лао-цзы говорит: если вы пытаетесь быть умными, если вы пытаетесь быть полезными, вас обязательно будут использовать. Если вы попытаетесь быть практичными, где-то вас обязательно впрягут в упряжку, потому что мир не может оставить практичного человека в покое... Отбросьте подобные идеи. Если вы хотите быть поэмой, экстазом, тогда забудьте о полезности. Оставайтесь верными самим себе, будьте собой. Как говорят хиппи, займитесь своим делом. Лао-цзы был первым хиппи в мире. Он говорит: будьте собой, занимайтесь своим делом и не волнуйтесь об остальном. Вы здесь не для того, чтобы вами торговали. Поэтому не думайте о полезности, думайте о блаженстве. Будьте блаженными, и если из вашего блаженства что-то расцветет — прекрасно, поделитесь этим. Не заставляйте себя быть полезными, потому что именно так происходят самоубийства. Человек себя убивает. Не будьте самоубийцами.

Все учителя в этом мире более практичны, чем Лао-цзы, вот почему они так привлекательны для людей. Вот почему вокруг них возникают большие организации: христиане (почти половина мира стала христианами), мусульмане, индуисты, джайны, сикхи — все они праг-

матики. Лао-цзы стоит в стороне, один. Лао-цзы исполняет в существовании собственное соло.

Но Лао-цзы — явление редкое, уникальное. Если вы сможете понять его, вы тоже станете необыкновенными и уникальными. А путь к этому — просто быть обычными, и тогда вы станете уникальными; путь к этому — просто быть последними, и тогда вы вдруг обнаружите, что вы — первые; путь к этому — не требовать уважения, и тогда никто не сможет отнять его у вас; путь к этому — быть никем, и тогда загадочным и непостижимым образом вы станете кем-то — с кем все существование будет радоваться и праздновать, благодаря кому все существование почувствует себя благословенным.

Достаточно на сегодня.

Глава 3

О качествах
Дао

О качествах Дао Лао-цзы говорит:

Дао — это пустой сосуд,
Оно неисчерпаемо
И безмерно.

О Духе Долины он говорит:

Дух Долины вечен.
Его называют Мистической Женщиной.
Врата Мистической Женщины —
Это начало Неба и Земли.

Он вечен
И неизменен.
Черпайте из него,
И это принесет вам покой.

Мир Лао-цзы совершенно не похож на мир философии, на мир религии, на мир этики. Это даже не образ жизни. Лао-цзы не учит чему-то — он является этим «что-то». Он — не проповедник, он — присутствие. У него нет учения для вас — он может предложить вам только самого себя, предложить поделиться собой.

Если бы он был философом, все было бы проще — вы смогли бы понять его. Он — загадка, поскольку он не философичен. Он даже не антифилософичен, ведь и то и другое основано на логике. Он абсурден. Антифилософия, так же как и философия, полагается на логику, поэтому антифилософия — это не что иное, как философия. Великого антифилософа Нагарджуну все-таки можно назвать философом. Он говорит, он спорит, он рассуждает точно так же, как и любой другой философ. Он выступает против философии, спорит с философией, но его аргументация — та же самая. А логика — это шляха.

Есть история, рассказанная Ле-цзы, одним из величайших учеников Лао-цзы. Лао-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы — это три столпа мира Дао. Речь Лао-цзы состоит из афоризмов и коротких изречений, он ничего не конкретизирует, не уточняет. Поэтому Ле-цзы и Чжуан-цзы, будучи учениками Лао-цзы, также не уделяют внимания аргументации. Они также рассказывают притчи, истории, обращаются к аналогиям. Это слово — аналогия — нужно запомнить. Дао нельзя объяснить, можно только дать аналогию, некоторый намек. О Дао нельзя рассуждать, его можно только пережить. Поэтому нужно иметь глубоко сочувствующее сердце — ум вам не потребуется.

Ле-цзы рассказывает историю, которая случилась в его родном городе. Самый богатый человек города переправлялся через реку во время половодья. Началась сильная буря, и лодка перевернулась как раз на середине реки. Лодочнику каким-то чудом удалось спастись, но он не смог помочь богачу. Богач утонул. Были организованы поиски.

Один рыбак нашел тело — мертвое тело, — но запросил за него огромную цену и никак не хотел уступать. А семья не желала платить так много за мертвое

тело, поэтому они обратились за советом к представителю закона, к адвокату, логику. Они хотели выяснить, можно ли что-то предпринять с точки зрения закона?

Адвокат сказал:

— Не о чем волноваться. Сначала заплатите мне, и я научу вас, что делать.

Он взял деньги и дал совет:

— Просто подождите. Он не может продать мертвое тело никому другому; ему придется уступить, потому что никто не купит это тело — поэтому просто ждите.

Семья последовала совету. Прошло два, три дня. Тело начало гнить, рыбак заволновался и подумал, что лучше бы уступить и взять столько, сколько ему предложат. Ситуация осложнилась. Никто другой не купит тело — он понимал это. Какой смысл торговаться? Но прежде чем принять решение, он пошел к адвокату — тому же самому.

Тот сказал:

— Сначала заплати мне, а потом я скажу тебе, что делать.

Адвокат взял деньги и дал совет:

— Просто подожди! Они могут купить тело только у тебя — им придется уступить.

Логика — это шляха, проститутка. Она может быть «за», может быть «против». Она не принадлежит никому. Поэтому логика может быть за философию и логика может быть против философии.

Лао-цзы нельзя назвать антифилософом, потому что он не логик. Будда — антифилософ, он выступает против философии. Нагарджуна — антифилософ, он спорит с философией. Но не Лао-цзы. Он вообще не спорит, он констатирует. Он не старается убедить вас — нет,

только не Лао-цзы. Все остальные тем или иным способом стремятся убедить вас, но не Лао-цзы. Он просто констатирует и не волнуется о том, верите вы ему или нет.

Но искушение, исходящее от него, велико. Он покоряет. Он притягивает. Он не пытается убедить, но его слова проникают глубоко в ваше сердце, и вы не можете опровергнуть то, что он говорит, потому что он не приводит никаких доводов. В этом — красота, и в этом его сила. Он просто констатирует факт. Ему не нужны обращенные, ему не нужны последователи — нет. Даже если вы готовы, он не примет вас. Но он искушает. Его искушение очень тонкое и завуалированное. Его искушение неагрессивно. Его искушение женственно.

Есть два типа искушения. Когда мужчина искушает женщину, он агрессивен. Он пытается достичь своего всеми способами, принимает инициативу на себя, расставляет ловушки; он прикладывает всевозможные усилия. Женщина искушает совершенно по-другому. Она не проявляет инициативу, она не расставляет ловушек, она не бежит за мужчиной; более того, она делает вид, что мужчина ее не очень-то и интересует. Мужчина может потерпеть неудачу, но женщина искушает таким образом, что она никогда не проигрывает. Ее способ искушения очень тонок. Вы не можете выбраться из ее ловушки, в ней нет лазеек. Женщина преследует вас, не преследуя. Она охотится за вами в ваших мечтах — она не стучится в вашу дверь, но она охотится за вами в ваших мечтах; она не выказывает никакой заинтересованности, но становится вашей самой сокровенной фантазией. Это женская хитрость. А Лао-цзы глубоко верит в женский ум. Мы еще поговорим об этом.

Поэтому помните... Мир Лао-цзы принадлежит не логике, а аналогии. Логика — это нечто явное, прямое:

либо вы убеждаете оппонента, либо — он вас; вы должны стать либо его последователем, либо противником. Вам придется сделать выбор. Для логических построений нужен активный ум. Это просто, в этом нет ничего сложного. Все вокруг что-то доказывают. В большей или меньшей степени все — логики; хорошие или плохие, но все — философы.

Если вы хотите понять Лао-цзы, старый способ не поможет. Вам придется отбросить логику, потому что Лао-цзы не является логиком, он не преследует вас, он не спорит с вами — если вы начнете спорить с ним, это будет просто смешно, потому что он никогда не спорит. Он просто приводит аналогию.

Что такое аналогия? Если у меня было какое-то переживание, которого не было у вас, как я могу вам его описать? Единственный способ — это аналогия: у вас было некоторое переживание — не совсем такое, как у меня, но есть какое-то сходство. Поэтому я говорю, что это похоже на ваше переживание — не точно такое же, но между ними есть небольшое сходство. Если это небольшое сходство понято, оно становится мостом.

Вот почему те, кто испытал наивысший экстаз, говорят, что это похоже на объятия любовников, на оргазм, на момент, когда секс достигает своего пика. Это аналогия. Они не утверждают, что «то» является «этим». Нет. Они не утверждают ничего подобного. Они просто говорят, что в вашем опыте нет ничего другого, что могло бы стать мостом.

Иисус говорит: «Бог есть любовь». Это аналогия. Самое высокое, что вы знаете в жизни — это любовь. В жизни бога любовь — это самое низкое. Низшая часть божественного и высшая часть человеческого встречаются; между ними возникает связь. Самое высокое, чего может достичь человек, — это любовь; и хотя для бога это самое низкое, можно сказать, что вы достигли его

стоп. Если стопы найдены, вы можете найти всего Бога. Вот почему Иисус говорит: «Бог есть любовь». Это не означает, что любовь является Богом, но в вашем опыте нет ничего другого, что можно было бы использовать как аналогию.

Поэтому не пытайтесь понять Лао-цзы буквально, он говорит аналогиями. Если он говорит: «Дух Долины», то это аналогия. Он говорит... не о долинах как таковых; но долины — это то, что вам знакомо. Говоря о долинах, он приводит вас к тому, о чем вы не знаете. Через то, о чем вы знаете, он приводит вас к тому, чего вы не знаете. Аналогия — это «ссылка на знакомое с целью объяснить неизвестное». Когда он говорит: «Дух Долины», он имеет в виду многое.

Аналогия несет в себе большой смысл. Логика всегда ограничена, аналогия — широка, необъятна. Чем больше вы ищете в ней, тем больше находите. Логика может истощиться, аналогия — никогда. Вот почему такие книги, как «Дао Де Цзин» или «Бхагаватгиту», или «Нагорную Проповедь» Иисуса можно читать, читать и читать, — они неисчерпаемы. Вы продолжаете все время находить в них что-то новое для себя, потому что они построены на аналогиях. Чем больше вы растете, тем больше вы можете видеть в них; чем больше вы видите, тем больше вы растете; и снова — чем больше вы растете, тем больше вы можете видеть. Поэтому эти книги не являются книгами в общепринятом смысле: они имеют свою собственную жизнь, это нечто живое. Вы не можете прочесть их однажды и забыть о них; нет, это не возможно. Книга, построенная на логике, может быть прочитана и понята, и на этом все кончается — вы можете выбросить ее в мусорное ведро. Но книга, построенная на аналогиях, очень поэтична: она меняется вместе с вашим настроением, она меняется в соответствии с вашими озарениями, она меняется

в процессе вашего роста. Она дает вам разное видение в различных состояниях ума.

Аналогия остается той же самой — например, «Бог есть Любовь». Человек, который никогда не знал ничего кроме секса и который думает, что секс — это и есть любовь...

На Западе именно так и думают. Там, когда имеют в виду секс, говорят «заниматься любовью». Эти «занятия любовью» — полная ерунда, любовью нельзя заниматься, это не действие. Секс — это действие. Любовь — это не действие, это состояние вашего существа — вы можете быть в любви, но вы не можете заниматься любовью. Любовь случается, в ней нет усилия. Сексом можно заниматься, любовью — нет. Проститутка может дать вам секс, но не любовь — как вы можете создать любовь по заказу, за деньги? Невозможно! Как вы можете создать любовь за деньги? Она приходит сама по себе. Каким-то таинственным образом. Вы не можете управлять ею, только она может управлять вами. Вы не можете обладать ею, только она может обладать вами. Заниматься можно сексом, но не любовью. Вы можете заниматься сексом, вы не можете заниматься любовью — вы можете только быть в любви... Поэтому мужчина или женщина, которые считают, что секс — это и есть любовь, а половой акт — любовное действие, услышав слова Иисуса «Бог есть Любовь», будут думать — и они не могут думать по-другому, потому что это их аналогия, — что секс является Богом.

В Швеции сейчас снимается фильм о любовной жизни Иисуса — они думают, что человек, который сказал: «Бог есть любовь», имел в виду, что Бог является сексом. Этот фильм будет самым большим богохульством, какое только можно представить, поскольку они хотят изобразить Иисуса, который занимается любовью, низведенной, в их понимании, до полового

акта. Пока ни одна другая страна не готова позволить им снять такой фильм. Но он будет снят — этих людей трудно остановить. Любовная жизнь Иисуса означает для них только сексуальную жизнь.

Вы понимаете аналогию в соответствии со своей точкой зрения. Аналогия может дать вам только то, что вы способны вложить в нее. Человек, который любит не только сексуально, но и тотально... потому что секс — это ограниченное явление, физическое; в нем нет ничего неправильного, но он не тотален. Когда вы любите человека тотально, а не только сексуально, возникает не только физическое влечение, но и духовное, не только телесное... Это не значит, что тело отрицается, но в этом общем влечении телесное влечение составляет малую часть — и тогда у вас появляется совсем другое понимание высказывания «Бог есть Любовь». Аналогия становится для вас более глубокой.

Когда вы узнаете, что любовь выше секса, что секс исчезает в ней и сексуальная энергия трансформируется в экстаз, когда вы познаете такую любовь, тогда слова «Бог есть любовь» приобретут для вас совсем другое значение.

Таким образом, содержание аналогии зависит от вас. И такую книгу аналогий, как книга Лао-цзы, нужно читать снова и снова — это работа всей жизни. Вы не можете прочесть ее просто как дешевую книжонку и выбросить. Это сокровище, которое нужно беречь, это работа всей вашей жизни; это предмет, который изучают всю жизнь, чтобы постичь аналогию.

Логика поверхностна. Вы можете понять Аристотеля, в нем нет ничего особенного. Но когда вы подойдете к Лао-цзы... Сначала вам может даже показаться, что в нем нет ничего особенного, но Лао-цзы не оставит вас равнодушным, он будет притягивать вас. Его притяжение женственно. Постепенно он завладеет вашим существом —

вам следует лишь позволить это. Когда вы следуете путем логики, вам приходится сражаться, когда же вы следуете путем аналогий, вы должны быть сочувствующими, открытыми — только тогда аналогия может расцвести. Поэтому Лао-цзы можно понять только благодаря глубокому сочувствию, почтительному к нему отношению, глубокому доверию. Другого способа нет.

Если вы попытаетесь прийти к Лао-цзы через ум, вы никогда не поймете его. Вы будете ходить вокруг да около — но вы никогда не соприкоснетесь с его сущностью. Идите к нему через сердце. Аналогия — для сердца, логика — для ума.

Лао-цзы больше похож на поэта. Запомните это. Вы не спорите с поэтом — вы слушаете стихи, вы впитываете в себя их поэзию, вы размышляете над ними, позволяете им проникнуть в центр вашего существа, стать вашей плотью и кровью, вы усваиваете их. Вы забываете слова, вы совершенно забываете стихи, но их аромат становится частью вас. Вы можете не помнить, что воспевал поэт, но вкус, аромат, смысл его песни вошли в вас. Вы стали более наполненными.

Лао-цзы может быть понят только тогда, когда вы наполнитесь им. Позвольте ему войти в вас. Откройте двери. Он даже не постучит, потому что в нем совсем нет агрессии. Он не станет убеждать вас, поскольку он не верит ни в какие убеждения. Он не человек ума, он полностью человек сердца. Он прост, его аналогии понятны даже крестьянину — они живые, они излучают свет, они наполнены энергией. Если вы откроетесь ему, внезапно вы окажетесь трансформированными.

Следующее, что нужно запомнить: Лао-цзы не религиозен в обычном смысле этого слова. Он не теолог. Он совершенно не религиозен в том смысле, в каком вы это понимаете. Он никогда не бывал в храме и никогда не молился — он пришел к пониманию, что все

существование — это храм, и вся жизнь — это молитва. Его существо целостно. Он не делит жизнь на отдельные части, он живет в ней, как в едином потоке.

Ваша жизнь разделена на части... Каждую неделю вы ходите в церковь, воскресенье — день для религии, и религия постепенно стала воскресным занятием — остальные шесть дней от нее свободны. Вы очень хитры! Воскресенье — это выходной день, день, когда вы не работаете, и это день — для религии. Вам легко быть нравственным, когда вы не работаете; вам легко быть нравственным, когда вы не ходите по магазинам; вам легко быть нравственным, когда вы отдыхаете на солнышке; вам легко быть нравственным, когда вы слушаете проповедь в церкви. В этом нет ничего особенного, это не сложно. Сложности возникают в эти шесть рабочих дней — в эти дни вы не можете быть религиозными. Так что это уловка. Воскресенье — это уловка, необходимая вам для того, чтобы уклоняться от религии. Вы создали в своей жизни два изолированных пространства — для религии отведено время в воскресенье, а потом... Потом, в оставшиеся шесть дней, вы можете быть настолько нерелигиозными, насколько это возможно.

У индусов есть свои способы, у мусульман — свои, у христиан — свои способы, как уклоняться от религии. И вы называете этих людей религиозными! Они — мастера уклонения. Они ходят в храм и молятся. Посмотрите на их лица, когда они молятся. Они так прекрасны. Но когда эти люди выходят из церкви или храма, они меняются. Они становятся другими.

Толстой написал маленький рассказ, но это даже не рассказ. Это реальный факт, это случилось на самом деле.

Однажды рано утром Толстой пошел в церковь. Было еще темно, и он очень удивился, когда увидел в

церкви самого богатого человека города. Он молился и исповедовался Богу и называл себя грешником. Конечно, Толстому стало любопытно. А богач перечислял свои грехи: он обманывал жену, он изменял ей, у него были отношения и любовные связи с другими женщинами, чужими женами.

Толстой был заинтригован. Он подходил все ближе и ближе. А богач обращался к Богу, с удовольствием смакуя слова признания: «Я грешник, и без твоего прощения мне нет жизни. А как я эксплуатировал людей! А как я их грабил! Я грешник, и не знаю, как измениться. Ниспошли на меня свою милость, или жизнь для меня кончена». И слезы текли по его лицу.

Затем богач вдруг заметил, что он не один. Он обернулся, увидел Толстого — к тому времени уже рассвело — и очень разозлился. Он сказал Толстому: «Запомни! Все это говорилось Богу, а не тебе. И если ты расскажешь об этом кому-нибудь, я привлеку тебя к суду за клевету. Поэтому запомни: ты ничего не слышал. Это был мой частный разговор с Богом, я не знал, что ты здесь».

Одно лицо для Бога и совершенно другое — для мира... Религия похожа на отсек — герметичный отсек. Это уловка для уклонения от религии; это способ казаться религиозным, не являясь религиозным на самом деле, это обман.

В этом смысле Лао-цзы совсем не религиозен. Он простой человек. Он даже не знает, что он религиозен — как религиозный человек может узнать о своей религиозности? Религия для него как дыхание. Вы обращаете внимание на дыхание только тогда, когда с вами что-то не так, когда вам трудно дышать, когда у вас астма или другие болезни, связанные с нарушением дыхания. А если с вами все в порядке, вы никогда не

обращаете внимания на дыхание. Вы просто дышите, это так естественно.

Религиозность Лао-цзы так же естественна, он даже не знает о ней. Он не похож на ваших святых, для которых религия — это занятие. Нет, он ничем не занимается: он позволяет тотальности овладеть собой. Он живет религией, но он не занимается ею. Религия для него — это не дисциплина, это глубокое понимание. Это не что-то, приходящее извне, это то, что возникает внутри него. Между ним и религией нет ни малейшей дистанции.

Он не религиозен в том смысле, в каком это понимаете вы. Он не святой, потому что его не интересует святость. Он не стремится быть святым, это не в его стиле. Истинно религиозный человек не обладает религиозным характером и не может им обладать, потому что характер — это следствие нерелигиозности. Попробуйте понять это: вы создаете характер, потому что боитесь своего существа; вы создаете мораль, потому что боитесь своей внутренней аморальности; вы принуждаете себя вести определенный образ жизни, поскольку знаете, что если вы будете жить спонтанно и естественно, вы станете грешниками, а не святыми. Вы боитесь своего существа, вы заключаете себя в рамки характера. Характер — это броня, которая защищает вас от других и от самих себя. Это крепость, в которой вы живете. Вы говорите правду не потому, что вы осознаете ее блаженство, просто вам внушили, что за ложь вы будете низвергнуты в ад.

Ваши теологи постарались изо всех сил, сделав из Бога величайшего садиста, который бросает людей в ад, в пылающий огонь, в кипящее масло. Этот Бог похож на садиста. Он нуждается в психологической помощи — кажется, ему нравится причинять страдания.

Вы боитесь ада и стремитесь на небеса — эта приманка в виде небес постоянно притягивает вас. А ваш

характер — это просто приспособление, позволяющее вам предохранить себя от падения в ад и попытаться достигнуть своей амбициозной цели — небес. Как вы можете быть религиозными, если вы так пугливы и так амбициозны?

Религиозный человек вообще не амбициозен. Амбициозность — это то, что религиозный человек теряет в первую очередь, поскольку амбициозные желания устремлены в будущее, а религиозный человек всегда пребывает здесь и сейчас. Он живет в настоящем, он не беспокоится о будущем, которого не существует. Ему нечего бояться. Он живет так тотально — как он может чего-то бояться? Страх возникает из-за того, что ваша жизнь состоит из отдельных фрагментов. Вы вообще еще не жили — отсюда и страх.

Попробуйте понять главное. Человек боится смерти. Почему? Вы знаете, что смерть — это плохо? Откуда вы можете это знать, если вы еще не умерли? Вы знаете, что смерть будет хуже жизни? Откуда вы это знаете? Возможно, она лучше, чем жизнь. Почему вы боитесь смерти, ничего не зная о ней? Почему человек боится неизвестного? Это кажется невероятным. Вы можете бояться только того, о чем вам известно. Как вы можете бояться неизвестного, чего-то абсолютно незнакомого? Нет, вы боитесь не смерти. Вы ошибаетесь, считая, что ваш страх — это страх смерти. На самом деле вы боитесь умереть, потому что вы не способны жить — страх связан с непрожитой жизнью. Вы боитесь, поскольку вы так и не научились жить, любить, а смерть приближается и с ней все закончится. Вас больше не будет, и вы уже не сможете полюбить.

Вы похожи на дерево, которое еще не расцвело и к которому приближается лесоруб. Дерево испытывает страх, не зная, что должно произойти. Страх возникает не из-за смерти, страх возникает из-за того, что

чего-то важного не случилось в жизни. Дерево знает, что оно еще не расцвело, не дало плодов. Оно еще не знало весны, оно не танцевало на ветру, не любило, не жило. Непрожитая жизнь порождает страх... А лесоруб приближается. Он подойдет, и будущего больше не будет. Смерть означает, что будущего не будет. Прошлое ушло, будущего не будет — а настоящее так ограничено. Страх овладевает вами, вы дрожите.

Страх всегда возникает только от непрожитой жизни. Если вы живете тотально, вы ничего не боитесь. Если смерть придет ко мне прямо сейчас, я готов. Я жил. Все завершено, ничто не осталось незавершенным. Смерти нечего разрушать. Если бы что-то осталось незавершенным, я бы хотел, чтобы смерть подождала, но все завершено. Я принял ванну сегодня утром, я побеседовал с вами, все, что должно было случиться, случилось. Я полностью готов. Если смерть придет, я готов, я даже не оглянусь назад, потому что не на что глядеть, все завершено. Как только что-то завершается, вы свободны от этого. Жизнь действительно прожита — и человек свободен от нее. Если жизнь не прожита, вы никогда не освободитесь от нее. Вы можете отправиться в пещеры, в Гималаи, в Тибет — вы можете пойти куда угодно, но вы никогда не станете свободными, и страх всегда будет с вами.

Страх и свобода не могут существовать вместе. Когда приходит свобода — а свобода приходит, только когда вы жили, цвели, когда все завершено и закончено, — тогда зачем стремиться продлить жизнь? Не нужно ни единого мгновения. И страх исчезает.

Ваша религия основана на страхе. На самом деле это не религия. Это псевдорелигия, ложная религия, это просто обман. Религиозность Лао-цзы отличается от вашей и от той, которую вы видите в других людях. Лао-цзы религиозен совершенно по-другому. Его

религиозность обладает совсем другим качеством. Лао-цзы прост, он живет невинно от момента к моменту. И он не говорит о Боге — зачем? Бог — это не просто слово. Как можно говорить о нем? Он проживает Бога, а не говорит о нем. Он наслаждается Богом, он празднует его; Бог для него — это не интеллектуальный феномен. Он танцует. Он пьет его. Он проживает его. Поэтому — зачем говорить о нем?

Я заметил: люди обычно говорят о том, о чем они не знают.

Есть одна суфийская история.

Великий король часто приходил к факиру, мистика, который просил милостыню на улицах. Его удивляло то, что мистик все время говорил о деньгах, королевстве, политике и никогда — о Боге, медитации, религии.

Однажды король сказал: «Прости, но я этого не понимаю. Я прихожу поговорить о Боге, медитации, религии, *самадхи*, и разве не смешно, что я, мирской человек, прихожу поговорить о самадхи, просветлении, а ты, религиозный человек — или считающийся религиозным, потому что я уже начал в этом сомневаться, — ты всегда, когда бы я ни пришел, говоришь о королевстве, о политике, о деньгах, о чем угодно, но всегда только о мирском. Можешь ли ты это объяснить?»

Факир рассмеялся. Он сказал: «Тут нечего объяснять. Все очень просто. Ты говоришь о том, чего ты не знаешь. Я говорю о том, чего я не знаю. Это просто. Зачем мне говорить о Боге? Я знаю. Зачем тебе говорить о королевстве? Ты король. Ты знаешь».

Лао-цзы не говорит о Боге, он даже ни разу не упоминает о нем. Может быть он забыл о Боге? Или он настроен против Бога? Нет. Он проживает Бога настолько тотально, что даже помнить о нем было бы кощунством.

Говорить о Боге — значит говорить об очень глубоком явлении; это было бы предательством.

Повторяю, это было бы предательством — говорить о Боге. Это настолько интимно, это то, что связывает вас с целым. Точно так же влюбленные не говорят о своей любви. А если люди говорят о своей любви, можете быть уверены, что в их жизни любви нет. Любовь — это настолько интимное явление, что никто не говорит о ней. Поэты говорят о ней, потому что они не знают, что такое любовь. Они пишут и пишут стихи, но это их фантазии, они ничего не знают о любви. Любовники хранят молчание. Они вообще не говорят о любви. Не о чем говорить — они познали, что такое любовь. И, познав ее, они также знают, что о ней ничего нельзя сказать; это будет предательством.

Так что религиозность Лао-цзы совсем другая.

А сейчас попытайтесь войти в сутру вместе со мной:

Дао — это пустой сосуд;

Оно неисчерпаемо

И безмерно.

Пустота — это одно из ключевых слов для Лао-цзы. Он говорит о пустоте снова и снова. Пустота означает пространство, пустота означает необъятность, пустота означает неисчерпаемость.

Вы живете в доме, и ваши представления о доме связаны со стенами. Представления Лао-цзы о доме связаны с пространством в нем, но не со стенами. «Стены — это не дом», — говорит он. Как вы можете жить в стенах? Вы живете в пространстве, а не в стенах. Пустота — вот ваш истинный дом. Но когда вы думаете о доме, вы вспоминаете ту структуру, которая возведена вокруг пустоты. Вот почему дворец и хижина выглядят по-разному для вас. Но не для Лао-цзы — потому что

пустота везде одинакова. Если вы смотрите на стены, то, конечно, хижина — это хижина, а дворец — это дворец. Но если вы смотрите непосредственно на пустоту, которая и является истинным домом — ведь только пустота может приютить вас, а не стены, — тогда нет разницы между дворцом и хижинкой. Нет роскошной пустоты и нет пустоты убогой: пустота везде одна и та же. Но есть роскошные стены и убогие.

Если вы понимаете это, многое становится возможным, потому что эта аналогия несет в себе бесконечный потенциал и огромный смысл. Когда вы хотите увидеть человека, вы смотрите на его тело? В таком случае вы смотрите на стены. Это не настоящий человек, настоящий человек — это его внутренняя пустота. Тело может быть красивым или уродливым, больным или здоровым, молодым или старым, но внутренняя пустота остается неизменной. Поэтому не смотрите на тело, смотрите на внутреннюю пустоту.

Лао-цзы находит аналогии везде. Вы идете на рынок и покупаете глиняный или золотой кувшин. Золотой кувшин отличается от глиняного — у них разные стенки, — но пустота внутри них одинакова. И когда бедняк и богач идут к колодезю — бедняк с глиняным кувшином, а богач с золотым, — они несут в этих кувшинах одну и ту же пустоту. Они несут одну и ту же воду, и когда они наливают воду в кувшины, они заполняют пустоту, а не стенки.

Лао-цзы говорит: смотри на внутреннее, не обращай внимание на внешнее. И внутренняя пустота — это ваше существо. Внутренняя пустота, внутреннее пространство — это ваше существо. Это означает, что ваше существо на самом деле не является существом, потому что понятие «существо» предполагает, что внутри вас кто-то есть. Нет, внутри вас никого нет — все «кто-то» находятся снаружи. Внутри нет никого — только пусто-

та. Все это только на поверхности, внутри — отсутствие это. Кто же внутри? Как только вы узнаете, вы рассмеетесь, вы скажете, что этот вопрос неуместен.

Там нет никого, точнее — там *ничто*. Вот почему вы необъятны, вот почему в вас есть качество Брахмы. Вот почему вы нигде не можете найти Бога — Бог является пустотой, а вы ищете тело. Кто-то ищет Кришну, кто-то ищет Христа, кто-то ищет Махавиру — и все ищут тело. Никто не ищет пустоту, в противном случае, куда бы вы пошли ее искать? Пространство окружает вас со всех сторон. Пространство и есть Бог. Это то пространство, в котором вы родились, в котором вы живете, в котором вы растворяетесь.

Рыба рождена в море, рыба живет в море, рыба умирает и сливается с морем. Рыба — это не что иное, как морская вода. С вами происходит то же самое. Пустота — это все, что вас окружает, и та же самая пустота внутри вас. Как может быть два типа пустоты? Это невозможно. Пустота всегда одинакова. Внутри святого и грешника одна и та же пустота. У грешника есть этикетка, сообщающая о том, что он грешник, а у святого — что он святой. Вы слишком привязаны к стенам; вы не видите, что стены ничего не значат.

Почему вы называете кого-то святым? Потому что он делает что-то такое, что вы считаете хорошим. Почему вы называете кого-то грешником? Потому что он делает что-то такое, что вы считаете плохим. Но все действие происходит вовне, все действия происходят вовне — это просто рисунки на стенах. Но что касается внутренней пустоты — могут ли ваши действия загрязнить ее? Можете ли вы сделать пустоту нечистой? Можете ли вы сделать пустоту чистой? Пустота — это просто пустота. Как вы можете сделать ее чистой или нечистой? Пустота остается неизменной. Если вы разрубите меня мечом, вы разрубите мое тело, но не меня,

потому что я — это внутренняя пустота. Если я делаю что-то, я делаю это с помощью стен, но внутренняя пустота — это «не-делающий». Запомните эту аналогию. Это ключевое слово для Лао-цзы.

Дао — это пустой сосуд;
Оно неисчерпаемо
И безмерно.

Если бы Дао или Бог не были пусты, они не могли бы быть неисчерпаемыми, однажды они бы иссякли. А какой Бог может называться Богом, если он не вечен? Однажды этот Бог умрет, исчерпает себя. В ваших умах все еще живет идея о Боге, который сидит где-то на небесах и управляет вами. Никто вами не управляет. Бог не представляет собой некую персону. Бог — это не «он» и не «она».

Говорить на эту тему совершенно бессмысленно, потому что Дао — это бесконечная пустота, беспредельное пространство. Ваш логический ум немедленно спросит: «А как же в пустоте существуют объекты?» Задайте этот вопрос физикам, они пришли к тому же пониманию, что и Лао-цзы. Сейчас они утверждают, что когда мы проникаем все глубже и глубже в материю, материя исчезает. В конце концов она исчезает полностью. Вместо нее остается пустота. Ученые стараются узнать, из чего состоит материя; они стараются изо всех сил, но материя полностью исчезает, от нее ничего не остается — и они не знают, куда она пропадает. Сначала они искали ее в молекулах, затем в атомах, потом расщепили атом и проникли в электрон. Итак, материя полностью исчезает — ничего не остается. Материя представляет собой пустоту. Даже эти каменные стены — пустота. Вот почему индустристы называют материальный мир иллюзией: снаружи

он выглядит очень плотным и вещественным, а внутри он пуст.

Когда вы сядете с закрытыми глазами и, пребывая в тишине, посмотрите внутрь себя, вы ощутите эту пустоту. Не пугайтесь. Физики, охотившиеся за материей, наткнулись на пустоту, и истинные духовные искатели тоже пришли к пустоте. Вас это почему-то пугает. Если материя состоит из пустоты, это не так страшно, но если и вы тоже пусты — если вы становитесь полым бамбуком, если внутри вас нет ничего, кроме пустоты, — вы начинаете бояться. А если вы боитесь, вы цепляетесь за стены, но стены в конечном счете тоже пусты. Существование — это бесконечная пустота, и в этом его красота.

Ночью вы спите — и ваши сны возникают из ничего: прекрасные сны, отвратительные сны, ночные кошмары, которые пугают вас до смерти. Сны возникают из ничего, но они кажутся такими реальными. Они кажутся абсолютно реальными, но когда вы утром открываете глаза, вы нигде не можете обнаружить свои сны. Откуда они пришли? Как они возникли? И куда они исчезли? Вы никогда не задумывались о снах. Если они могут быть ночью, почему их не может быть днем?

Чжуан-цзы, один из последователей Лао-цзы, увидел во сне, что он стал бабочкой, порхающей среди цветов. Утром, проснувшись, он выглядел очень грустным.

Ученики спросили его:

— В чем дело, мастер? Мы никогда не видели, чтобы ты так грустил. Что случилось?

Чжуан-цзы ответил:

— Я попал в трудную ситуацию. Я столкнулся с дилеммой, которую невозможно разрешить.

Ученики возразили:

— Мы никогда не видели, чтобы ты не смог справиться с какой-нибудь проблемой. Так что же это за проблема?

— Ночью во сне, — сказал Чжуан-цзы, — я увидел себя бабочкой, порхающей в саду и перелетающей с цветка на цветок.

— Это всего лишь сон, мастер! — рассмеялись ученики.

— Подождите, дайте мне закончить историю. Я проснулся в полном замешательстве. У меня возникли сомнения. Если Чжуан-цзы приснилось, что он стал бабочкой, то почему не может случиться противоположное? Тогда и бабочка может увидеть во сне, что она превратилась в Чжуан-цзы. Так кто же есть кто? Не являюсь ли я на самом деле бабочкой, которой снится, что она — Чжуан-цзы?

Если вы становитесь бабочкой во сне, то в чем здесь проблема? Спящая бабочка может увидеть в своем утреннем сне, что она — это вы. И как вы узнаете, кем вы являетесь на самом деле? Если Чжуан-цзы может стать бабочкой, то почему бабочка не может стать Чжуан-цзы? В этом нет ничего невозможного.

Ночные сны возникают из ничего, и они кажутся реальными; дневные сны возникают из ничего, и они тоже выглядят реальными. Единственное различие между дневными и ночными снами состоит в том, что ночные сны — личные, а дневные — общие. Это единственное различие. Вы не можете пригласить своих друзей в ваш ночной сон: он личный. В ваш дневной сон вы можете пригласить друзей: он общий. Дом, в котором вы живете днем, — общий. Если существуют личные сны, значит, возможны и общие. Сейчас мы здесь. Если мы отправимся спать, то будет столько снов, сколько здесь людей: это будут личные сны. Сон одного человека не

может войти в сон другого. Никто ни с кем не соприкасается, все забывают друг о друге; каждый живет в своем собственном сне, в своей собственной реальности сна. Затем вы просыпаетесь. Вы смотрите на меня, и я говорю с вами. Это общий сон, вы спите все вместе. В этом единственное различие.

Можно проснуться и от этого сна. Это и будет просветлением. Тогда внезапно весь мир предстанет перед вами как *майя*. Об этом и говорит Лао-цзы.

Дао — это пустой сосуд;
Оно неисчерпаемо
И безмерно.

Дао — это беспредельная пустота, и все возникает из нее и в нее возвращается. И она неисчерпаема, потому что она не имеет границ.

Возможно, вы не знаете, что идея ноля родилась в Индии. Именно в Индии люди осознали, что все возникает из ничего, из ноля, и снова превращается в ничто, в ноль. Целое путешествие от ноля к нолю. Так что именно в Индии появилась идея ноля, *шуньям*. И это стало основой всей математики, ноль — это основа всей математики. Если убрать ноль, вся структура математики развалится. Любое действие начинается с ноля. Вы добавляете ноль к единице и тогда значение ноля соответствует девяти, потому что единица стала десяткой. Вы добавляете два ноля к единице и значение этих нолей возрастет до девяноста девяти — единица превратилась в сотню. Из ноля выстраивается вся структура. Без ноля математика исчезнет, а без математики исчезнет вся наука.

Поэтому я считаю, что ноль — это основа всей математики и всей науки; без идеи ноля невозможно представить Эйнштейна. Да, это невозможно. Все вычислительные машины немедленно остановятся, если

вы отбросите саму идею ноля — без ноля они не смогут работать. Ноль кажется самой важной вещью в мире. А что такое ноль? Ноль — это просто ноль, ничто. И он неисчерпаем. Вы можете извлечь из него все что угодно. Он может стать числом «девять», «девятью девять» или «девятьсот девятью девять». Продолжайте, и он станет всем, чем вы захотите; он беспределен, неисчерпаем. Вам не постигнуть его беспредельность. У единицы есть пределы. Она ограничена точным значением. У двойки есть пределы, у всех девяти цифр есть пределы, только ноль не имеет пределов. В сущности, все девять цифр не могут обходиться без ноля. Они вышли из него, они выросли из него. Все существование возникло из ноля, из пустоты.

Почему пустоте придается такое значение? Это не философская доктрина, запомните, это аналогия — Лао-цзы пытается указать вам на что-то. Он хочет вам сказать, что пока вы не станете пустыми внутри, вы будете страдать, потому что пустота — это ваша реальность. Если вы не пребываете в реальности, вы будете страдать.

И в этом смысл медитации — стать полыми, пустыми внутри. Когда не возникает ни единой мысли — когда нет никакого содержимого, есть только пространство. И тогда страдание внезапно исчезает, потому что страдание существует в мыслях; смерть исчезает, потому что смерть существует в мыслях; прошлое исчезает, потому что мы несем груз прошлого в мыслях; амбиции исчезают, потому что как вы можете быть амбициозными, не имея мыслей? Как вы можете быть безумцем, не имея мыслей? Вы когда-нибудь видели безумца, не имеющего мыслей? Безумец и становится безумцем из-за того, что у него слишком много мыслей и он не может их удержать: огромное количество мыслей... слишком тяжелая ноша. Безу-

мный человек является великим мыслителем. В этом его проблема. Он слишком много думает, и он думает сразу во многих измерениях. В его повозку впряжены лошади, которые пытаются двигаться в разные стороны, и он не может остановить их, потому что его нет. Он до такой степени разделен, раздроблен на такие мелкие кусочки, что его практически нет.

Только пустота может быть единой. Как можно разделить пустоту? Все может быть разделено — все, что обладает субстанцией, может быть разделено. Ваша личность может быть разделена, но то, что не является личностью, нельзя разделить. Вот почему Будда, достигнув предельного просветления, создал слово анатта. Этого слова не существовало раньше. Анатта означает «не-личность». Анатта означает анатма. Анатта означает, что вас нет. Анатта означает ничто, пустоту.

Эта аналогия нужна, чтобы указать на определенные вещи: стать пустым, быть пустым. Но все обучение, все обусловленности общества направлены против этого. На Западе говорят, что если вы пусты, то вы становитесь мастерской дьявола. Пустой ум — это мастерская дьявола. Это глупость, полнейшая глупость, потому что пустой ум не может быть мастерской дьявола. Если он действительно пуст, то на его месте может оказаться только бог и ничто другое, потому что бог — это пустота. Дьявол полон мыслей, он не может быть пустым. У дьявола есть ум, у бога ума нет. Вы можете стать мастерской дьявола — чем больше вы думаете, тем больше у вас шансов стать такой масерской! Если вы не думаете, как вы можете ею стать? Дьявол не может войти в пустоту, он испугается смерти: ведь войти в пустоту — значит умереть. Он может войти в вас, только если вы полны мыслей — тогда он может спрятаться среди них, он может стать мыслью в вас.

Пустой ум — это ум бога, это *не-ум*. Станьте пустыми, подобными полному бамбуку. Двигайтесь, как пустота, живите, как пустота, делайте все, что вы должны делать, но так, как будто вы пустые внутри. Тогда карма не будет властна над вами; тогда ваши действия перестанут быть тяжелым грузом для вас; тогда вы не сможете запутаться, потому что пустота не может быть запутанной.

Дух Долины вечен.

Дух Долины — это дух пустоты. Что такое долина? Это нечто пустое. Идите в горы. И вы увидите, что вершины состоят из камней — они наполнены, а долины — пусты. Дух Долины — это дух пустоты. Вершины возникают и исчезают, а долины остаются — вы не можете разрушить «ничто». «Нечто» может быть разрушено. Если вы «нечто», то вам придется родиться и умирать снова и снова. Но если вы «ничто», как вы можете исчезнуть? Как вы можете быть созданы? Вы просто переходите из мира форм в мир бесформенного; долина означает мир бесформенного.

Дух Долины вечен.

Его называют Мистической Женщиной.

Это все аналогии. Женщина — это долина, мужчина — это вершина. Мужчина входит в женщину, женщина просто принимает. Мужчина — это агрессия, женщина — это восприимчивость. Мужчина пытается что-то делать, женщина просто ждет, что произойдет.

Его называют Мистической Женщиной.

Это понятие — «Мистическая Женщина» — нуждается в осмыслении, поскольку для Лао-цзы оно явля-

ется очень важным. Лао-цзы чувствует, что существование имеет скорее женскую природу, чем мужскую, потому что мужчину рождает женщина и женщину рождает женщина. Без мужчины можно обойтись, без женщины — нет. Похоже, что женщина — основной элемент. Мужчина появляется из нее. Женщина более естественна, в мужчине есть что-то неестественное. Если спросить биологов, они скажут, что мужчина биологически не сбалансирован; женщина симметрична, сбалансирована. Вот почему она выглядит более красивой и совершенной. Мужчина угловат, женщина — нет.

Женщина — более сбалансированное существо, поэтому она не пытается изобретать, создавать, делать что-то, постоянно находиться в движении — нет, она никогда не суетится! Мужчина всегда суетится, всегда в движении. Ему нужно что-то делать, чтобы доказать, что он есть; он не может просто принять себя. Он не может просто жить и наслаждаться. Ему нужно лететь на Луну, ему нужно покорять Эверест, ему нужно что-то делать. В нем отсутствует равновесие, он не может просто сидеть, просто быть. Он становится искателем приключений или ученым. Женщина наслаждается жизнью, она получает радость от маленьких вещей, ей не нужна Луна. И любая женщина считает, что это глупость — лететь на Луну. Спросите жен космонавтов, они даже не хотят слышать об этом. Зачем? Зачем без необходимости подвергать себя смертельной опасности? Почему нельзя просто быть здесь?

Мужчины — бродяги, цыгане. Если бы в мире существовали только мужчины, в нем не было бы домов, в лучшем случае — палатки. Мужчины переезжали бы с места на место. Они не могут оставаться на одном месте, что-то глубоко внутри заставляет их двигаться. В мужчине отсутствует равновесие, в этом его безумие.

Посмотрите на женщину. Она сбалансирована. Ей немного надо: любить кого-то, быть любимой, чтобы были еда, жилье, тепло, дом — вот и все. И больше ее ничего не волнует. Женщины не создавали научных теорий, женщины не основывали религий. Меня спрашивают, почему все религии были основаны мужчинами. Потому что мужчина живет в напряжении, он обязательно должен что-то делать. Если он разочаровывается в этом мире, он начинает что-то делать в другом мире, но ему нужно что-то делать. Его никогда нет здесь и сейчас, он просто не может быть здесь и сейчас.

Аналогия Лао-цзы такова, что природа существования женственна, сбалансирована. Посмотрите на деревья, на поющих птиц, на то, как течет река, на все вокруг, понаблюдайте — и вы найдете женственность во всем. Все выглядит совершенным в этот момент. Деревья не беспокоятся о будущем, птицы не беспокоятся о будущем, реки текут так лениво, так беззвучно — как будто они не движутся вовсе. Ничто не торопится.

Вот почему каждый день происходит одно и то же: мужчина сигнализирует, сидя в машине, а из окна дома то и дело доносится голос женщины: «Иду-иду, подожди минутку!» У женщин нет чувства времени. У них есть часы, но это просто украшение — на самом деле это не часы. У них нет чувства времени, потому что они не спешат. Чувство времени возникает из-за спешки — все находится в состоянии напряжения, все поставлено на карту, как будто минутой позже все рухнет. И если вы спросите мужчину: «Куда ты торопишься?» — он пожмет плечами. Он просто собрался в кино, но сигнализирует так, как будто он упускает что-то жизненно важное. А из окна продолжает доноситься голос женщины...

Как-то мне довелось слышать нечто подобное. Я сидел в машине с ее мужем, мы действительно опаздыва-

ли, и ее муж очень волновался. На самом деле ему было незачем волноваться, мы опаздывали на мою встречу, а не на его. Я опаздывал. Но он сигнализировал, волновался, покрывался испариной и ругал свою жену. А жена — два или три раза она сказала: «Я иду». Но макияж был не закончен. Он никогда не бывает закончен. Она может появиться на люди и с таким макияжем — он всегда будет незаконченным, к нему всегда можно что-то добавить. Но ей нравится заниматься этим: ей так хорошо с зеркалом, с самой собой — ей просто хорошо. Это ее мир. В конце концов жена разозлилась и прокричала в окно: «Я тебе тысячу раз сказала, что я буду через минуту!» Тысячу раз! За минуту невозможно даже тысячу раз успеть сказать: «Я иду».

Нет никакого чувства времени... Мир движется без всякого чувства времени. Деревья, реки и горы не живут по часам — это мир без времени.

Мужчина живет во времени, в беспокойстве. Глубоко внутри это беспокойство вызвано причиной сексуального характера: оно связано с достижением сексуального оргазма. Когда мужчина занимается любовью с женщиной, он озабочен тем, сможет ли он довести этот процесс до конца, способен ли он удовлетворить женщину, доказать, что он мужчина. Из-за этого беспокойства — внутренней дрожи, торопливого желания что-то доказать — он все упускает. Происходит эякуляция, но не оргазм. Оргазм — это нечто иное. Он случается только тогда, когда вы не беспокоитесь, не стремитесь к его достижению, не хотите получить что-то; он случается только в глубоком расслаблении, когда вы ничего не контролируете — функцию контроля берет на себя природа. Тогда все ваше тело наполняется неведомым вам блаженством. Тогда каждая клетка тела празднует, пребывая в состоянии тотального экстаза; тогда это божественно.

Но мужчина беспокоится, и сексуальное беспокойство является причиной всех его беспокойств. Поэтому он так стремится к самоутверждению.

Нет необходимости ничего доказывать. Вы есть. Вы совершенны. Женщина не старается ничего доказывать, она принимает свое совершенство как нечто само собой разумеющееся. Она живет очень расслабленно. Многие мужья жаловались мне, что их жены ленивы. Они не ленивы, они просто живут с удовольствием. Что бы ни происходило вокруг, они не торопятся. Но по сравнению с мужчинами они выглядят ленивыми.

Лао-цзы говорит, что в существовании преобладает женское начало, оно больше похоже на женщину. Эта аналогия прекрасна. Он не говорит, что существование — это женщина, запомните это. Это не логическое рассуждение, он не пытается доказать, что существование — это женщина. Он не поддерживает движение за права женщин — нет. Он просто приводит аналогию.

Мужчина тоже может быть женственным. Будда женственен, Лао-цзы женственен, Иисус женственен. И тогда такой мужчина живет — он живет в моменте, не торопясь, он наслаждается этим моментом без спешки. Иисус говорит своим ученикам: «Посмотрите на лилии в полях. Как они прекрасны! Даже Соломон в расцвете своего величия и славы был не настолько прекрасен».

Но в чем секрет лилий? В том, что они цветут здесь и сейчас. Их не беспокоит следующее мгновение; следующего мгновения нет в их сознании.

Мужчина может жить женственной жизнью — тогда он становится мистиком. Это единственный способ стать мистиком. Поэтому все мистики в определенном смысле женственны. И только их, а не основателей религий, можно назвать истинно религиозными людьми.

Запомните: существует разница... Будда не основывал буддизм — нет. Его ученики являются основателями. Иисус не основывал христианство — нет. Его апостолы являются основателями. Махавира не основывал джайнизм. Основателем джайнизма стал его ученик Гаутам — великий ученый, пандит. Все они мужчины.

Иисус женственен. В Индии аватары, тиртханкары, будды никогда не изображались с бородой и усами — это демонстрировало их женственность. Вы когда-нибудь видели Раму с усами? Кришну с бородой? Это не означает, что с их гормонами что-то не так. Они не являлись людьми третьего пола. Они были мужчинами, они носили бороды. Но это просто аналогия. Их изображают без бороды, чтобы показать их женственность: так возникает женственный мистик. Они живут без спешки, они живут, не как напряженные мужчины, а как расслабленные женщины, и вы можете чувствовать исходящее от них женское тепло, видеть округлые формы Будды.

Дух Долины вечен.

Его называют Мистической Женщиной.

Врата Мистической Женщины —

Это начало Неба и Земли.

«Врата Мистической Женщины — это начало Неба и Земли». И если вы сможете найти ключ к дверям Мистической Женщины, вы откроете дверь существования. В эту дверь нужно входить ненапряженным, уравновешенным, удовлетворенным — в этом секрет женственного существования.

Когда я говорю об этом, вы можете неправильно меня понять: женщины могут подумать, что им ничего не нужно делать; мужчины могут решить, что Лао-цзы не для них. Нет, он подходит и для женщин, и для мужчин. Но помните... женщины — это уже не женщины

в чистом виде, они утратили женский мистицизм. Им нужно обрести его снова. Для них это будет проще, чем для мужчин, потому что мужчины зашли слишком далеко. И не думайте, что если вы мужчина, то Лао-цзы не для вас — он именно для вас, иначе вы будете уходить все дальше и дальше от существования и экстаза жизни. Каждый должен вернуться к своим истокам, в этом и состоит женский мистицизм.

Вы родились из лона матери, и вам нужно снова найти это лоно в существовании. Если вы сможете найти лоно в существовании, найти такое же тепло, такую же жизнь, такую же любовь, такую же заботу в существовании — тогда существование станет вашим домом, вашей матерью.

Индуисты ближе к истине, называя своего бога «мать» — мать Кали, чем христиане, мусульмане и иудеи, которые называют своего бога «отец». Эти три религии ориентированы на мужчин, вот почему в них столько жестокости. Мусульмане и христиане очень многих лишили жизни, они стали катастрофой для земли. Они стали убийцами. Во имя религии они только убивали и больше ничего не делали. Эти религии ориентированы на мужчин.

Буддисты не убивали, индуисты не убивали, джайны не убивали, потому что они все больше и больше склонялись к женскому мистицизму. И у вас не может быть претензий к Лао-цзы, в связи с ним не возникло никакой организованной религии. Как только религия становится организованной, в нее проникает жестокость. Организация должна быть жестокой, ей нужно пробивать себе путь, ей приходится становиться мужественной. Организация — мужественна, религия — женственна.

Я слышал анекдот о том, как несколько учеников дьявола пришли к нему очень обеспокоенные и сказали:

— Чего ты здесь сидишь? Наш бизнес находится под угрозой. Снова какой-то человек достиг просветления, стал буддой. Нам нужно что-то предпринять, иначе он трансформирует людей — и тогда наш мир опустеет, некому будет попадать в ад! Сделай что-нибудь немедленно! Не теряй времени. Какой-то человек снова стал буддой!

Дьявол ответил:

— Не волнуйтесь. Я действую через учеников. Я уже послал к нему нескольких, они в пути. Они окружают его. Они создадут организацию. Не волнуйтесь, организация сделает все за нас — ученики всегда делают это лучше. История научила меня этому. Я создам церковь... и при этом я даже не буду ни во что впутываться. Они сделают все сами. Я просто поддержу их и немного им помогу.

Как только появляется папа, Христос забыт; как только возникает церковь, будда убит, уничтожен. Религия всегда воздвигается на трупе будды.

Это аналогии. Женщины легко могут достичь женского мистицизма; по этой причине религия больше привлекает женщин. Они не создают религий — но женщин, интересующихся религией, почти в четыре раза больше, чем мужчин. Среди учеников Махавиры было сорок тысяч женщин и десять тысяч мужчин, и такая же пропорция сохранялась среди учеников Будды. Пойдите в церковь или в храм и посчитайте — вы увидите, что на четырех женщин приходится один мужчина, да и этот один оказался там только потому, что его привела жена; иначе бы его там не было.

Женщинам легче достичь гармонии; они матери, они ближе к природе. Мужчине довольно трудно вернуться назад; он всегда чем-то занят, у него есть обязательства — то, чем питаются его беспокойство и

напряжение. Даже если он придет к религии, он принесет свое беспокойство и в нее.

Я вижу это каждый день. Ко мне приходят женщины — если они сдаются, они сдаются полностью. Если они медитируют, они медитируют тотально. И тогда они начинают расти.

Ко мне приходят мужчины — они не могут сдаться полностью, они всегда сохраняют какую-то часть себя суверенной. А если вы сдаетесь не полностью, значит, вы вообще не сдаетесь. Они медитируют, но медитация приносит им беспокойство. И они приходят ко мне и говорят: «Медитация создает только беспокойство. Я не могу спать. Я постоянно думаю о том, как это будет происходить, чего я должен достичь».

Это не достижение. В медитации нечего достигать. Нужно отпустить, действительно отпустить. Это трудно для мужчины; его приучили постоянно беспокоиться, постоянно находиться в напряжении. С самого детства общество учит мужчину быть *мужиной* — агрессивным, жестоким, вечно стремящимся к чему-то, пытающимся достигнуть чего-то, амбициозным. Если мальчик начнет играть в куклы, родители спросят: «В чем дело? Что ты делаешь? Ты превращаешься в девчонку? Это занятие для девочек, а не для мальчиков. Дом — это для девочек, куклы — это для девочек. Мальчикам надо выходить в жизнь и прокладывать себе дорогу. Им надо сражаться — вот это для них».

Если дом — для девочек, то чувство дома тоже для девочек. Тогда у мужчины вообще нет дома; а медитация — это чувство дома.

Он вечен
И неизменен.
Черпайте из него,
И это принесет вам покой.

Женский мистицизм, Дух Долины, пустота.

Он вечен
И неизменен.

Он всегда здесь.

Черпайте из него,
И это принесет вам покой.

Он сделает вас тотальными, он наполнит вас покоем, даст вам чувство дома. К вам придет расслабление.

Посмотрите на жизнь не как на борьбу, а как на удовольствие. Посмотрите на жизнь не как на войну, на конфликт, а как на праздник. И этот праздник бесконечен. Возможность блаженства бесконечна — блаженство возникает из блаженства.

Он вечен
И неизменен.
Черпайте из него,
И это принесет вам покой.

Достаточно на сегодня.

Глава 4

Пустота

Первый вопрос:

*Ошо,
Ты знаешь, кто я?*

Нет, сэр, не знаю. Потому что тебя нет. Ты — это пустота, анатта. Нет, я тебя не знаю. На поверхности ты, может быть, и являешься кем-то, но меня не интересует то, что на поверхности. В своем глубочайшем центре ты — просто отсутствие кого бы то ни было; ты даже не никто, ты — полное отсутствие. Как я могу знать тебя?

И это прекрасно, потому что, если бы я мог узнать тебя, я бы смог дать тебе определение, я бы наложил на тебя ограничения своим знанием. Если бы о тебе можно было что-то узнать, ты бы немедленно превратился в объект, ты перестал бы быть сознанием. Если бы о тебе можно было что-то узнать, ты не мог бы заключать в себе бесконечность, а ты бесконечен — бесконечен в своей пустоте. Как я могу знать тебя? Даже ты сам не можешь знать себя. Нет такого понятия, как «знание себя». Когда ты начинаешь что-то осознавать — это знание не-себя. Когда это происходит, ты вдруг осознаешь, что знающий и познаваемое исчеза-

ют — остается только пустота, безбрежное пространство без начала и конца, бесконечность. Вот это и есть ты — как это может быть познано?

Нет возможности познать тебя. И это хорошо, что тебя нельзя познать, иначе наука изучила бы тебя и ты стал бы объектом, вещью. Исчезла бы тайна. Вот почему я повторяю снова и снова, что наука никогда не проникнет в самый центр существа, потому что внутренний центр — это не-существо. Ты подобен луковице — можно снимать слой за слоем, все новые и новые слои, еще один слой и еще один, и внезапно луковица исчезнет — в твоих руках останется только пустота. Это и есть ты.

Но в этой пустоте нет ничего плохого, постарайся понять меня правильно. Само слово «пустота» звучит так, как будто оно выражает отсутствие чего-то. Нет, это не так. Это присутствие чего-то бесконечного. Это не отсутствие, это не что-то негативное, это не похоже на темноту; это позитивное явление. Ты — это не твое эго. Нужно помнить о позитивности, потому что слово «пустота» может дать тебе неправильное представление об этом, ты можешь думать, что речь идет о чем-то незаполненном. Я не говорю, что мы имеем дело с незаполненностью, я не говорю, что мы имеем дело с отсутствием чего-либо, — нет. Это пустота, именно пустота, пустота как таковая. Та пустота, о которой говорят как о позитивной; когда она позитивна, она совершенно другая.

Для вас пустота — это только негативное явление. Вы входите в комнату, в которой нет мебели, и вы говорите, что комната пуста, в ней ничего нет. Вы выходите из нее, и если я спрошу вас, что вы видели, вы скажете, что комната пуста: ни мебели, ни картин на стенах, ничего — пусто. Вы вошли в комнату и увидели лишь что-то негативное. Комната наполнена пространством, с которым вы не соприкоснулись. Комната — это пу-

стота, пространство. В нее можно что-то внести, потому есть место, есть пустое пространство. В нее можно внести мебель — для этого есть пространство. Вы не рассматривали пустоту с этой точки зрения. Иначе вы сказали бы мне, что комната наполнена пустотой: нет ничего — только пустота; комната готова принять все что угодно — в ней есть пространство. Это значит, что вы увидели позитивную пустоту.

Посмотрите на небо. Небо, когда в нем нет облаков, — это позитивная пустота. Но если вы смотрите на ясное небо как на отсутствие облаков, тогда вы смотрите на него с негативной точки зрения. Если вы смотрите на него как на пространство, голубую пустоту, из которой может возникнуть все, тогда эта пустота не может быть негативной. Это самое позитивное, что может быть в мире, это сама основа существования. Именно пустота лежит в основе существования. Все возникает из нее и все постепенно в нее возвращается. Вы рождаетесь из нее, и, умирая, вы в нее возвращаетесь.

Как я могу знать тебя? Знание станет определенным, а ты не поддаешься определению. Нет, я не знаю тебя. Я не знаю и себя тоже.

Я хочу рассказать одну историю. Она произошла на самом деле, я люблю эту историю, я рассказывал ее много раз, много-много раз, но всегда, когда я вспоминаю ее, она кажется такой новой и свежей.

Бодхидхарма пришел в Китай — это был человек, который обладал пустотой Будды. Бодхидхарма принес в Китай суть буддизма, и благодаря этому произошло величайшее событие. Благодаря Бодхидхарме видение Лао-цзы — путь Лао-цзы — и понимание Будды встретились, и родилось нечто прекрасное. Ничего подобного не существовало в мире — я говорю о Дзен. Дзен — это

встреча, соединение Будды и Лао-цзы. Бодхидхарма заронил семя и оно проросло в Лао-цзы. В то время Бодхидхарма уже был очень известным мистиком, его имя знали повсюду на Востоке. Когда он достиг границ Китая, сам император пришел встретить его. Император задал ему несколько вопросов. Он спросил: «Я построил множество буддистских храмов — тысячи. Какую пунью, какие добродетели я обрел?»

Если бы он задал этот вопрос любому другому буддийскому монаху, он бы получил ответ: «Император, повелитель, ты накопил бесконечное множество добродетелей — ты попадешь на Небеса, это абсолютно точно». Но он спросил не того человека. Бодхидхарма ответил: «Добродетели? Ничего подобного! Наоборот, ты накопил много грехов».

Император был в шоке, он не мог поверить своим ушам. Он спросил: «Почему? Что ты такое говоришь? Я построил много храмов Будды. Я донес слова Будды до миллионов людей. Каждый день я кормлю тысячи буддийских монахов, а ты говоришь, что я накопил грехи? О чем ты?»

Бодхидхарма ответил: «Сама идея того, что ты накопил добродетели, является грехом, она очень эгоистична. Ты попадешь в ад, император, это точно. Ты упадешь на седьмой уровень ада, первого для тебя недостаточно».

Император не мог поверить. Кроме того, он начал злиться. И он сказал: «У меня есть вопрос. Что находится внутри меня? Что такое мое „Я“?» — тот же самый вопрос, какой задал ты: «Ты знаешь, кто я?».

Бодхидхарма ответил: «Бесконечная пустота, ничто».

Император очень сильно разозлился и спросил: «Тогда кто ты? Кто стоит передо мной?»

Бодхидхарма сказал: «Я не знаю, господин».

Я не знаю тебя. Как можно познать пустоту? Ты можешь быть ею, но ты не можешь познать ее. Знание означает, что ты отделен от нее, для знания нужна дистанция. Как ты можешь знать себя? Если ты знаешь, значит, ты разделен на две части: «знающий» и «познаваемое». И, конечно, познаваемое не может быть тобой, ты — знающий, поэтому, что бы ты ни узнал, это не будет тобой, знающим. И знающий не может стать чем-то другим, из него нельзя сделать познаваемое. Как ты можешь поставить себя перед собой? У тебя ничего не получится, это невозможно. А если ты попробуешь, то перед тобой будет что-то другое — не ты. Ты всегда позади — знающий. Только знающий. Только знающий, не познаваемое.

Я не знаю себя... и это и есть знание себя. Это звучит противоречиво, парадоксально, но это так. Ничего нельзя поделаться, это в природе вещей. Вот почему человек, знающий себя, никогда не скажет, что он знает. Потому что — кто будет говорить? Такой человек может выглядеть невежественным. Он говорит: «Я знаю только то, что ничего не знаю».

Двигайся внутрь. Однажды ты станешь пустотой, центральной частью колеса — ступицей. Центр колеса пуст, но он держит все колесо на себе; центр пуст, но без него колеса не будет, оно развалится на части. Ты знаешь только колесо — оно до сих пор является твоей личностью, твоей *нама-рупой*, твоим именем и формой; ты знаешь только это колесо. Но если ты будешь двигаться вглубь, однажды ты придешь к центру: это *анатта*, «не-Я», пустота. Но напоминаю: это не что-то негативное, эта не пустота в смысле отсутствия чего-то. Это просто пустота. Это самое позитивное явление в существовании. Это само существование. Индусы называют это *самчитананд*: *сам* — «бытие»; *чит* — «сознание»;

ананд — «блаженство». Помните, это не «блаженный», иначе это не было бы пустым. Это блаженство, не блаженный. Тебе не нужно наполняться блаженством, внешне ты обнаружишь, что ты и есть блаженство.

Природа пустоты — это блаженство, это существование, это сознание. Это не значит, что сознание наполняет ее. Это не похоже на свет от горящей лампы, которым наполнена комната. Вы можете выключить лампу — и свет исчезнет; вы не можете выключить сознание. Оно — сама природа внутренней пустоты, это не то, чем пустота должна наполняться. Вы не можете разрушить сознание. Как вы можете разрушить пустоту? Вы можете разрушить все в этом мире, но вы не можете разрушить пустоту. Вот почему вы не можете быть убиты. Это невозможно, потому что вас нет. Меч может разрушить колесо, но центр — центр останется нетронутым. Он не может быть разрушен, просто потому что его нет.

Бытие — это природа внутренней пустоты; сознание — это природа внутренней пустоты, блаженство — это природа внутренней пустоты. Отсюда страх, который чувствуют люди, когда начинают медитировать. Когда они двигаются в медитацию, они пугаются, начинают дрожать. Эта дрожь возникает глубоко внутри. Появляются сильная тревога и боль. Почему это происходит? Вы подходите все ближе и ближе к блаженству, к бдительному сознанию, к существованию. Почему вы так боитесь смерти? Вы боитесь, потому что вы не знаете, как быть пустыми. Вы знаете, как быть наполненными, но не знаете, как быть пустыми. Вы не знаете, как умереть, как умереть как личность, как остаться во внутренней пустоте. Вы не знаете. Когда вы двигаетесь внутрь и мысли постепенно отступают, вами вдруг овладевает страх. Куда вы идете? Вы чувствуете, что вы как будто исчезаете, вы чувствуете, что вы как

будто умираете. Небытие захватывает вас — словно вы стоите на краю бездны, смотрите вниз и не видите дна. Вы начинаете дрожать и покрываться испариной. Вы встречаетесь со смертью.

Если вы в этот момент отступите, вы больше никогда не сможете медитировать. Вот почему нужен мастер. Когда в вас возникает страх, мастер может помочь вам, он может поддержать вас: «Посмотрите на меня. Я прошел через это, и тем не менее я здесь. Я стал пустым, и тем не менее я здесь. И я здесь в большей степени, чем вы, в большей степени, чем что бы то ни было в этом мире». Нужен кто-то, в чьи глаза вы можете посмотреть и увидеть в них проблеск той же пустоты, которую вы почувствовали в себе. И еще вы можете увидеть, что он здесь, полностью и абсолютно здесь. Поэтому не бойтесь. Его бытие дает вам смелость, его присутствие дает вам смелость. На самом деле мастер ничего не делает. Он катализатор, только одного его присутствия достаточно. Если однажды вы позволите себе упасть в эту пустоту, вы рассмеетесь и скажете: «Смерти нет. Я боялся напрасно, не было никаких причин для этого». Проходя через умирание, вы становитесь бессмертным.

Я могу сказать только это: ты — не твое «Я». Стань «не-Я». И в пустоте «не-Я» нет ничего негативного, это самое позитивное, что может быть.

Второй вопрос:

Ошо,

Ты говорил, что ты соединяешь в себе все противоположности, что ты не отвергаешь грешника, не отвергаешь ненависть в себе. В другой лекции ты говорил, что ты не отвергаешь дьявола в себе, что ты тотален. Это меня совсем запутало. Все, что я всегда чувствовал в тебе, — это огромное-

огромное пространство любви, сострадания и совершенной доброты. Где же и в чем проявляются твой дьяволизм и твоя ненависть?

Когда вы содержите в себе и то и другое, божественное поглощает дьявола, потому что дьявол — только часть божественного. Это можно назвать внутренней арифметикой. Если вы живете неполной жизнью, вы будете дьяволом, потому что дьявол — это не что иное, как часть, которая претендует на то, чтобы быть целым. Когда часть утверждает, что она целое, — это и есть дьяволизм. Если вы принимаете эту часть в себе, она поглощается целым. Если вы боретесь с ней, значит, вы будете бороться с самими собой и всегда оставаться разделенными на части. Эта разделенность и приводит к появлению дьявола — благодаря ей он существует. Он не может существовать, если вы целостны и тотальны. Если вы разделены на части, остаются щели; дьявол закрепляется в этих щелях, между двумя частями. Когда вы принимаете все, всю эту жизнь, не отрицая, не отвергая ничего, не давая ничему определений — это плохо, а это хорошо, когда вы принимаете жизнь такой, какая она есть, независимо от того, что в ней происходит, когда вы принимаете ее во всей полноте, дьявол исчезает. Он поглощается существованием, он поглощается божественным.

Дьявол — это и есть божественное, даже само слово указывает на это. Английское слово *devil* (дьявол) имеет тот же корень, что и слово *divine* (божественный), — они оба произошли от санскритского корня *dev*. Дьявол — это и есть божественное. Что-то пошло не так, но дьявол — это божественное. Его нужно позвать назад, но, сражаясь с ним, вы не сможете его вернуть. Если вы боретесь с ним, он уходит все дальше и дальше. И вам все время будет не хватать этой части. Эта отсутствующая

часть не даст вам успокоиться. Дьявола нужно позвать домой, чтобы целое могло поглотить его.

Если вы принимаете все, ненависть внезапно исчезает. Поэтому, когда я говорю «примите ненависть», я вовсе не советую вам ненавидеть; на самом деле я отрезаю самый корень ненависти. Когда я говорю «примите», это означает, что я отрезаю сам корень. Если вы сможете принять ненависть, вы больше никогда не будете ненавидеть; если вы не сможете ее принять, вы останетесь полным ненависти и в вашей любви всегда будет чего-то не хватать. Это нуждается в глубоком понимании, потому что это не метафизическая проблема, а экзистенциальная. Это проблема, которая есть у каждого внутри.

Вы ненавидите кого-то. Когда вы ненавидите, что происходит внутри вас? Что такое ненависть? Что вы хотите сделать с этим человеком? Вам хочется убить его, уничтожить. Вам хочется, чтобы он убрался как можно дальше. Вы не желаете видеть его, не хотите, чтобы он был рядом. Вам бы хотелось, чтобы он исчез, чтобы его больше не было, — вот почему вы хотите убить его, уничтожить. Когда вы любите кого-то, что вы готовы сделать для него? Вы хотите, чтобы он жил вечно, никогда не умирал, всегда был рядом. Вы хотите защищать его, заботиться о нем, вы не верите, что ваша любовь может быть разрушена. Вы хотите, чтобы ваш возлюбленный был бессмертным.

Посмотрите на оба эти явления. Они противоположны. Но неужели вы не видите? Это две стороны одной медали. Любовь созидательна, ненависть разрушительна. Но понимаете ли вы, что никакое созидание невозможно без разрушения? Разрушение не имеет смысла, если оно не служит для созидания. Поэтому вы можете разрушить, если собираетесь что-то создать, тогда это нормально. Вы можете разрушить дом, если

хотите построить лучший дом, — никто не скажет, что вы разрушитель. Вы можете разрушить общество, если есть возможность создания лучшего общества; вы можете разрушить мораль ради создания лучшей морали — никто не скажет, что вы разрушитель, потому что вы разрушаете, чтобы создать, а созидание невозможно без разрушения. Разрушение поглощается созиданием; поэтому оно прекрасно, оно является частью созидательного процесса.

Но вы просто разрушаете. Вы разрушаете общество безо всякой созидательной идеи в уме, не думая о том, что вы собираетесь делать потом. Вам просто нравится разрушение. Вы разрушаете дом, вы ломаете вещь, и если вас кто-то спрашивает: «Зачем вы это делаете?» — а вы отвечаете: «Я люблю разрушение», тогда вы просто сумасшедшие, тогда с вами что-то не так. Разрушение само по себе стало целым, оно стремится заявить, что оно и есть целое. Когда разрушение заявляет о себе как о целом, тогда в вас появляется дьявол; когда разрушение является частью целого, тогда оно божественно.

Когда вы любите человека, вам приходится также и ненавидеть его, и тогда ваша ненависть — это часть любви. Отец любит ребенка. Он будет злиться на ребенка, может даже отшлепать или побить его. Гнев никогда не обижает ребенка, никогда. Ребенок обижается, когда вы злитесь безо всякой причины, когда вы разрушительны безо всякого повода. Когда он не понимает, почему вы злитесь, он не может простить вас. Если ребенок знает причину — например, он разбил часы, — тогда он понимает, что отец ударит его, и он принимает это. На самом деле, если отец не ударит его, ребенок будет чувствовать себя виноватым, и это очень разрушительно. Он будет постоянно бояться, что однажды станет известно, что это он разбил дорогие часы или что-то еще, и он будет чувствовать вину и боль. Он хочет ясности, он хочет, чтобы

это закончилось, а это может закончиться только тогда, когда отец разозлится, — тогда все придет в равновесие. Ребенок сделал что-то плохое — отец разозлился и наказал его. Теперь ребенок чист. Он может спокойно двигаться дальше.

На Западе благодаря современным психологам отношения между родителями и детьми стали полным абсурдом. И одна из этих абсурдных вещей — это то, что вас научили никогда не злиться на своих детей, никогда не бить их, никогда не ненавидеть их. Из-за этого родители стали бояться. Это нечто новое. Дети всегда боялись своих родителей, но сейчас в Америке родители боятся своих детей. С точки зрения психологии, что-то пошло не так и дети могут сойти с ума или стать шизофрениками — у них могут начаться психозы и неврозы, с ними что-то может случиться в будущем, и родители будут нести за это ответственность. Итак, что же происходит? Если отец любит ребенка и при этом злится — что произойдет? Отец подавит свой гнев. А этого ребенок не простит никогда, потому что, когда отец подавляет свой гнев, гнев становится холодным.

Постарайтесь понять это. Холодный гнев — от дьявола; горячий — от бога. Горячий гнев прекрасен, он живой; холодный гнев — мертвый, отравляющий.

Когда отец действительно горячится, покрывается испариной и бьет своего ребенка, ребенок знает, что отец любит его, иначе зачем бы он так волновался? Но когда отец холоден, саркастичен, не сердится, но при этом находит способы продемонстрировать свой гнев — холодные способы: его движения, то, как он входит в дом, как смотрит или не смотрит на ребенка... Эта холодность показывает, что отец не любит ребенка, его любви недостаточно для горячего гнева.

И это создало на Западе разрыв между поколениями, это и ничто другое. Дети растут сами по себе; роди-

тели пребывают в своих холодных, мертвых эмоциях... в тюрьме. Между ними огромная дистанция. Между ними нет общения. Отец не может разговаривать со своим ребенком, поскольку боится, что если он начнет говорить — действительно общаться, горячиться, — поднимется гнев. Поэтому лучше не разговаривать — избегать напряженных ситуаций, избегать общения.

То же самое произошло на Западе между женами и мужьями, и сейчас это происходит на Востоке — потому что Восток исчезает. К концу двадцатого столетия весь мир станет Западом. Восток исчезнет, он сохранится только в книгах по истории, в музеях; он будет лишь ностальгическим воспоминанием. Восток исчезает — как географическое явление он останется, но ему не будет места в человеческом сознании.

Что же произошло на Западе? То же самое — если вы любите свою жену, как вы можете ее ненавидеть? Если вы любите свою жену, как вы можете ее ударить? Если она любит вас, она должна любить вас двадцать четыре часа в сутки — вы требуйте невозможного.

В жизни все подчинено ритму. Только в смерти все абсолютно, в ней нет никакого ритма. В жизни все подчинено ритму — приходит день, затем ночь. Гераклит говорит: «Бог есть лето и зима, день и ночь, голод и сытость, жизнь и смерть». Жизнь — это ритм, постоянно вибрирующее явление между двумя полярностями. Вы не можете никого любить двадцать четыре часа в сутки; если вы попытаетесь это сделать, любовь умрет. Вы можете любить человека интенсивно лишь в течение нескольких мгновений, затем вы должны заняться чем-то другим, потому что вам нужно сделать передышку. В противном случае любовь превратится в лихорадку, вас будет постоянно лихорадить — как вы сможете терпеть это двадцать четыре часа? За днем должна прийти ночь, а вместе с ней — отдых, расслабление.

Любовь — это возбуждение. Вы не можете постоянно находиться в возбуждении. Вы любите и ненавидите человека одновременно, и в этом нет ничего неправильного — если вы любите. Вот что надо запомнить: если вы любите, то тогда нет ничего неправильного. Любовь благословляет все, даже ненависть. Любовь очищает все, даже ненависть. Любовь освящает все, даже ненависть. Вы любите свою жену и ненавидите ее, она любит вас и ненавидит. Это создает ритм жизни. Это уничтожает монотонность. Меняются настроения, меняются времена года. А изменения прекрасны, потому что любое изменение — это живое явление; иначе если кто-то любит тебя, и любит, и любит, то даже любовь становится скучной. Да и никто не способен так любить, двадцать четыре часа в сутки можно только притворяться.

Поймите это: если ваша любовь притворна, вы можете притворяться двадцать четыре часа в сутки, но тогда это ложь. Только пластиковый цветок не увянет, только пластиковый цветок не умрет. Если вы действительно живы, вы умрете, потому что смерть — это часть жизни. Если вы на самом деле любите человека, вы будете также и ненавидеть его, потому что ненависть — это часть любви. И в этом нет ничего плохого. Это превращается в грех, только если часть становится целым. Но окруженная любовью... Остров ненависти среди океана любви — это прекрасно. Прекрасно! Это дает любви напряжение и расслабление. Это привносит в любовь ритм, это делает жизнь гармоничным целым. Только представьте себе мир, в котором солнце никогда не садится и вам приходится бодрствовать двадцать четыре часа в сутки, — через три недели вы сойдете с ума. И именно так вы любите — вы все сходите с ума, постоянно притворяясь: неискренние лица, маски, лицемерие, игра...

Настоящая беда случается, когда вы сердитесь, но не показываете этого, и постепенно механизм подавления оказывается настолько глубоко укорененным, что все в вас становится фальшивым. Вы не любите, но демонстрируете любовь, вы не чувствуете сострадания, но демонстрируете его — и тогда жизнь не истинна, не честна. Честная жизнь похожа на реку: она течет, она изменяется. Иногда, летом, река полностью исчезает, остается только сухое дно. А временами, в сезон дождей, река выходит из берегов, растекается вокруг и становится похожей на океан.

Просто постарайтесь понять: жизнь — это движение между полюсами, а человечество попало в ловушку, потому что решило придерживаться только одного полюса. Вы не можете всегда оставаться там; вы будете двигаться внутрь, оставаясь при этом в том же самом состоянии. Тогда вся жизнь будет отравлена. Тогда все что угодно может проникнуть во все что угодно. В вашей любви скрывается ненависть, потому что, когда вы ненавидели, вы старались улыбаться и притворяться; так ненависть проникает в вашу кровь и смешивается с любовью. Так человек становится фальшивым, неискренним. И это происходит из-за ложных учений ваших так называемых религиозных деятелей и моралистов. Все они старались заставить вас жить только на одном полюсе. Этот полюс они называют Богом, состраданием, любовью — там все такое приятное, сладкое, милое. А другой полюс они назвали Дьяволом, там сосредоточено все плохое.

Что касается Лао-цзы или меня — нам не нравится это разделение, эта дихотомия*, эта шизофрения. Мы за оба полюса. И тогда случается внезапная трансфор-

* Дихотомия — деление на две части, противопоставление двух объектов друг другу.

мазия: разрушение становится частью созидания — это так и есть! — а ненависть становится частью любви. Любовь превосходит ненависть, созидание превосходит разрушение. Жизнь превосходит смерть, и поэтому смерть должна быть частью жизни. И если смерть является частью жизни, она прекрасна. Помните об этом, и тогда вы увидите, что даже ваша ненависть окрашивается в цвет любви, ваше разрушение принимает форму созидания, конструктивности, творчества, а в вашем гневе содержится сострадание.

Иисусу случалось испытывать гнев. Христиане по сей день не могут этого понять: «Как Иисус мог злиться? Он должен постоянно улыбаться, как политик. Как он мог злиться?» А он злился. Его гнев был чрезвычайно сильным. Он вошел в храм Иерусалима и напал на менял, просто подрался с ними. Должно быть, его гнев был действительно огромен, ведь менял было много, а он в одиночку напал на них. И он выкинул их из храма вместе с их столами и всем остальным, он изгнал их из храма — один. Когда человек в гневе, его сила увеличивается в сотни раз.

Возможно, вам знакомо это чувство. Когда вы в гневе, вы можете отбросить огромный камень, а когда гнева нет, вы даже не сдвините его с места. Гнев — это энергия, концентрированная энергия. Гнев — это глубокая концентрация всего существа: все сосредоточено на чем-то одном, все существование забыто, все энергии соединились в одной точке.

Иисус, должно быть, был прекрасен в этот момент. Христиане пытаются скрыть этот факт, стараются не упоминать о нем. Иисус — и гнев? Тот самый человек, который сказал: «Если тебя ударили по одной щеке, подставь другую», способен испытывать гнев? Это выглядит противоречиво. Человек, который сказал, что, если кто-то отберет у вас плащ, отдайте и рубашку тоже, способен сердиться? Этого не может быть.

Но я утверждаю, что только такой человек и может испытывать гнев, потому что гнев является частью его сострадания; только такой человек может сердиться, потому что он знает, что такое сострадание. Ему знаком один полюс, он знает о другом полюсе, и он может двигаться между ними, он жив, он не мертв. Он не представляет собой что-то фиксированное, что-то застывшее; он в постоянном движении — живом, пульсирующем, — он всегда способен двигаться к другому полюсу. И он вышвырнул этих менял из храма из сострадания. Его гнев был вызван состраданием. Он был так сострадателен, и иногда я чувствую, что его сострадание глубже, чем сострадание Будды или Махавиры, потому что оно такое истинное и живое. Махавира и Будда больше похожи на восковые фигуры — застывшие. Может быть, они кажутся такими из-за того, что их так описали ученики, ведь идея о том, что просветленный человек не может испытывать гнев, очень стара в Индии. В Иерусалиме все по-другому. Иудейский бог тоже может быть сердитым, поэтому там не боятся показать просветленного человека разгневанным. Там нет такого страха. Даже бог может испытывать гнев. Он ведет себя как человек. Иудейский бог ведет себя как человек, но от джайнов и буддистов ожидают, что они будут вести себя, как мертвые боги. Может быть, поэтому ученики подкорректировали жизни Махавиры и Будды. Они оставили одну часть и отбросили другую. Кажется, так оно и было; есть основания для того, чтобы так считать.

В джайнизме есть две секты последователей Махавиры: *Светамбара* и *Дигамбара*. Дигамбары, рассказывая историю жизни Махавиры, говорят, что он не был женат, оставался абсолютным *брахмачари*, соблюдал целибат с самых ранних лет. Светамбары утверждают, что он был женат; более того, имел дочь. И в чем

же здесь дело? Почему дигамбары говорят, что он не был женат? Они боятся, что брак — это слишком по-человечески. Махавира влюбляется в женщину? Нет! Это не подходит для их концепции *тиртханкары*: Махавира, который мог не только влюбиться в женщину и жениться на ней, но и заниматься с ней любовью — ведь у него родилась дочь. Они не могут представить Махавиру, занимающегося сексом. Это невозможно! Поэтому они просто полностью отбросили эту идею, поскольку она была опасна. Махавира никогда не был женат.

История светамбаров выглядит более правдивой. Почему я так считаю? Потому что, если бы это было не так, светамбары не стали бы об этом говорить. Если бы Махавира на самом деле не был женат и не имел дочь, светамбары не стали бы придумывать это; настолько это против всех правил, они не стали бы придумывать такое. Поэтому единственно возможный вариант: дигамбары отбросили эту идею. А позже дигамбары отбросили и всю историю жизни Махавиры — а жизнь есть жизнь, в ней должны быть оба полюса. Они утверждают, что реальная история жизни исчезла, поскольку современный человек не способен понять ее. Поэтому первоначальные рукописи исчезли, они были утеряны — истории жизни Махавиры больше не существует. Дигамбары полностью отвергают его жизнь. Поэтому из него легко можно сделать идеал — он стал восковой фигурой, нереальным человеком, с нечеловеческой биографией, с нечеловеческой биологией.

Дигамбары говорят, что он никогда не потел. Как Махавира мог потеть? Это обычные люди со всеми их слабостями могут потеть. Как мог потеть Махавира? Он никогда не потел.

Это выглядит глупо, неправдоподобно. Но именно так мы подменяем факты и пытаемся создать с их по-

мощью идеалы — ложные идеалы — так появляются фальшивые личности.

Христиане не смогли сделать такого. Они не были столь умны. Они не знали, что позже это могло привести к трудностям. Жизнь Иисуса выглядит более реальной, более историчной, и это создает проблемы. Я считаю, что никаких проблем нет. Все так и должно быть. Только такой Иисус может действительно гневаться, но его гнев вызван состраданием. Вы думаете, как он может испытывать гнев, если у него есть сострадание? А я говорю, что он испытывает гнев именно потому, что у него есть сострадание. Сострадание включает в себя гнев — но оно изменяет качество гнева, поскольку гнев становится жизненно необходимой частью сострадания. Когда вы принимаете и то и другое, качество вашего существа полностью меняется. Ненависть становится частью любви, гнев — частью сострадания.

Не пытайтесь выбирать. Когда вы не выбираете, вы порождаете гармонию, становитесь гармонией. Не создавайте конфликта в себе; какими бы вы ни были — вы прекрасны. У вас есть все необходимое, чтобы сотворить гармонию. Если вы отбросите что-то, то потом раскаетесь, потому что вам потребуется эта отброшенная часть. Не отбрасывайте ничего. Используйте все, что дало вам существование, создавайте гармонию из этого. Гармония должна стать вашей целью.

Третий вопрос:

Ошо,

Ты сказал, что само присутствие рядом с просветленным мастером приведет к трансформации. До того как я пришел к тебе, я чувствовал себя более или менее независимым. С тех пор как я с тобой, я чувствую себя полностью зависимым от тебя.

Ты — свет в моей жизни. Даже одна мысль, что я могу оставить тебя, повергает меня в панику. Это естественная стадия, которая закончится сама по себе, или со мной что-то не так?

Это естественная стадия, если ты можешь позволить ей пройти. Если ты цепляешься за нее, то что-то идет не так. В духовном росте три стадии — стадии или ступени. Они могут быть разными у разных людей, но их всегда три. Первая стадия — это независимость. Это эгоистичная стадия: вы хотите быть независимыми от всего, а это неправильно, это невозможно, вы не можете быть независимыми. Вы часть необъятного целого, космоса. Как вы можете быть независимыми? Вам приходится зависеть от миллионов вещей — ради миллионов вещей. Вам приходится зависеть от солнца — из-за его света и его энергии; от воздуха, кислорода — чтобы жить; от деревьев — они дают плоды. Как вы можете быть независимыми? Вы не можете. Эта эгоистичная попытка не имеет не одного шанса.

Когда независимость терпит крах, внезапно возникает зависимость; вы двигаетесь к другому полюсу. Вы не знаете, как оказаться в центре, как создать гармонию, вы двигаетесь к другому полюсу. Вы становитесь зависимыми. Тогда вы начинаете бояться, что объект вашей зависимости может исчезнуть — что тогда будет с вами? Появляется паника. Но это уже вторая стадия. Независимость является обманом, зависимость — тоже обман.

Следующую ступень, на которую вы должны подняться, я называю гармонией. Это взаимозависимость, чувство взаимозависимости — вы зависите от целого, и целое зависит от вас.

Мне вспоминается один иудейский мистик, хасид, по имени Зусия, который в каждой молитве говорил

богу: «Я знаю, мой Господь, что завишу от тебя, но ты должен знать, что ты тоже зависишь от меня. Я знаю, что без тебя меня бы не было, но позволь напомнить тебе, что без меня тебя бы тоже не было».

Как бог может существовать без вас? Это невозможно.

Ученые говорят, что все растения зависят от солнца, они не могут жить без солнца. Но ученые уже начинают думать, что идея одностороннего движения где-то ошибочна, поскольку жизнь — это всегда двустороннее движение. Если растения зависят от солнца, солнце тоже должно в чем-то зависеть от растений, потому что мы всегда отдаем и получаем одновременно. Ученые начали задумываться над этим, и рано или поздно они поймут, каким образом солнце зависит от растений.

Все связано со всем остальным. Вы счастливы, когда смотрите на цветок, на розу — ваше счастье порождено розой. Сейчас ученые доказали, что, когда вы счастливы, роза тоже счастлива. Она зависит от вас, она ждет, когда вы придете, и если вы не приходите, она грустит — совсем как возлюбленная. Это не поэзия, это научный факт. Сейчас уже точно доказано, что когда к розовому кусту подходит кто-то любящий его, куст дрожит от волнения, радуется. Он зависит от вас. Говорят, что, если вы любите розовый куст, он будет расти быстрее, на нем распустятся более крупные цветы, потому что вы заботитесь о нем, любите его и присматриваете за ним. И этот человек ждет, когда появятся цветы. Как куст может предать его? На нем должны вырасти крупные цветы. Но если никто не любит его, если сад находится в запустении и никто не заботится о растениях — приходят лишь слуги, которые поливают их, совсем о них не беспокоясь, — тогда для кого стараться, кому нужны эти крупные цветы? Сойдут и мелкие, а можно обойтись и вообще без цветов. Для кого цвести? Розовый куст зависит от вас.

Проходя мимо дерева, поприветствуйте его в своем сердце; посмотрите на него с чувством глубокой заботы и участия. Это ничего не стоит. И помните: если вы сумеете сделать дерево счастливым, дерево сделает счастливым вас. Вы можете попробовать, это просто: вам не нужны для этого научные приборы. Это простой эксперимент. Выберите растение, дерево в вашем саду или где-то в парке. Подходите к этому дереву каждый день, говорите с ним, станьте ему другом.

К дереву трудно войти в доверие, люди настолько плохо обходились с деревьями, что они стали бояться людей. Как только вы подходите к ним, они говорят: «Приближается человек, самое опасное животное на Земле. Он может обидеть безо всякой причины». Никакое животное не делает этого. Если корова голодна, она ест траву, но человек может просто сидеть и рвать траву безо всякой на то причины. Зачем вы рвете траву? Зачем вы ее уничтожаете? Это — желание разрушать, спрятанное внутри ума, разрушительный ум нуждается в разрушении. Вы проходите мимо дерева и срываете ветку, а затем просто выбрасываете ее. Вы что, спите? Если это нужно вам для еды... даже тогда... Традиции всех примитивных обществ, все верования примитивных племен в Мексике, Индии, Таиланде, во многих странах учат: «Иди к дереву. Если тебе что-то нужно, попроси у него». Если вам нужно несколько листьев, пять листьев для вашего ритуала, попросите у дерева и сорвите их настолько аккуратно, насколько возможно. Не надо обижать дерево. После этого дерево будет готово дать вам эти листья и у него не останется чувства обиды. И поблагодарите дерево: «Ты дало мне пять листьев, когда мне они были нужны. Когда тебе понадобится что-то, не стесняйся, спроси у меня».

Подойдите к дереву, поговорите с ним, дотроньтесь до него, обнимите и почувствуйте дерево. Просто сядьте

рядом с деревом, позвольте ему почувствовать вас, понять, что вы хороший человек, что вы не хотите причинить ему вред. Постепенно между вами возникнет дружба, и вы почувствуете, что, когда вы проходите мимо, качество дерева немедленно меняется. Вы почувствуете это. Проходя мимо, вы будете чувствовать движение огромной энергии в коре дерева; оно будет радоваться как ребенок, как возлюбленная, когда вы дотронетесь до него; просто сидя рядом с деревом, вы сможете очень многое пережить. Вы начнете приходить к дереву, когда вам будет грустно, и в присутствии дерева грусть будет исчезать. Только тогда вы поймете, что вы зависите друг от друга — вы можете сделать дерево счастливым, а дерево может сделать счастливыми вас. Все в жизни взаимосвязано. Эту взаимосвязанность я называю божественностью, Лао-цзы называет эту всеобщую взаимосвязанность Дао.

Бог — это не какое-нибудь существо; эта всеобщая взаимосвязанность и есть проявление божественного, Дао, дхарма. Веды называют ее *рит*, закон. Как бы вы не называли ее, взаимосвязанность — это все. И если вы, находясь рядом со мной, сможете узнать, что такое взаимосвязанность, вы узнаете все.

Сначала будет отброшена ваша независимость — это несложно, потому что вы ощущаете независимость как тяжелый груз, а вы всегда рады избавиться от груза. Это несложно. Затем вы становитесь зависимыми. Это для вас гораздо труднее, потому что груз перекладывается на кого-то другого и вы чувствуете легкость и невесомость. И возникает страх: а вдруг этот человек оставит мир, покинет тело — что тогда произойдет? Вы боитесь, вы в панике.

Не цепляйтесь за это. Это только стадия — точно такая же, как и первая. Это противоположный вариант первой стадии. Старайтесь все больше и больше

чувствовать взаимозависимость, взаимосвязанность. Я говорю сейчас с вами. Если бы вас здесь не было, а были бы другие люди, даже если бы был всего лишь один другой человек, я говорил бы иначе. По-другому и быть не может, потому что у меня нет намерения говорить. Во мне просто возникает отклик. Вы создаете ситуацию, вы здесь — и я говорю. Если сегодня кого-то нет, то я говорю не так, как если бы он был. Это неизбежно, потому что его присутствие создало бы другую ситуацию. Я говорю не в вакууме, я говорю для вас. Я говорю не из ума — когда вы говорите из ума, вам все равно, кто вас слушает, у вас просто есть какие-то слова и вы говорите.

У меня был один преподаватель, настоящий философ. Как и все философы, он был настолько сумасшедшим, что никто не хотел посещать его занятия. Этот преподаватель был очень эксцентричен, и никто не мог сдать экзамены по его предмету, потому что он ставил либо сто процентов, либо ноль. Для него не существовало никакой другой возможности — или да, или нет. Он был совершенным последователем Аристотеля. «Либо вы правы, либо нет, — говорил он, — никакой середины». Поэтому студенты его боялись. Но мне он нравился. На него действительно стоило посмотреть, и был только один способ сделать это: прийти к нему на занятия. Так что я был его единственным студентом.

И вот каким был его способ обучения. В первый день он сказал мне: «Помни, я могу начать по звонку, но я не смогу по нему закончить. Поэтому занятия никогда не заканчиваются по звонку. Иногда я говорю только двадцать минут и это все, иногда — два или три часа. Поэтому, если тебе надоест, или станет скучно, или захочется в туалет, или что-то еще, ты мо-

жешь уйти, только не мешай мне. — А я был единственным студентом! — Ты можешь приходить и уходить, но делай это так, чтобы не мешать мне; я буду продолжать».

Я попробовал последовать его совету в первый же день. Мне было интересно, действительно ли он поведет себя именно так? И он действительно вел себя так, как и обещал. Когда я вышел из комнаты, он продолжал говорить, и когда я вернулся, он все еще говорил.

Я провел с ним два года. Иногда я отсутствовал часами, потому что любил поспать. После одиннадцати тридцати мне было трудно не уснуть, поэтому я шел в свою комнату в общежитии и спал там около часа, потом возвращался, а он все говорил и говорил. Он был совершенно сумасшедшим. Он был настоящим философом.

Но я говорю по-другому. Я совсем не философ. Я говорю с вами... это взаимозависимость. Что бы я не говорил, вы отвечаете за это так же, как и я, потому что вы спровоцировали это. Вы и я — это просто два полюса. Что-то возникает между нами — вот что происходит. Когда я говорю, это не значит, что я говорю, а вы слушаете; это мы говорим нам. Мы говорим нам — это и есть взаимозависимость.

Вы говорите через меня, я слушаю через вас — это взаимозависимость.

Независимость ты отбросил, теперь отбрось и зависимость — стань связанным со всем, что есть. Здесь ты просто учишься, поэтому позволь этой связанности распространиться на все существование — почувствуй все эти связи. И ты действительно связан! Такова реальность. Зависимость ложна, независимость ложна, только взаимосвязанность, взаимозависимость истинна, только божественность истинна. Божественность — это взаимосвязанность.

Четвертый вопрос:

*Ошо,
Ты говоришь, что женщины ближе к целому, чем мужчины. Почему же так мало женщин достигло просветления?*

Это не так. Их было ровно столько же, сколько и мужчин, но они не устраивали по этому поводу столько шума, вот и все. Они не рассказывали об этом везде и всюду, как мужчины. Они наслаждались этим. Такова женская сущность.

Мужчины получают больше удовольствия от разговоров о просветлении, чем от просветления как такового. Им интересно, как много людей знает о том, что они стали просветленными. Женщины по этому поводу не беспокоятся. Их это вообще не волнует. Если просветление случилось, то они наслаждаются им, они вскармливают его глубоко внутри. Оно становится беременностью. Они живут с ним; они не говорят о нем. Поэтому ты знаешь всего несколько имен. И ты знаешь имена только тех женщин, которые обладали мужскими качествами, поэтому ты и знаешь о них. Иначе ты не знал бы даже о них.

В Кашмире жила женщина по имени Лалла. Там есть поговорка: «Мы знаем только два имени — Аллах и Лалла». Лалла была редкой женщиной, буддой, но, должно быть, она обладала не только женскими качествами, должно быть, ее ум был больше похож на мужской, чем на женский. Всю жизнь она прожила обнаженной. Это единственная женщина во всем мире, которая сделала такое. Многие мужчины жили обнаженными: Махавира, Диоген, все джайны-титханкары и тысячи других, но из женщин была только одна. Это очень не по-женски, потому что сама сущность жен-

ского ума состоит в том, чтобы прятать, а не выставлять напоказ, — прятать во внутреннюю пещеру.

Лалла известна как просветленная женщина; еще несколько женщин известны как просветленные. Одна женщина, Майтрейи, жила во времена Упанишад, но, должно быть, она тоже относилась к мужскому типу женщин.

Говорят, что король Джанак созвал всех ученых людей своего королевства, чтобы найти ответ на самый главный вопрос: «Что такое реальность?» Дискуссия обещала быть серьезной, и поэтому собрались все ученые люди, все пандиты королевства. И приз тоже ожидался серьезный: тысяча лучших коров страны с рогами, покрытыми золотом, с драгоценностями на шее. Они стояли рядом с дворцом — тысяча коров. Они должны были достаться тому, кто победит в дискуссии.

Пришел и Ягнавалкья — один из самых великих ученых своего времени. В то время он, должно быть, еще не был просветленным мудрецом, он стал им позже. Он пришел вместе со своими учениками — он был великим учителем — и вел себя высокомерно, как и все ученые, и он сказал ученикам:

— Вы должны забрать этих коров. Я все равно найду ответ на вопрос, так что уведите коров — на улице жарко, и коровы страдают.

Он был очень высокомерен — это очевидно. Только невежество так уверено в себе. Мудрость всегда сомневается. Вопрос такой огромной важности: что собой представляет природа реальности? Разве кто-нибудь может ответить на него? Все остальные ученые были обижены, но они молчали, потому что знали, что они не могут победить этого человека в споре. В спорах он был великолепен. Он умел убеждать и одерживать победы.

Но там была женщина, единственная женщина, и она ничего не говорила. Это была Майтрейи. В самом конце дискуссии она встала — дебаты уже почти заканчивались, и Ягнавалкью собирались объявить победителем. Она сказала:

— Подождите. Мне нужно задать несколько вопросов.

И она задала вопросы, на которые так и не были получены ответы.

Она спросила:

— На что опирается Земля? На чем она держится?

Древняя индийская традиция гласит, что земля держится на восьми слонах, больших белых слонах. Поэтому Ягнавалкья повторил слова традиции, что Земля стоит на восьми слонах.

— Ты что, полная невежда? Не знаешь простых вещей? — сказал он.

Женщина задала следующий вопрос:

— А на чем держатся слоны?

Ягнавалкья заподозрил подвох. Он ответил:

— На Боге, на Брахме.

И он думал, что теперь она остановится. Но она продолжала:

— Я хочу спросить, на чем держится Бог?

Ягнавалкья рассердился:

— Остановись, женщина! Или ты лишишься головы. Тебя казнят!

Позже эта женщина достигла просветления. Но, должно быть, она относилась к мужскому типу женщин. Она вступила в спор и даже создала проблемы для Ягнавалкьи. Она оставалась спокойной и не позволила одержать над собой победу — все могли видеть это. Ягнавалкья потерпел поражение. Если бы я судил это состязание, победителем признали бы ее и коровы

доставались бы ей, потому что угрозы — это не аргумент в споре. Это не аргумент. Гнев — это не аргумент, жестокость — это не аргумент; таким способом вы можете заставить человека молчать, но вы не можете победить в споре.

Эта женщина достигла просветления, но она, должно быть, относилась к мужскому типу. Обычно женщин не волнуют подобные споры.

Однажды я спросил Муллу Насреддина:

— Какие у тебя отношения с женой? Я никогда не видел, чтобы вы ссорились.

Он ответил:

— В самом начале мы приняли одно решение и следуем ему, поэтому у нас все очень хорошо.

— Расскажи мне об этом, — попросил я. — Многие приходят ко мне и спрашивают совета, благодаря тебе я мог бы помочь им.

— Это очень простой уговор, — ответил он. — Мы договорились при решении основополагающих, главных вопросов, великих проблем мое слово будет последним. А мелкие, несущественные вопросы будет решать она.

— Это очень мудрое решение, — сказал я. — И какие же вопросы вы считаете мелкими, а какие — великими?

Он ответил:

— Например, какой фильм мы будем смотреть, что будем есть, в какой пойдем ресторан, куда отправим детей учиться — в какой колледж или университет, какое образование они получают, какую одежду нам следует купить, какой дом и какую машину — все это мелкие вопросы. Их решает жена.

Тогда я спросил:

— А какие же вопросы великие?

Он ответил:

— Существует Бог или нет. Я решаю великие вопросы!

Женщин никогда не волнуют великие вопросы, потому что глубоко внутри они знают, что это глупость. Вы можете размышлять о том, существует Бог или нет, и о том, сколько ангелов может танцевать на острие иглы, — такие вопросы вы можете решать.

И Насреддин сказал мне:

— Это соглашение было настолько удачным, что между нами ни разу не возникло ссоры. Я всегда занимаюсь решением великих проблем, а жена — мелких. И все идет хорошо.

Постепенно каждый муж начинает понимать, что он может решать только метафизические проблемы: сверхъестественные, нереальные. Ни одну женщину не интересует сочинение писаний. Они никогда ничего не писали. Но это не означает, что женщины не достигали просветления — просветленных женщин было столько же, сколько и просветленных мужчин. В жизни все соразмерно. Так должно быть, или равновесие будет нарушено. В жизни все всегда соразмерно.

Я хочу сообщить вам кое-что; возможно, это наведет вас на кое-какие мысли. На каждые сто девочек рождается сто пятнадцать мальчиков. И это является проблемой для биологов. Почему так происходит? Всегда — на сто девочек рождается сто пятнадцать мальчиков. Но к моменту достижения брачного возраста пятнадцать мальчиков умирает. Так что пропорция между мальчиками и девочками сохраняется: мальчики слабее, чем девочки, поэтому девочек выживает больше. В природе все находится в равновесии. С

самого начала пятнадцать мальчиков являются запасными, дополнительными, потому что именно столько мальчиков должно умереть. Если бы рождалось только сто мальчиков, то к моменту достижения брачного возраста на сто девушек приходилось бы только восемьдесят пять или восемьдесят юношей. И двадцать девушек оставалось бы без мужей. Это было бы не очень правильно.

Итак, рождается сто пятнадцать мальчиков, но когда подойдет время для вступления в брак, пропорция восстановится. Невозможно понять, как природа устраивает все это, как ей удается сохранять эту пропорцию...

Более того, две мировые войны привели к еще одной проблеме, связанной с очень сильным нарушением этой пропорции. После первой мировой войны, так же как и после других войн, родилось гораздо больше детей, чем когда бы то ни было. Это тоже кое-что значит. В войне погибает очень много людей, и природа немедленно начинает исправлять ситуацию. В работу включаются какие-то таинственные, бессознательные силы. После войны рождаемость резко возрастает. Но это можно объяснить и по-другому — солдаты возвращаются домой, изголодавшимися по сексу, и поэтому они больше занимаются любовью, чем обычно. Это тоже может быть причиной. Но дело не только в этом. Мальчиков рождается гораздо больше, чем девочек, потому что мужчины во время войн умирают, а женщины продолжают жить. Умирают на войне именно мужчины, потому что они являются воинами, и поэтому обычная пропорция сто к ста пятнадцати нарушается. На сто девочек рождается почти триста мальчиков.

Везде и во всем сохраняется неуловимое равновесие. В сущности, для каждой женщины находится мужчина

и для каждого мужчины находится женщина — они являются частичками целого. Когда один мужчина достигает просветления, то же самое должно случиться и с одной женщиной. Один мужчина освобождается от существования, он больше не вернется назад, не войдет в лоно, в этот мир. И где-то одна женщина должна освободиться от рабства. Таково мое видение: просветленными становятся столько же женщин, сколько и мужчин, но женщины не поднимают вокруг этого шумиху. Они просто наслаждаются.

Последний вопрос:

*Ошо,
Ты всегда говоришь: ждите — и увидите. Ждать — это я понимаю. Но что значит смотреть?*

Тебе не надо волноваться об этом. Ты просто жди, а видение придет к тебе. Не нужно беспокоиться об этом. Ожидание даст тебе озарение. Когда я говорю: «Ждите и увидите», я не имею в виду, что вы должны делать и то и другое. Я просто имею в виду, что вы должны ждать и тогда вы начнете видеть. Ждите, и видение придет к вам.

Ожидание приводит к видению. Терпение создает возможность. Абсолютное терпение создает абсолютную возможность видеть. Когда вы напряжены, нетерпеливы, ваши глаза замутнены, покрыты пеленой — они не могут видеть. Когда вы просто ждете в тишине, пелена постепенно рассеивается, потому что она возникает из-за нетерпения. Когда вы терпеливо ждете, она исчезает. Зрение становится ясным, вы можете видеть. Ждите — и увидите. Когда я говорю это, я не имею в виду, что вам нужно и ждать, и смотреть, я имею в виду, что вы должны ждать и тогда вы увидите.

Видение придет само по себе, когда придет время. Вы просто должны ждать. Это понятно?

Если вы можете ждать, значит, вы отбросили ум, стремящийся к достижениям; вы отбросили ум, полный желаний. Только тогда вы можете ждать. Ожидание означает, что вы находитесь здесь и сейчас, вам достаточно этого момента, в нем содержится все — и внезапно ваши глаза становятся ясными. Они больше не замутнены, не покрыты пеленой. Словно пылающее пламя без дыма. И вы видите.

Достаточно на сегодня.

Глава 5

Об
опасности
чрезмерного
успеха

Об опасности чрезмерного успеха Лао-цзы говорит:

Натягивай лук до предела,
И ты пожалеешь, что не остановился вовремя.
Закаляй меч до предела,
И острое затупится быстро.
Когда золото и яшма заполнят твой дом,
Ты не сможешь уберечь их.
Гордясь своим богатством и славой,
Ты сеешь семена собственного падения.
Отдыхай, когда работа сделана.
Таков путь Небес.

Логика доходит до самого предела, жизнь — никогда. Так логика упускает жизнь. У логики есть тенденция к завершению — жизнь никогда не завершается. В жизни нет завершения. Она продолжается и продолжается без какого-либо звершения; в ней нет начала и нет конца, есть только середина, только настоящее, это длящийся процесс. Вот почему логический ум постепенно умирает; так логика ведет себя к собственному краху. Не стремитесь к завершению. Живите, ничего не завершая. Это единственный способ жить, потому

что тогда вы находитесь в середине, а середина — это равновесие.

Жизнь — это равновесие противоположностей, оно никогда не исчезает. Равновесие устанавливается снова и снова, оно вечно. Человек знания никогда не приходит к какому-то ни было завершению, он просто не может. Если в жизни ничего не заканчивается, то как мудрый человек может что-то завершить? Если вы попросите Лао-цзы дать какой-нибудь конечный ответ, он рассмеется. Он скажет, что вы глупы. Он живет, следуя законам жизни, а самый главный признак того, что вы живете, следуя законам жизни, — это равновесие. Никогда не цепляйтесь за одну из противоположностей, за один из полюсов, иначе вы потеряете равновесие.

Я слышал...

Случилось так, что один великий король должен был принять неприятное для него решение. Два его министра совершили преступление, а он их очень любил. Он предпочел бы простить их, но это было против законов страны и могло создать неправильный прецедент. Их необходимо было наказать. А наказанием за это преступление по законам той страны была только смерть. Что же делать?

Осудить их на смерть было бы слишком тяжело для него, поэтому он нашел выход. Он сказал:

— Они заслуживают смерти, но я дам им еще один шанс. Между двумя холмами будет натянут канат. Если они смогут пройти по нему и выжить, я прощу их.

Это было почти невозможно. Это было невозможно, потому что они никогда не ходили по канату, натянутому между двумя холмами над огромной долиной, — повсюду ждала смерть. Хождение по канату — это великое искусство, ему надо учиться. Им и присниться не могло, что они могут стать канатоходцами.

Один из них не мог спать. Всю ночь он просил у Бога помощи. Утром он не смог даже выпить чаю. Он пришел к тому месту, где натянули канат. Там собралась вся столица.

Второй спал, зная, что он все равно не умеет ходить по канату и не сможет ничего предпринять, а значит, почему бы не выспаться? Утром он, как всегда, выпил чаю. Не торопясь, он пришел к назначенному месту. Первый дрожал, как в лихорадке; второй был спокоен, он знал, что обречен на смерть, — а когда это очевидно, то зачем волноваться? Умри молча.

Он вступил на канат, и — чудо из чудес — он пошел!

Никто не мог в это поверить! Даже канатоходцы пришли посмотреть — они не могли в это поверить. Этот путь был сложным даже для них — слишком большое расстояние и слишком велика опасность. Один неверный шаг, незначительный наклон влево или вправо — и ты погиб; чуть-чуть потерял равновесие — и тебя ждет смерть. Но человек шел, и он шел так неторопливо, словно совершал утреннюю прогулку. И он достиг другого холма.

Министр, который должен был идти вторым, дрожал, он весь покрылся испариной.

— Пожалуйста, расскажи, как ты это сделал, — крикнул он, — чтобы я тоже смог пройти!

Тот прокричал в ответ:

— Трудно объяснить, потому что я сам не знаю как. Я знаю только одно — так я ходил всю жизнь. Я не канатоходец, но теперь я знаю, что я это могу, потому что так я жил всю жизнь — сохраняя равновесие, никогда не впадая в крайности. То есть, если я отклонялся влево, я тут же старался наклониться вправо. Я не делал ничего другого. Но это не поможет тебе, потому что этому нельзя научиться так быстро. Если ты живешь так, то это умение проявится само.

Запомните слово «умение», я хочу обратить ваше внимание на него. Религия — это *умение*, а не наука. Иначе религии легко было бы научиться, ее легко можно было бы объяснить. Ее можно было бы свести к теории, в этом нет ничего сложного.

Даже самые серьезные проблемы в науке могут быть разрешены — не сегодня, так завтра они будут разрешены благодаря уму, благодаря интеллектуальным усилиям. И в тот день, когда они будут разрешены, они будут разрешены не только для того, кто их разрешил, но и для всех остальных.

Эйнштейн разрешил загадку принципа относительности. Теперь больше никому не нужно решать эту задачу, она решена для всех. Вам нужно просто понять, вот и все. Вам не нужно прилагать больших усилий, чтобы решить ее. Она решена. Наука — это публичное явление: один человек решает задачу, после этого задача решена для всех; один человек изобретает что-то, это изобретено для всех. Это массовое явление.

В религии могут появиться тысячи Лао-цзы, но ничего так и не будет решено. Вам придется самим узнавать все снова и снова. Это не наука. В науке вы имеете дело с письменными текстами, теориями, но религия — это не писания и теории. Это реальное переживание. Вы не можете сократить ее до теории, она слишком тонка, слишком деликатна для этого. Теория очевидна, в ней все лежит на поверхности; в переживании нет ничего явного, оно почти неуловимо. Может ли канатоходец создать теорию канатной ходьбы, и можно ли, просто поняв теорию... Вы можете отлично понять теорию, вы можете сдать экзамены и получить сто процентов. Но вы не сможете пройти по канату только благодаря тому, что вы поняли теорию. Нет, теория вам не поможет. Хожение по канату — это не наука. И я могу сказать, что это даже

не искусство — в искусстве возможно подражание. Умению подражать невозможно. Искусство — это то, что вы делаете, прикладывая внешние усилия: вы рисуете картину, вы пишете поэму, вы танцуете, вы делаете нечто видимое, чему можно подражать. Даже Пикассо можно подражать.

В религии подражание невозможно; религия — это не что-то внешнее, это то, что внутри. Вы можете подражать Пикассо, Микеланджело, но как можно подражать Лао-цзы? Вы чувствуете, что в нем что-то есть, но это неуловимо. Вы понимаете, что он знает что-то, но вы не можете ухватить это, не можете это постигнуть. Это умение.

Что же такое умение? На своем пути вы делаете очень много всего. Вы проходите через пробы и ошибки, падения и подъемы, вы сбиваетесь с пути и снова возвращаетесь на него — тысячи экспериментов, и в какой-то момент вы овладеваете умением. Умение — это квинтэссенция множества ошибок, заблуждений, попыток и провалов. Что-то растет в вас и однажды это станет знанием, а познав, вы можете забыть об этом, оно навсегда останется с вами. Вам не нужно помнить об этом. Если вам все еще нужно помнить, значит, это еще не умение, это что-то, связанное с умом. Если это умение, оно проникает в кровь, в кости, в костный мозг, в само ваше существо. И тогда вы можете забыть об этом.

Лао-цзы не нужно помнить, как ходить, как жить. Это не наука. Если вы однажды узнали это, вы знаете. Вы можете забыть об этом, вы можете просто выбросить это из своего ума. Но вы будете следовать этому, вы будете следовать, даже не думая об этом. Умение — это ни наука, ни искусство, это пережитый опыт. Это самое великое искусство и самая великая наука — наука жизни и искусство жизни.

Вам нужно идти по жизни — и видеть, почему вы падаете; вам нужно наблюдать за собой — и замечать, почему вы сбиваетесь с пути. А ум будет настаивать на том, чтобы вы двигались к самой крайней точке. Как только вы почувствуете, что теряете равновесие, восстановите его, отступив в противоположную сторону.

Ум всегда или «правый» — он движется направо, и никогда налево; или он «левый» — тогда он движется налево, и никогда направо. И я встречался с довольно странным явлением: иногда ум становится «умеренным» — он придерживается середины, но становится фанатичным относительно середины, так же как другие относительно «направо» или «налево». Но человек с таким умом не находится в середине, потому что человек, который действительно придерживается середины, не может быть фанатиком; только любители крайностей являются фанатиками, они цепляются за что-то одно. А середина — это не положение, это постоянное сохранение равновесия.

Постарайтесь понять. Это самое важное, что Лао-цзы может вам дать. Середина — это не фиксированное состояние, это непрерывное движение. Поэтому вы не можете быть посередине, подобно человеку, который находится справа или слева. Вы не можете зацепиться за середину. Тот, кто хочет придерживаться середины, должен постоянно отклоняться вправо или влево; иногда он выглядит как «левый», а иногда — раз! — и он становится «правым». Он должен двигаться как канатоходец. Только между двумя этими полюсами — постоянно балансируя — он сможет придерживаться середины.

Середина — это живая ситуация; это не фиксированная мертвая позиция, которой вы достигли раз и навсегда, — нет. Вам нужно достигать ее каждое мгновение, снова, и снова, и снова. Понаблюдайте за канатоходцем — это опыт.

В детстве каждый раз, когда я слышал, что где-то поблизости выступает канатоходец — в моей деревне или в соседней, — я бежал посмотреть на него, потому что я чувствовал, что он знает что-то очень-очень важное для жизни.

Что он делает? Он не замирает посередине — иначе он упадет. Он не остается в неподвижности ни единого мгновения. Он динамичен, он постоянно меняет положение, он похож на поток, но этот поток имеет центр равновесия. Иногда канатоходец отклоняется влево, иногда вправо; он очень непредсказуем, он непоследователен. Если вы попросите его стать последовательным, он просто упадет и погибнет. Скажите ему: «Замри в этом положении. Если ты правый, будь правым; если ты левый, будь левым; а если ты выбрал быть посередине, будь посередине. Что ты делаешь? Ты постоянно меняешь положение». И тогда вы просто убьете его. Любое статичное положение убивает. Быть статичным — значит быть мертвым. Быть статичным — значит упускать жизнь. Чтобы оставаться посередине, нужно постоянно двигаться и балансировать. Каждое мгновение жизнь меняется — как вы можете оставаться неподвижными? Каждое мгновение все меняется. Ничто не остается прежним.

Гераклит говорит: «Нельзя войти в одну реку дважды». К тому моменту, когда вы сделаете следующий шаг, река изменится. И не только река изменится, вы изменитесь. Как вы можете войти дважды в одну и ту же реку? Река не остается той же самой, и вы тоже. Неизменность — это иллюзия. Поток — это реальность. Если в этом постоянно меняющемся мире, в этом живом, пульсирующем мире вы пытаетесь оставаться в одной позиции, значит, вы мертвецы, самоубийцы.

Вот почему каждый, кто достиг определенности, кто принял окончательное решение, — мертв. Если кто-то

решил, что он индуист, — он мертв. Если кто-то решил, что он мусульманин, — он мертв. Потому что иногда для сохранения равновесия индуистам нужно что-то взять у мусульман, а мусульманам — у индуистов.

Равновесие — это жизнь. Если кто-то решил, что он коммунист, — он мертв. Чтобы оставаться живыми, даже коммунистам нужно что-то брать у капиталистов, а капиталистам нужно что-то брать у коммунистов. Жизнь не так четко очерчена, как мышление. Мышление линейно, жизнь может свести с ума.

Я слышал одну историю. Ее придумал не даос, но сама история даосская — сознательно или бессознательно, но человек, который придумал ее, сделал ее даосской. Хотя это немецкая история.

В курятнике жил маленький цыпленок — вылитый Будда, ничто в мире его не волновало. Затем вдруг появился человек. Цыпленок испугался и убежал. Когда цыпленок вернулся, человека уже не было, зато появились кукурузные зерна. Он задумался. В его уме возник научный интерес. Откуда взялись эти зерна?

На следующий день человек опять пришел. Цыпленок снова убежал, а потом вернулся назад. Человек ушел, но снова появились зерна. Несомненно, между человеком и зерном была какая-то связь. Но этот «серьезный мыслитель» не спешил делать выводы. Он не хотел создавать теорию второпях. Поэтому он ждал — он был настоящим ученым. Он ждал, и ждал, и ждал, и каждый день повторялось одно и то же.

И постепенно теория созрела в его маленьком уме. Это была теория о причинно-следственной связи между человеком и зерном: как только появлялся человек, так в курятнике оказывались зерна. Он наблюдал это девятьсот девяносто девять раз. Теперь было абсолютно ясно — причинно-следственная связь существует.

Когда появляется человек, появляются и зерна. Человек — это причина, а зерна — следствие.

Девятьсот девяносто девяти раз было вполне достаточно. Он пришел к заключению, что связь точно есть. Он достаточно долго выжидал, экспериментировал, наблюдал — теперь он мог с уверенностью сказать, что именно так все и происходит. Это можно считать законом. Он почувствовал себя очень счастливым и стал дожидаться человека. Человек пришел в тысячный раз.

Цыпленок вышел к человеку поблагодарить его за доброту — и ему открутили голову.

Такова жизнь. В ней нет причинно-следственных отношений. Даже если что-то случилось девятьсот девяносто девять раз, не делайте из этого выводов; тысячный раз может оказаться исключением.

Это не просто история. Сейчас в научных кругах все большее влияние приобретает теория неопределенности. После Гейзенберга* ученые потеряли былую уверенность. Сейчас они считают, что все является неопределенным и любая определенность точна не до конца — абсолютной уверенности в ней нет. Девятьсот девяносто девять раз — совпадение, но затем появляется исключение. Даже в науке нет уверенности. Ей пришлось потерять уверенность, потому что она имеет дело с жизнью. Жизнь нельзя низвести до причинно-следственных связей. Жизнь — это тайна.

Если вы, желая находиться в середине, цепляетесь за нее, вы упускаете суть. В этом таинство жизни. Что-

* Вернер Гейзенберг — немецкий физик, один из создателей квантовой механики. Сформулировал в математическом виде «принцип неопределенности». Согласно этому принципу невозможно точно указать одновременно координаты частицы и ее импульс: чем точнее экспериментатор определит одну из этих характеристик, тем менее точным будет значение другой.

бы оставаться посередине, вам нужно постоянно отклоняться влево и вправо. Только так вы сможете придерживаться середины, поскольку середина — это не фиксированное положение. Середина — это не что-то вне вас. Середина — это нечто внутри вас: равновесие, музыка, гармония.

Лао-цзы говорит: опасайтесь крайностей. Не впадайте в крайности, иначе вы потерпите поражение. В крайней позиции все превращается в свою противоположность.

Если вы любите кого-то и двадцать четыре часа в сутки преследуете своего возлюбленного и, как все влюбленные, впадаете в крайность, то все будет разрушено. Вы сами разрушите свою любовь, потому что она окажется слишком обременительной. Она станет невыносимой.

Вы не можете любить двадцать четыре часа в сутки. Любить двадцать четыре часа в сутки — это все равно что есть двадцать четыре часа в сутки. Любовь — это пища. Не нужно впадать в крайности, иначе пища может стать ядом. Вот так одно превращается в другое — в нечто противоположное. Пища поддерживает вас, но чрезмерная еда превращается в яд, она может убить. Так еда становится ядом, убийцей. Любовь как пища; злоупотребляя любовью, вы ее убиваете. Остается только ненависть. Все, что доводится до крайности, переходит в свою противоположность.

Стараясь добыть как можно больше денег, вы в конечном счете превращаетесь в нищих, остаетесь ни с чем. Вы упускаете жизнь, вы упускаете саму ее суть. Стараясь стать богатыми, вы упускаете те богатства, которые могла бы вам дать жизнь. Стремясь к счастью и достигая предела в своем стремлении, вы становитесь самыми несчастными людьми в мире. Чтобы быть счастливыми, не нужно стремиться к счастью слишком

сильно. Иногда нужно забывать о нем, иногда даже нужно уметь получать удовольствие от несчастья. Чтобы быть счастливыми, иногда нужно уметь наслаждаться несчастьем. Несчастье — это тоже часть жизни, и прекрасная часть. Так поддерживается равновесие. Если вы смеетесь двадцать четыре часа в сутки, смех становится невротическим. Это уже не смех — вы просто сходите с ума. Чтобы смех оставался живым и здоровым, необходимы также и слезы. Вы не можете смеяться двадцать четыре часа в сутки.

Наблюдайте за детьми, потому что они чистейшие существа и отражают действительность абсолютно ясно; они подобны зеркалам. В деревне, если ребенок смеется слишком много, мать говорит ему: «Не смейся слишком много, потом заплачешься». В этих словах есть мудрость. Если ребенок слишком много смеется, он потом обязательно заплачет. Посмотрите: он смеется, смеется, смеется... и внезапно начинает всхлипывать. Смех доходит до предела и превращается в свою противоположность.

Вы не можете быть счастливыми двадцать четыре часа в сутки; несчастье — это отдых от счастья. Вы не можете быть несчастными двадцать четыре часа в сутки; счастье — это отдых от несчастья. Это как хождение по канату. Но человек глуп, потому что он слишком логичен.

Вы живете в этом мире как *грихастхи*, добропорядочные домохозяева. Поэтому все двадцать четыре часа в сутки вы живете мирской жизнью; вы не покидаете мир даже на один час — для медитации, молитвы, уединения, для наслаждения самим собой, — вы не можете забыть о нем. Поэтому когда-нибудь вы им пресытитесь. Это обязательно случится: если вы будете оставаться домохозяевами двадцать четыре часа в сутки и достигнете предела, однажды вам это надоест. Тогда вы все бросите и убежите в Гималаи.

Я заметил: люди, которые убегают в Гималаи, — это превосходные домохозяева. Именно превосходные. Они очень старались и перестарались. И тогда на свет появилась противоположная крайность. Она взяла реванш. Человек, который был слишком сильно увлечен мирскими делами, который просто копил деньги, беспокоился о своем богатстве, о банковском счете, в какой-то момент разочаровался. Он слишком много смеялся, теперь он плачет. Он сбегает. Он отрекается от мира, он становится *саньясином*, уходит в Гималаи, живет в пещере. Что случилось с этим человеком? Вы думаете, это революция? Ничего подобного. Это вполне обычное явление — человек был слишком поглощен миром, теперь он должен впасть в другую крайность. И теперь двадцать четыре часа в сутки он пытается быть саньясином — та же самая глупость. Однажды ему снова придется выйти на рыночную площадь. Двадцать четыре часа в сутки он пытался быть добропорядочным семьянином — и не смог; теперь он совершает ту же глупость — двадцать четыре часа в сутки пытается быть саньясином.

Жизнь подчинена определенному ритму. Вы вдыхаете и выдыхаете. Вы не можете только вдыхать, вдыхать и вдыхать — это приведет к смерти. Вы должны вдыхать и выдыхать, чтобы сохранять баланс. Одинаковое количество воздуха должно входить и выходить — тогда вы будете здоровы. Мирская жизнь — это вдох, а жизнь саньясина — это выдох. Они неразделимы.

Меня спрашивают: «Что за саньясины у тебя? Мы никогда не слышали о таком. Что это за саньясины? Они живут в своих домах, занимаются бизнесом, ходят в офисы, работают на фабриках, имеют жен и детей. Что это за саньясы? Мы никогда не слышали о таком». Да, такого никогда не было. Но это единственно правильная саньяса, только такая саньяса сбалансирована. Только в такой саньясе есть гармония вдоха и выдоха.

А единственная возможность достичь пика блаженства — это полностью привести в гармонию вдох и выдох. Вы не придерживаетесь ни одной из крайностей — и внезапно вы выходите за пределы обеих крайностей.

Лао-цзы говорит:

Натягивай лук до предела,
И ты пожалеешь, что не остановился вовремя.

Потому что лук сломается. «Натягивай лук до предела»... Он мог бы служить тебе очень долго, если бы ты был более бдительным. Никогда не натягивайте лук до предела, потому что предел — это всегда смерть. Жизнь не стремится к совершенству, потому что совершенство тормозит эволюцию. Совершенство — это смерть, несовершенство — это жизнь. Жизнь любит несовершенство. Станьте совершенными, и вы окажетесь ни на что не пригодными — жизнь выбросит вас на помойку, вы ей больше будете не нужны. Оставайтесь несовершенными, и вы будете живыми и энергичными, и жизнь будет поддерживать вас всеми возможными способами. Вот почему совершенство не является целью для Лао-цзы или для меня. Целью является тотальность.

Вы можете быть тотальными, не являясь при этом совершенными, и быть совершенными, не будучи тотальными. Более того, вы можете быть совершенными только в том случае, если вы не тотальны, потому что совершенство всегда выбирает либо правый уклон, либо левый; тогда вы становитесь или совершенным «левым», или совершенным «правым» — или вы выбираете совершенную середину. Но совершенство означает, что вы статичны; совершенство означает, что в вас ничего не меняется; совершенство означает, что вы застыли, вы не течете. И кроме того, совершенство всегда неполно.

Величайшие из людей не были совершенными, они были тотальными. Это означает, что в них есть все — но это не просто сумма всего. Это больше, чем сумма. Эти люди включали в себя все, и из этого возникала гармония, которая превышает всего — всего, что было в них. Они не просто арифметически тотальны, они художественно тотальны. Поэма — это не просто слова, ее составляющие, это нечто большее. Так и должно быть, иначе она будет просто словами. Картина — это не просто краски на холсте. Так и должно быть, иначе — что это за картина?

Однажды один американец захотел заказать свой портрет Пикассо. Он знал, что Пикассо запросит большие деньги за картину, но он мог заплатить, денег у него было достаточно. Поэтому они не договаривались о цене заранее. Когда картина была готова, Пикассо действительно назвал фантастическую сумму. Даже американец не мог поверить, что за такой маленький портрет, за небольшой кусок полотна с небольшим количеством красок на нем он должен заплатить десять тысяч долларов?

— Не кажется ли вам, — сказал американец, — что это слишком дорого? Что здесь такого, что может стоить десять тысяч долларов?

— А что вы видите? — спросил Пикассо.

— Я вижу кусок холста и краски на нем, — ответил американец.

Пикассо сказал:

— Хорошо. Приносите десять тысяч или сколько вы считаете нужным.

Американец решил: «Я дам ему пять тысяч».

Когда он принес пять тысяч, Пикассо протянул ему кусок холста и несколько тюбиков краски и сказал:

— Можете забрать. Это все, что вы хотели.

Портрет — это нечто большее, чем просто кусок холста и набор красок. Портрет — это гармония. То, что создано Пикассо, является великой гармонией. Стоимость его картин определяется не куском холста и количеством красок, а гармонией, которую он придал краскам и холсту, — тем, что выходит за пределы обычных представлений о жизни. Когда человек тотален, в нем есть все: правое, левое, середина и все промежуточные позиции. В нем есть все, вся палитра. Он — радуга. В нем вся палитра цветов, но он больше, чем эта палитра, он — гармония цветов. Гармония — это постоянно меняющийся феномен; вам нужно достигать ее снова, снова и снова. И красота ее состоит в том, что она никогда не стареет, не становится скучной, плоской, банальной. Каждое мгновение она возникает из ниоткуда; в каждый момент она свежа, как утренняя роса. Она неизменно свежа.

Жизнь Лао-цзы — это вечная свежесть, вечная весенняя зелень. Если бы он достиг чего-то, если бы его достижения были вечными, гарантированными — тогда они утратили бы новизну. Тогда они покрылись бы пылью, тогда прошлое приобрело бы над ними власть, и рано или поздно они бы вам наскучили, и вам захотелось бы от них избавиться. Даже просветление, если вы не достигаете его снова и снова, становится скучным явлением. Вы пресытитесь даже им.

Натягивай лук до предела,

И ты пожалеешь, что не остановился вовремя.

Не натягивайте лук до предела. Лучше улыбаться, а не хохотать, потому что от улыбки никогда не появляются слезы — только от громкого смеха. А если вы смеетесь, то старайтесь сохранять равновесие. Не достигайте самой крайней точки. Чувствуйте под собой землю, иначе рано или поздно вы впадете в крайность

и будете страдать. Когда вы счастливы, сдерживайте свое счастье, не стремитесь быть слишком счастливыми. В этом нет необходимости. Не смейтесь громко, когда вы счастливы, а просто улыбайтесь; не говорите о своем счастье, и тогда оно будет продолжаться долго. Если вы усвоите это, счастье останется с вами навсегда.

Улыбка может остаться навсегда, но не смех. Поэтому Будда улыбается, а не смеется. Он овладел искусством сохранения равновесия. Любите, получайте поддержку от любви и давайте поддержку любимому, пребывайте в экстазе, но не сходите с ума. Иначе рано или поздно все закончится. Рано или поздно любовь превратится в ненависть. Влюбленные очень легко могут стать врагами. Более того, как вы можете не стать врагами, если сначала вы были друзьями? И чем глубже была дружба, тем глубже вражда. Вы не можете стать врагами, если сначала между вами не было дружбы. Дружба — это первоначальное условие.

Если вы подошли слишком близко друг к другу, вы породите вражду. Никогда не подходите слишком близко. Всегда сохраняйте небольшую дистанцию. Халил Джебран в своей замечательной книге «Пророк» говорит, что влюбленные подобны колоннам в храме — поддерживающим одну крышу, но стоящим не слишком близко друг к другу. Подобны колоннам... Если они будут стоять слишком близко друг к другу, храм обрушится; если расстояние между ними увеличить, тогда храм тоже обрушится. Они не могут находиться слишком близко и слишком далеко. Влюбленные подобны колоннам храма, поддерживающим одну крышу.

Это искусство, это умение. Если вы хотите, чтобы ваша любовь была вечной, не подходите слишком близко друг к другу, потому что тогда возникает необходимость уйти как можно дальше. Если вы подходите слишком близко, вы ограничиваете свободу другого — а каждый

нуждается в своем собственном пространстве. Любовь прекрасна, когда она сосуществует с вашим пространством; если она покушается на ваше пространство, она становится ядом. А влюбленные всегда ведут себя глупо. Когда они влюблены, они не хотят ни о чем слышать; они стремятся подойти очень близко друг к другу и таким образом разрушают любовь. Если бы они были умнее, они бы не подходили слишком близко друг к другу, и тогда они могли бы остаться рядом друг с другом навсегда.

Оскар Уайльд как-то сказал, что к тому времени, когда человек становится мудрым в любви, его жизнь уже заканчивается. Старики мудры в любви, но возможность любить уже упущена. «Меня всегда удивляло, — говорил он, — почему Бог позволяет молодым людям зря растрачивать юность». Она должна быть отдана старикам, которые мудры, которые уже пожилы, достигли равновесия, — но юность растрачивается впустую молодыми.

Во всем следуйте золотому правилу: всегда сохраняйте равновесие. Человек, в котором отсутствует равновесие, не сможет выжить; жизнь не терпит отсутствия равновесия. Чем более вы уравновешены, тем больше жизнь дает вам; если вы недостаточно уравновешены, вы станете нищими. Жизнь не даст вам ничего.

Натягивай лук до предела,
И ты пожалеешь, что не остановился вовремя.

Несколько дней назад я читал стихи одного немецкого поэта. Во введении он написал: «Знал ли Гитлер слова Лао-цзы: „Натягивай лук до предела, и ты пожалеешь, что не остановился вовремя...“»

Гитлеру сопутствовал успех, но он не читал Лао-цзы. Такие люди, как Гитлер, не читают его.

Натягивай лук...

Сейчас Индира Ганди слишком сильно натянула лук. Не будьте слишком успешны, иначе вы потерпите неудачу. Люди говорят: «Ничто так не разочаровывает, как неудача», но это не так. Я бы сказал по-другому: «Ничто так не обманчиво, как успех».

Если вы все время преуспеваете, проигрыш неминуем. Всему приходит конец. Если вам всегда сопутствует успех, то однажды — раз! — и все выходит из-под контроля. Соблюдайте во всем меру. Если вы преуспеваете, не спешите, не торопитесь дойти до конца, ведь после достижения успеха может быть только провал.

Используйте гомеопатические дозы. Аллопатия хороша, но аллопатические дозы — нет. И будьте бдительны: смотрите за тем, не приближаетесь ли вы к предельной точке? Если вы близки к ней, двигайтесь в противоположную сторону.

Натягивай лук до предела,
И ты пожалеешь, что не остановился вовремя.

Потому что ты сломаешь его.

Закаляй сталь меча до предела,
И острие затупится быстро.

Только равновесие удерживается долго — ничто другое. Но равновесие — это самое трудное, что может быть в существовании, в жизни, потому что нужна огромная мудрость для его сохранения.

Одна история:

Чжуан-цзы, который был последователем Лао-цзы, жил много лет в одном городе. Однажды он вдруг сказал своим ученикам:

— Мы уходим отсюда.

— Но что случилось? — спросили они. — Мы не видим никакой причины для этого. Зачем нам уходить в другой город? Здесь все хорошо, все обустроено, здесь есть все, что нам нужно. На новом месте нам придется начинать все сначала. Зачем?

И Чжуан-цзы сказал:

— Люди начали узнавать меня, моя слава растет. А когда появляется слава, нужно быть очень бдительным, потому что те же люди вскоре начнут порочить меня. Пока этого не произошло, мне следует уйти из города.

Наступает момент, когда слава превращается в беславие, а успех становится неудачей. Нужно постоянно сохранять бдительность, поскольку ум считает, что если вы всегда преуспевали, значит, и дальше будете преуспевать. Ум говорит: «Раз вы добились успеха, почему бы не попробовать еще?» И вы видите, что дорога свободна и никто не преграждает вам путь, — почему бы не попробовать еще? Ум все время беспокоится, ум одержим. Все, чего он добивается, становится его навязчивой идеей. Если он сходит с ума по успеху, если успех является его манией, тогда он будет одержим стремлением к успеху — пока не потерпит неудачу. Он не успокоится, пока не проиграет. Он будет продолжать, продолжать и продолжать.

Постарайтесь понять, что природа ума — это одержимость. Если вы чем-то занимаетесь, ум будет заставлять вас делать это все двадцать четыре часа в сутки, он не даст вам отдохнуть. Он похож на демона — он не позволит вам отдохнуть. А отдых необходим.

Делайте все что угодно, но делайте не слишком много, иначе та же самая энергия уничтожит все сделанное.

Закаляй сталь меча до предела,
И острие затупится быстро.
Когда золото и яшма заполнят твой дом,
Ты не сможешь уберечь их.

Когда всего слишком много, оно обязательно будет отнято.

Однажды случилось вот что:

Последователь Лао-цзы стал судьей. Первое дело, которое он рассматривал, было о воровстве. Вор признался, что он совершил кражу. Все было ясно в этом деле — вор сознался, украденные им вещи были найдены, — но последователь Лао-цзы принял очень странное решение. Он осудил вора на шесть месяцев тюрьмы, но он также осудил и человека, у которого вещи были украдены.

Конечно, богач не мог поверить в это. Неслыханно! Его обокрали, и его же осудили — за что?

Ученик Лао-цзы сказал:

— Ты накопил слишком много богатства. И если посмотреть в самый корень проблемы, выходит, что ты спровоцировал этого человека на кражу. Люди в этой деревне бедные, они почти умирают с голоду, а ты все продолжаешь и продолжаешь накапливать свои богатства. Всему есть предел. Поэтому, если уж говорить о настоящем преступнике, то им являешься ты. Ты во всем виноват. Вор — просто жертва. Я признаю, что он не смог совладать с собой, в этом его ошибка. Но ты накопил слишком много, а когда у одного человека сосредоточено так много богатств, общество не может оставаться порядочным. Будут происходить кражи, ограбления, убийства. Будут происходить всевозможные аморальные вещи — это неминуемо.

Никто не захотел его слушать. Этот судья был смещен со своего поста. Император решил: «Это уж слишком. Этот человек опасен. Когда-нибудь он схватит за руку меня — ведь если он копнет еще глубже, он доберется до меня. Этого человека нужно убрать с этой должности».

Но к Лао-цзы следует прислушаться. Он затрагивает самый нерв проблемы: если вы накопили слишком много всего, это будет украдено, это невозможно уберечь.

Не переходите границы, сохраняйте равновесие. Чрезмерная бедность — это грех, чрезмерное богатство — это тоже грех. Для Лао-цзы сама чрезмерность является грехом. Не делайте чрезмерно много, не слишком усердствуйте — и жизнь станет потоком. И она перестанет быть аморальной.

Гордясь своим богатством и славой,
Ты сеешь семена собственного падения.

Такое случается каждый день, но вы слепы, вы не видите. Такое случается каждый день — везде и всюду. Каждый день вы видите политиков этой страны или любой другой страны — они слишком эгоистичны, они переполнены эго. И тогда возникают определенные реакции. Тогда кто-то швыряет ботинок, кто-то бросает камень, тогда люди перестают уважать их.

Равновесие должно быть сохранено. Если вы чувствуете, что ваше эго стало слишком огромным, значит вы нуждаетесь в том, чтобы кто-то пришел и указал вам на ваше место. Нужен кто-то посторонний, потому что вы не можете контролировать себя. А жизнь всегда стремится к сохранению равновесия, потому что его отсутствие свидетельствует о плачевном состоянии дел. Если в какой-то стране политики слишком эгоистичны

и требуют чрезмерного почтения к себе, то вскоре их перестанут уважать. Возникнет недовольство, начнутся революции, все будет разрушено. Все правила морали, поведения, уважительного отношения друг к другу будут уничтожены.

Политики не должны требовать чрезмерного уважения к себе; им нужно быть поскромнее, оставаться в определенных пределах. Тогда никто, никто не станет утруждать себя и бросать в них камни. Зачем, если нет никаких претензий? В старые времена богатые люди никогда не выставляли напоказ свои богатства, они жили так же, как и все остальные. Даже короли и императоры приходили к нищим, подобным Будде и Махавире, чтобы выразить им свое почтение. Их всегда уважали. Это и есть равновесие. Сейчас равновесие полностью утрачено. Ни один политик не утруждает себя тем, чтобы оказывать уважение кому-либо. Когда он у власти, он поднимается выше всех. Он преступает все пределы, и его сбрасывают с пьедестала. Тогда появляется кто-то другой. Так поддерживается равновесие.

Помните, что жизнь всегда права. Если вам кажется, что она несправедлива к вам, это просто означает, что вы сделали что-то неправильное. Вы где-то нарушили равновесие и поэтому жизнь выглядит несправедливой. На самом деле жизнь всегда справедлива. Если вы чувствуете, что жизнь обошлась с вами несправедливо, тогда вам нужно посмотреть на себя; вы совершили ошибку, и вы наказаны. Люди тысячелетиями думали, что их наказывают за грехи, но я считаю, что за грехи никто никого не наказывает. Сам грех и есть наказание. Когда вы говорите, что будете наказаны за грехи, вы оставляете себе время на ожидание. Возможно, вы будете наказаны в следующей жизни — кого это волнует? В следующей жизни и посмотрим. Вы откладываете расплату на неопределенное время. Но я считаю,

что сам грех и является наказанием; и это наказание не может быть отсрочено.

Грех уже содержит в себе наказание. Наказание присуще любому греху. И оно не может быть отложено на будущее. Посеешь сегодня, пожнешь завтра — нет, это не так. Нет никакого временного промежутка. Вы грешите — и вы уже наказаны. Как только вы согрешили, в тот же момент оказываетесь наказанными: вы понимаете, как вы безобразны, вы чувствуете грусть и вину, внутри вас возникает хаос, суета, и вы так несчастны — вы оказываетесь в аду. Ад, так же как и рай, находится не где-то в будущем. Каждое ваше действие несет в себе рай или ад.

Сохраняя равновесие, вы пребываете в раю; нарушая равновесие, вы создаете ад — никто другой не создает его для вас.

Для Лао-цзы не существует бога, нет никакого бога, который бы кого-нибудь наказывал. Есть только Дао. Дао — это просто закон, вселенский закон. Если вы живете в соответствии с ним, вы счастливы, если вы нарушаете его, вы несчастны. Можно сказать, что счастье и несчастье — это симптомы, признаки того, как вы двигаетесь: в согласии с Дао или в противоречии с Дао.

Когда вы двигаетесь в согласии с Дао, вы счастливы, блаженны, вы празднуете. В каждом мгновении — радость, наслаждение. Жизнь похожа на поэзию. В каждом мгновении вы видите, как что-то расцветает, растет, изменяется; в каждом мгновении так много всего, за что вы чувствуете благодарность. Вы испытываете блаженство.

Жизнь становится благословением, если вы следуете Закону. И этот Закон помогает вам сохранить равновесие. Если вы вступаете в противоречие с Законом, если вы нарушаете его, то вы теряете равновесие. Счастье исчезает; вы становитесь несчастными, груст-

ными, жалкими. Вы попадаете в ад. Ад — это просто симптом. Не пытайтесь сражаться с ним. Просто попробуйте понять, где вы вступили в противоречие с Законом, больше ничего не нужно, — а затем вернитесь назад и восстановите равновесие. Когда вам грустно, не пытайтесь избавиться от грусти. Не пытайтесь ничего делать с ней; грусть — это симптом. Он просто указывает на то, что где-то вы вступили в противоречие с Законом. Восстановите равновесие. Возможно, вам нужно слегка изменить направление. Возможно, вам нужно отклониться чуть-чуть влево или вправо, чтобы почувствовать равновесие. И это нужно делать постоянно.

Люди часто спрашивают меня: «Если мы медитировали и достигли в этом успеха, останутся ли с нами навсегда тишина и покой?» Это глупый вопрос. Ведь тогда медитация была бы мертвой — похожей на камень, а не на цветок. А медитация не похожа на камень, она даже не похожа на пластиковый цветок. Медитация — это живой лотос, который цветет, который меняется, который раскрывается с восходом солнца и закрывается с закатом. Все пребывает в постоянном равновесии, и вы должны находить это равновесие в каждом мгновении. Медитация — это не что-то, что можно сделать раз и навсегда и покончить с этим. Это больше похоже на дыхание, на циркуляцию крови. После того как кровь совершит один цикл, она не перестает течь; после того как вы сделаете один вдох, вы не останавливаете дыхание. Нет, вы должны дышать все время, и ваша медитация должна постоянно продолжаться; каждое мгновение вы нуждаетесь в ней.

Постепенно вы станете естественными, не сомневайтесь в этом. Постепенно вы прекратите вступать в противоречие с Законом. Как только вы обретете мастерство, каждый ваш шаг, противоречащий Закону,

будет приводить вас в ад и вам придется отступать назад. Вы будете возвращаться на путь, вы уже не собьетесь с него.

Гордясь своим богатством и славой,
Ты сеешь семена собственного падения.
Отдыхай, когда работа сделана.
Таков путь Небес.

«Отдыхай, когда работа сделана». Когда ты видишь, что работа дает тебе равновесие, что ты счастлив, не проси о большем; когда тебе хорошо, не проси о большем. Отдыхай, наслаждайся этим. Получай от этого удовольствие. Танцуй с этим. Не проси о большем. Ум всегда просит о большем.

Ум говорит: «Хорошо, я чувствую себя неплохо, но возможно большее. Поэтому сначала я должен достигнуть большего». Так вы упускаете то, что действительно было возможным; вы упускаете то, что уже стало доступным. И если вы будете слушать свой ум, который постоянно хочет все большего и большего, он приведет вас к самому краю, к предельной точке. Неожиданно для самого себя вы окажетесь в аду, вы снова будете жалкими и несчастными.

Чего бы вы ни добились в жизни, пусть ваш критерий будет таким: если вы чувствуете себя хорошо, если вы испытываете блаженство, пребываете в тишине и покое, излучаете радость, если ваша жизнь стала песней настоящего момента — наслаждайтесь этим! Не просите о большем! Довольствуйтесь тем, что есть, выпитывайте это, не просите о большем. Отдыхайте... просто отдыхайте. Не делайте больше никаких усилий — достаточно! Вы достигли чего-то — оставайтесь с этим, наслаждайтесь этим. Проживайте это! И тогда вы увидите: в вашу жизнь входит новое измерение.

Есть два измерения. Одно — горизонтальное: вы хотите все большего, большего и большего. Это горизонтальное измерение. Вы двигаетесь по прямой. Вы находитесь в пункте А и хотите добраться до пункта В. Когда вы оказываетесь в пункте В, вы хотите попасть в пункт С. Вскоре вы достигнете пунктов Х, Y, Z. А в пункте Z начинается ад, пункт Z — это дверь в ад. Но вы не можете остановиться, ум стремится вперед. Ум говорит: «Слушай, ты сейчас в пункте С, а можешь попасть в пункт D, поэтому не трать время на пункт С, иди в пункт D! Оттуда можно будет попасть в пункт E, так что сразу отправляйся в пункт E». Ни мгновения радости, ни мгновения праздника, ни мгновения отдыха и присутствия. Все время что-то делать, все время действовать — и никогда не присутствовать в этом. Ведь присутствие означает, что уже в пункте С можно остановиться и испытать наслаждение. Сегодня вы уже заработали на хлеб — можно и отдохнуть. Но ум говорит: «Что там с сейфом в банке? Он все еще наполовину пуст. Ты должен его заполнить...».

В Индии это называется порочным кругом «девятиности девяти». Есть такая история:

Бедный цирюльник был очень счастлив, чрезвычайно счастлив, как могут быть счастливы только некоторые бедняки. Ему было не о чем беспокоиться. Он был цирюльником короля; он делал королю массаж, стриг его, прислуживал ему каждый день.

Даже король ему завидовал и постоянно спрашивал:

— В чем секрет твоего счастья? Ты всегда такой радостный. Кажется, что ты не ходишь, а просто летаешь. В чем твой секрет?

Бедный цирюльник отвечал:

— Я не знаю. Я даже не знаю, что значит слово «секрет». Что ты имеешь в виду? Я просто счастлив. Я зарабатываю себе на хлеб и это все... А потом я отдыхаю.

Должно быть, он был последователем Лао-цзы.

Тогда король обратился к визирю, своему премьер-министру, — а тот был умным человеком, очень начитанным. Король спросил его:

— Ты должен знать секрет цирюльника. Я великий король, и я не слишком-то счастлив. А этот бедняк, у которого ничего нет, так счастлив.

Премьер-министр ответил:

— Он ничего не знает о порочном круге «девятиности девяти».

Король спросил:

— А что это такое?

Премьер-министр рассмеялся и сказал:

— Ты внутри этого круга, но ничего не знаешь о нем. Мы поступим так. Сегодня вечером мы подбросим кошелек с девятиности девятью рупиями в дом цирюльника и посмотрим, что произойдет.

И они подбросили кошелек с девятиности девятью рупиями в дом цирюльника.

На следующий день цирюльник оказался в аду. Он выглядел очень грустным и озабоченным. Он не спал всю ночь, пересчитывая снова и снова рупии в кошельке. Он был так возбужден — как можно спать в таком состоянии? Сердце сильно билось, кровь пульсировала в венах; должно быть от возбуждения у него повысилось давление. Он ворочался с боку на бок, он не мог заснуть. Он без конца вставал, прикасался к этим золотым рупиям, пересчитывал их... Никогда раньше он этим не занимался, да и число «девятиности девять» не давало ему покоя — потому что, если есть девятиности девять, вы захотите, чтобы было сто. Поэтому он решил во что бы то ни стало заполнить еще одну рупию.

Но заполучить золотую рупию было не так-то просто. Он зарабатывал только несколько пайс* — в те дни этого было достаточно, чтобы прожить. Как стать обладателем рупии? Ему нужно было работать для этого почти целый месяц. Что же делать? Он пытался что-то придумать — бедный человек, ничего не понимавший в деньгах, — но ситуация оказалась для него очень трудной. Он смог придумать только один способ: он будет один день голодать, а один день есть. Так он потихоньку накопит одну рупию. И сто рупий — это будет хорошо... Ум одержим глупой идеей — сумма должна быть круглой. Ум стремится к совершенству. Девятиности девять? Нет, рупий должно быть сто.

Цирюльник выглядел довольно озабоченным. На следующий день, когда он пришел во дворец, он уже не летал в облаках, он ходил по земле... Более того, он не просто ходил по земле, на его шее висел груз — тяжелый, как камень.

Король спросил:

— Что с тобой? Ты выглядишь таким озабоченным.

Цирюльник ничего не ответил, потому что не хотел никому рассказывать о кошельке. Но с каждым днем ему становилось все хуже и хуже. Он не мог делать хороший массаж, у него не было энергии из-за недоедания.

Поэтому король начал беспокоиться:

— Что с тобой? Кажется, у тебя совсем нет энергии. И ты выглядишь таким грустным и несчастным. Что случилось?

И однажды цирюльнику пришлось все рассказать королю, потому что король настаивал:

* Пайса — разменная монета Индии, равная 1/100 рупии. — Примеч. ред.

— Расскажи мне, я смогу тебе помочь. Просто расскажи, что случилось.

И цирюльник признался:

— Я стал жертвой порочного круга «девяносто девяти».

Когда у вас есть девяносто девять рупий, то вы попадаете в порочный круг — вы хотите, чтобы у вас было сто рупий. Это горизонтальное измерение. И не думайте, что когда у вас будет сто рупий, на этом все закончится. Ничего никогда не заканчивается. Ум не знает, где остановиться. Он не желает слышать ни о каких остановках. Поэтому он проигрывает. Он движется без остановок, из пункта А в пункт В, из пункта В в пункт С, он доходит до пункта Z и попадает в ад.

Но есть другое измерение — вертикальное. Вы не двигаетесь из пункта А в пункт В, а из пункта В в пункт С — нет. Вы не двигаетесь по прямой, в одной плоскости, на одном уровне — нет. Вы двигаетесь из А в А1, затем в А2, затем в А3. Вы двигаетесь по вертикали, в глубину. Вы двигаетесь вглубь А. Что бы ни происходило в данный момент, вы двигаетесь вглубь — не от этого момента к следующему, а глубоко в этот самый момент, настолько глубоко, насколько возможно. И тогда даже один момент становится вечностью. Ваше счастье растет, не зная границ. Ваше блаженство растет, не зная границ. И все всегда находится в равновесии. Вы находитесь в равновесии. Вертикальное измерение ума всегда позволяет пребывать в равновесии, потому что вертикальное измерение ума — это уже не ум.

Задача медитации — привести вас к вертикальному измерению ума. Вертикальное измерение ума означает *не-ум*. Вы двигаетесь от А к А1, А2, А3 в глубину или в высоту по вертикали. Когда вы достигаете точки В, вы начинаете двигаться к В1, В2, В3. Вы никогда не вы-

падаете из этого процесса, потому что вы всегда идете вглубь. Это и есть отдых, покой. Сегодня вы заработали на хлеб, теперь можно и отдохнуть.

Но вы не знаете, что такое отдых; вы продолжаете зарабатывать на хлеб даже во сне. Вы ложитесь в постель и начинаете строить планы на завтрашний день, но кто знает, наступит ли завтрашний день. На самом деле он никогда не наступает. Есть только сегодняшний день. Вы планируете будущее, не подозревая о том, что смерть может разрушить все ваше будущее. Оставайтесь в моменте — будьте мудрыми. Живите настолько тотально, насколько возможно, и тогда вы не узнаете, что такое смерть. Человек, который не беспокоится о завтрашнем дне, не знает смерти — он становится бессмертным. Смерть связана с завтрашним днем — жизнь протекает сегодня.

Смерть всегда в будущем, жизнь всегда в настоящем — и в этом смысл отдыха, покоя. Если вы попросите меня истолковать слово «покой», я скажу — это саньяса. Вам нужно уходить на покой не в конце жизни; пребывайте в покое каждый день, каждое мгновение. Если вы наслаждаетесь настоящим моментом — это покой, и в этом покое — саньяса.

Когда вы возвращаетесь из офиса домой, оставьте офис в офисе. Не носите его в своей голове, иначе заработаете головную боль — обязательно заработаете! Целый офис — такой большой — вы несете в своей голове! Это так тяжело! Вы носите в своей голове весь рынок — это так тяжело! Фалибхай работает на бирже, он знает. Вы можете носить весь биржевой рынок в своей голове. Это безумие. Но он не носит его. Он научился отдыхать.

Отдых, покой — каждый день, каждое мгновение... Само слово «покой» вызывает у нас некоторое опасение, мы связываем его со старостью, неспособностью

действовать. Где-то после шестидесяти пяти, когда постепенно приближается смерть, человек уходит на покой. Нет, слово «покой» — прекрасно. В покое смысл саньясы. Покой означает отдых: работа сделана, теперь можно отдохнуть, насладиться покоем. Не откладывайте наслаждение — в этом смысл слова «покой». Наслаждайтесь здесь и сейчас.

Отдыхай, когда работа сделана.
Таков путь Небес.

Это Дао. Никогда не доходите до предела. Выполняя работу, оставайтесь в определенных рамках. Это и есть дисциплина, дисциплина саньясина, — всегда оставаться в середине, всегда оставаться в определенных рамках, всегда быть удовлетворенными и не стремиться ко все большему и большему.

Отбросьте горизонтальное измерение, двигайтесь по вертикали. Пребывайте в покое, и вы будете удовлетворены. Вы познаете самое высшее удовлетворение, которое может вам дать жизнь. Это глубокое переживание абсолютного равновесия, покоя. Мы называем это просветлением, освобождением, мокшей, нирваной — вы можете дать этому свое название.

Достаточно на сегодня.

Дело
не
в смысле

Первый вопрос:

*Ошо,
Ты говоришь, что каждый жест мастера имеет значение и что часто ответ можно получить не из того, что сказано, а из того, что не сказано. Часто, когда ты смотришь на меня, я чувствую, что от тебя исходит послание, но я не знаю, как понять его без использования ума. Но даже если я использую ум, я ни в чем не уверен.*

Не нужно использовать ум. Как только ты начинаешь использовать ум, ты упускаешь смысл. Тишина может быть понята только в тишине; бессловесное послание может быть понята только в молчании. Если ты попытаешься понять его, используя слова, ты упустишь смысл, ты поймешь его неправильно. Подключается твой ум. Ты начнешь интерпретировать. И послание будет искажено, оно изменится.

А если ты спросишь: «Как же тогда быть?» — ты задашь неправильный вопрос. Вопрос «как?» возникает из ума. Не существует вопроса «как?». Оставайся в тишине. Не делай ничего, не пытайся ничего объяснить, ни каким образом не вмешивайся ни во что — просто

позволь посланию проникнуть в твое существо. Возможно, ты не сможешь понять его прямо сейчас, потому что понимание заключено в твоём уме, а послание шире, чем ум. Возможно, ты не будешь точно знать, о чем оно, но это и не нужно. Возможно, ты не сможешь его расшифровать, раскодировать его значение, но в этом нет необходимости. Позволь бессловесному посланию достичь твоего центра, в котором отсутствуют слова. Это глубокий контакт, и в этом контакте весь смысл. Это глубокое проникновение, и в этом проникновении весь смысл.

Ты проходишь мимо розового куста и смотришь на розы. В чем смысл этого? Если ты начнешь думать о розах, подключится ум и розы исчезнут. Ум создаст стену из слов, мыслей, концепций, и ты не сможешь увидеть розы.

Не пытайся найти смысл. Поиски смысла, одержимость смыслом — это болезнь ума. В чем смысл розового куста? Нет никакого смысла. Он цветет без всякого смысла. Ему не нужно никому ничего доказывать. Само его существование является доказательством. Просто позволь ему быть, и сам будь с ним. Позволь розе войти в тебя, позволь ей разлить аромат вокруг и внутри тебя, и внезапно у тебя внутри возникнет какое-то волнение — что-то произойдет. Роза что-то сделает с тобой. Даже и тогда, возможно, ты не узнаешь, что именно сделала роза, но ты почувствуешь себя более счастливым, более блаженным; ты почувствуешь, что соприкоснулся с чем-то неизведанным. Ты почувствуешь, что у тебя появился шанс заглянуть в неизведанное. Ты почувствуешь, что роза стала окном и тебе открылось бескрайнее небо, — в стене твоего ума появилась трещина, через которую проник луч света. Не беспокойся по поводу смысла.

Когда я смотрю на тебя, просто смотри на меня!
Когда я отдаю тебе свое существо, отдай мне свое.

Будь доступен, войди в соприкосновение со мной. Это не общение, это единение. Я не общаюсь при помощи посланий, которые могут быть дешифрованы, декодированы — нет. Я отдаю тебе себя в каждом жесте. Это больше, чем любой смысл, который можно передать, — и ты тоже больше, чем этот смысл. Если контакт произойдет, ты почувствуешь, что границы исчезли. На какое-то мгновение ты исчезнешь. На какое-то мгновение я овладею тобой. И не только я, но и целое — через меня. Поэтому когда я смотрю на тебя, когда я хочу проникнуть в твои глаза, когда я стучусь в твою дверь, в твое сердце — просто открой дверь.

Не ищи смысла. В поисках смысла ты потеряешь смысл — потому что смысл в контакте, в соприкосновении на каком-то глубоком внутреннем уровне.

Второй вопрос:

*Ошо,
В моем уме такая путаница, что я не могу оставаться в середине. Не лучше ли следовать за умом, со всеми его крайностями, чтобы полностью испытать его абсурдность?*

Первая часть вопроса: «В моем уме такая путаница, что я не могу оставаться в середине».

Я не говорю, что ты должен оставаться в середине. Даже если ты будешь пытаться оставаться в середине, ты никогда не сможешь этого сделать. Середина — это точка равновесия; ты не можешь пытаться быть в ней. Ты будешь вынужден отклоняться то влево, то вправо. Не привязывайся к какому-то определенному положению. Будь свободным. И в какой-то момент — между колебаниями то влево, то вправо — нечто неуловимое возникнет в тебе. Это не то, что можно обнаружить

вовне. Если ты смотришь вовне, то там есть левое и правое, там нет середины.

Это похоже на время. Пространство и время связаны друг с другом. Постарайтесь это понять. Если вы посмотрите на часы, вы увидите прошлое и будущее, вы не увидите настоящее. Часы никогда не скажут вам, что такое настоящее — они не могут этого сказать, потому что как только они назовут что-то настоящим, оно уже окажется прошлым. Поэтому стрелки часов всегда движутся из прошлого в будущее; на часах нет настоящего — не может быть. Настоящее не принадлежит времени. Вас учили в школах и университетах, что настоящее является частью времени — это абсурд. Настоящее не принадлежит времени. Вы неоднократно слышали, что существует три времени: прошедшее, настоящее и будущее — это стало обусловленностью вашего ума. Нет. Есть только два времени: прошедшее и будущее.

Тогда где же настоящее? Настоящее внутри вас. Если вы смотрите вовне, то видите прошлое и будущее. Если вы смотрите внутрь, то найдете настоящее, и только настоящее. Там нет прошлого и нет будущего — это невозможно. Когда вы идете внутрь, вы движетесь в бесконечность настоящего; когда вы идете вовне, вы движетесь либо в прошлое, либо в будущее.

И то же самое можно сказать о пространстве. Пространство — это всегда либо «лево», либо «право». Если вы отклоняетесь влево — вы движетесь вовне, если вы отклоняетесь вправо — вы также движетесь вовне. Но если вы достигаете равновесия, вы неожиданно оказываетесь внутри. Середина — внутри вас, она не является частью внешнего пространства. Можно сказать, что середина и настоящее составляют одно целое. Если вы в настоящем, вы в середине; если вы в середине, вы в настоящем. Середина — это не место вне вас. Это внутренний феномен, так же как и настоящее.

Поэтому когда я или Лао-цзы говорим: «Сохраняйте равновесие», мы вовсе не советуем сделать равновесие статичным феноменом. Оно не может быть статичным, вам нужно постоянно поддерживать его, двигаясь то влево, то вправо. В процессе движения вы иногда проходите через сокровенное место внутри своего существа, и в какой-то момент вы оказываетесь в середине. И внезапно происходит взрыв, направленный внутрь — не наружу. Что-то взрывается внутри вас, и вы перестаете быть прежними. Каждый раз, когда вы попадаете в середину, вы меняетесь — становитесь более живыми, более невинными, более чистыми и святыми. В этот момент внутри вас нет темноты, нет греха, нет вины. Как только вы достигаете равновесия, вы наполняетесь божественным, святостью. Но вы не можете обрести равновесие раз и навсегда — нет. Жизнь — это постоянный поиск равновесия, это непрерывный процесс. Равновесие — это не вещь, которую вы однажды купили и теперь она навсегда стала частью вашего дома. Нет. И если вы этого не осознаете, вы будете снова и снова его терять.

Это была первая часть вопроса. Середина — это не фиксированная точка вовне. Ты можешь оказываться в середине, находясь в любой точке, или пытаться каждое мгновение достигать равновесия между двумя противоположностями — ненавистью и любовью, гневом и состраданием.

Продолжай балансировать между противоположностями. И в какой-то момент ты почувствуешь, что к тебе пришло умение. Это случается где-то между ненавистью и любовью. Я говорю «где-то», потому что эту точку нельзя определить; это настолько живое явление, что точное место невозможно указать. Это похоже на бабочку, порхающую в саду, — если вы поймаете ее и проколете булавкой, она умрет. Вы можете посадить

ее на булавку, но это уже будет не бабочка — жизнь оставит ее.

Внутреннее равновесие похоже на бабочку, вы не можете приколоть его булавкой. Оно неуловимо. Вот почему Лао-цзы говорит: «Дао, которое можно выразить словами, не является Дао». Истина, которая изречена, становится ложью. Индийские писания гласят, что «это» не может быть познано через изучение священных текстов. *Найям атма правачанен лабья*. Вы не можете понять «это» при помощи слов. «Это» неуловимо, потому что оно очень живое. В тот самый момент, когда вы приближаетесь к бабочке, она улетает. Просто понаблюдайте за этим, прогуливаясь по саду. Вы подходите все ближе и ближе, и бабочка делает взмах крыльями. Когда вы уже готовы схватить ее, она перелетает на другой цветок. Вы не можете посадить бабочку на булавку. А если вы сделаете это, она умрет.

Я только вчера читал одного западного поэта, обладающего большой пронизательностью, — Уалласа Стивенса. В одной из своих максим он говорит, что Аристотель — это скелет. Мне понравилось это высказывание. Логика — это скелет. Логика мертва. Она никак не связана с жизнью. То, что зафиксировано, всегда мертво. Вот почему я называю брак «бабочкой, посаженной на булавку»; любовь — это живое явление.

Вы можете дать определение браку, но вы не можете дать определение любви. Даже суд может решить, что является браком, а что им не является, но никто не сможет определить, что такое любовь. Брак основан на законе; любовь превосходит любой закон — феномен любви заключает в себе нечто непостижимое.

Внутреннее равновесие нельзя «наколоть на булавку», вы должны научиться сохранять его. И вы можете научиться этому — ведь если я смог, то почему вы не сможете? Если Лао-цзы смог, то почему вы не сможете?

те? Если кто-то смог обрести внутреннее равновесие, спокойствие, внутренний тихий, едва различимый голос, внутреннее умение, которое превосходит всякое понимание, тогда и любой другой человек способен это сделать. В Лао-цзы — твое будущее, твой шанс. Ты сможешь сделать то же, что и он.

Ты говоришь: «В моем уме такая путаница, что я не могу оставаться в середине».

Не пытайся оставаться в середине, забудь о середине. Просто старайся не терять равновесие. Двигайся то влево, то вправо, но всегда оставайся бдительным и тогда ты сможешь удерживать равновесие.

Вы постоянно находитесь в движении — нужно только сделать его осознанным. Только что вы были счастливы, в следующий момент вы становитесь несчастными. Вы впадаете в противоположную крайность. Но вы должны были пройти через середину. Как вы можете достигнуть противоположной точки, не пройдя через середину? Возможно, вы находились в ней всего лишь долю секунды, но это не важно; вы прошли через середину. Если бы вы были чуть-чуть бдительнее, вы смогли бы заметить это. В какой-то момент вы пребываете в тишине, но проходит всего одна минута — и ум начинает болтать. Вы только что прошли через середину.

Когда человек умирает, он переходит из состояния, когда он еще жив, в состояние, когда он уже мертв. Если бы он был бдителен, он бы обнаружил середину, которая находится за пределами жизни и смерти, которая бессмертна. Но он небдителен. Вы умирали много раз; миллионы раз вы проходили через середину, но вы не замечали этого, потому что вы небдительны. Каждый день вы проходите через середину много раз, тысячи раз — сострадание и гнев, хорошее настроение и плохое; утром вы чувствуете себя такими благостными... Посмотрите на людей, которые молятся на берегу Ганга или в храме —

посмотрите на их лица, они так прекрасны. Самые уродливые лица становятся прекрасными во время молитвы. А потом посмотрите на тех же самых людей на рынке — там даже самые прекрасные лица выглядят уродливо. Эти люди в какой-то момент должны были пройти через середину — но где-то между храмом и рынком они упустили ее, потому что они неосознанны.

Так что же делать? Не пытайся быть в середине. Я не имею в виду, что ты должен почувствовать одновременно немного гнева и немного сострадания — нет. Я не имею в виду, что ты должен постоянно стремиться оставаться в середине, — ты сойдешь с ума. Я имею в виду другое: двигайся от одной крайней точки к другой, но оставайся при этом настолько бдительным, чтобы суметь обнаружить середину внутри себя. В тот момент, когда ты обнаружишь середину, ты впервые станешь хозяином своей жизни. До этого момента ты будешь просто рабом. Ты впервые проснешься — пока что ты крепко спишь.

А теперь вторая часть вопроса: «Не лучше ли следовать за умом, со всеми его крайностями, чтобы полностью испытать его абсурдность?»

Никому еще не удавалось испытать всю абсурдность ума. Она безгранична, ты не сможешь испытать ее полностью. Ум очень изобретателен, он создает все новые и новые абсурдные ситуации. Ты так давно находишься в этом мире и тем не менее ты не испытал всю абсурдность ума. Ты не первый раз на планете Земля, ты бывал здесь раньше. Я могу видеть ваши прежние лица, скрытые под новой кожей. Вы все очень древние люди.

Во времена Будды в Индии жил один учитель, его звали Пракрудха Катъяяна. Он был редким учителем. Он всегда обращался к своим ученикам так, как будто они очень древние. Даже когда к нему приходил ребенок, он говорил: «Здравствуй, старец!» Потому что все

вы очень старые, старше, чем планета Земля. Земля на самом деле не очень старая, наоборот, она очень юная. Вы старше, чем Земля, вы жили на других планетах. Вы старше, чем Солнце. Вы такие же древние, как и само существование, иначе и быть не может — вы не могли возникнуть из ниоткуда. Как бы вы могли возникнуть из ниоткуда? Вы всегда были здесь.

Один из самых известных американских психологов Уильям Джеймс написал книгу, которая стала очень важной вехой в истории психологии и религии. Книга называется «Многообразие религиозного опыта». Уильям Джеймс путешествовал по всему миру, собирая материал для этой книги. С тех пор о религии было написано много, но эта книга по-прежнему считается самой лучшей. Джеймс вложил в нее все свои силы. Он побывал и в Индии — если вы пишете книгу о религии, то без посещения Индии не обойтись.

Он приехал в Индию и отправился в Гималаи встретиться с одним мудрецом. Он не называет его имени. На самом деле у мудрецов нет имен; они им не нужны. Он встретился с мудрецом и задал ему один вопрос. Он читал в индийских священных книгах, что Земля держится на восьми белых слонах.

Эта информация сильно озадачила Уильяма Джеймса — он был логиком, — и он спросил у мудреца:

— А на чем стоят эти восемь слонов?

Мудрец ответил:

— На других восьми белых слонах большего размера.

— Но это не решение вопроса, — возразил Уильям Джеймс. — На чем стоят эти другие слоны?

Мудрец засмеялся и ответил:

— Ты можешь спрашивать сколько угодно, но я буду отвечать одно и то же — слоны на слонах, слоны на слонах и так до самого основания.

Уильям Джеймс решил, что он должен задать еще один вопрос:

— А на чем держится основание?

Мудрец ответил:

— Конечно, на восьми белых слонах.

Это продолжается и продолжается — и, конечно, так оно и должно быть. Если ты оглянешься назад, ты увидишь себя в прошлом снова, снова и снова. Иначе вы не смогли бы оказаться здесь. Вы опираетесь на свою прошлую жизнь, вот почему вы здесь. А ваша прошлая жизнь поддерживается другой прошлой жизнью — вот как вы оказались в предыдущей жизни. И это продолжается и продолжается, и вы не можете узнать: «Каким образом я появился в первый раз?» Вы никогда не приходили сюда в первый раз, потому что вы были здесь даже до этого. Даже до самого первого раза вас поддерживала предыдущая жизнь — слоны на слонах, слоны на слонах. Индусы действительно великолепны. Они придумывают абсурдные истории, но в них есть глубокий смысл. Вы здесь потому, что все это прошлое — не ваше прошлое, а прошлое всего существования — поддерживает вас. Вы являетесь всем этим прошлым и, тем не менее, не способны исчерпать до конца абсурдность ума. Неужели вы думаете, что это возможно — исчерпать всю абсурдность ума? Нет, вы не способны на это. Если вы станете осознанными, вам будет достаточно даже одного дня. Если вы неосознанны, то и миллиона жизней не хватит. Если вы станете осознанными, то даже одного момента будет достаточно, чтобы увидеть всю абсурдность ума. А если вы спите и храпите, то так и будете продолжать спать и храпеть. И тогда, какими вы были в прошлом, такими же останетесь и в будущем.

Нет, если вы спите, вы никогда не исчерпаете абсурдность ума. И не надейтесь — это невозможно.

Вы не сможете этого сделать. Это безнадежное занятие. Пора становиться бдительными. Время пришло; поспешите, вы можете опоздать. Станьте бдительными, и тогда вы поймете, что абсурдность нельзя исчерпать просто так, она может быть исчерпана только в том случае, если ваше переживание ее осознанно. Но если оно не осознанно, вы никогда не исчерпаете абсурдность своего ума.

Вы любите женщину, но взаимоотношения утрачивают новизну и все идет не так. И вы начинаете подумывать о другой женщине. Ум говорит: «Эта женщина тебе не подходит, но где-то есть совершенная женщина. Ты пойман на удочку не той женщиной, в этом проблема». Дело не в женщине, запомните. Если вы бдительны, вы увидите, что проблема возникает не из-за женщины, а из-за желаний. Но ум говорит: «Оставь эту женщину, разведись, иди к другой». А с другой женщиной происходит то же самое — и ум опять говорит: «Найди другую». И так все время. Ум всегда будет надеяться, что однажды появится та женщина, которая полностью вам подойдет и вы окажетесь в раю.

Этого никогда не случилось и никогда не случится. Иначе не было бы необходимости в религии, йоге, Дао. Постепенно все пришли бы к совершенной жизни — но этого не происходит. Однако надежда всегда берет верх над опытом, и вы до самого конца продолжаете надеяться, что когда-нибудь все будет хорошо.

Надежда — это основа любого абсурда; природа жизни такова, что пока ваш ум спит и пребывает в невежестве, надежды нет. Станьте бдительными.

Вот что случилось однажды...

Александр Македонский направлялся в Индию. По пути он встретился с Диогеном. Диоген был необычным человеком — если бы он встретился с Лао-цзы, они бы

сели рядом и смеялись без остановки. Они были во многом похожи.

Александр узнал, что Диоген находится неподалеку, и захотел увидеться с ним. Диоген произвел впечатление даже на Александра, даже Александр чувствовал свое ничтожество рядом с Диогеном. У Диогена не было ничего, он жил обнаженным, но он обладал таким магнетизмом, такой притягательностью, что произвел на Александра огромное впечатление. Никто раньше не производил на него такого сильного впечатления.

Александр попросил Диогена поделиться этой тайной:

— Как ты можешь обладать такой силой, не имея ничего? Я — победитель мира, я завоевал почти весь мир. Осталось совсем немного, скоро этому придет конец. А ты — нагой, нищий. В чем секрет твоего счастья?

Говорят, что Диоген ответил:

— Я отказался от всяких надежд. В этом секрет. И тебе я советую тоже оставить все надежды, иначе ты всегда будешь страдать.

Тогда Александр сказал:

— Я пришел узнать про твой секрет, но сейчас не время. Меня ждут дела, я уже завоевал половину мира, даже больше половины, но я должен покорить оставшуюся часть. Когда я стану покорителем всего мира, я вернусь.

— Никто и никогда не становился покорителем мира, — сказал Диоген. — Всегда остается что-то, что еще можно завоевать. Мечты никогда не сбываются, а желания никогда не исполняются. Если ты действительно понимаешь меня и если ты действительно видишь, что я счастлив — не обременяя себя завоеванием мира, — ты тоже сможешь стать счастливым без всего этого.

Логически, умом, Александр понимал это. Но он сказал:

— Я приду позже. Сейчас не время.

Когда он уходил, Диоген сказал:

— Помни, ты умрешь прежде, чем завоюешь мир; все умирали, и ты не будешь исключением.

Так и случилось. Александр не вернулся домой. Он умер, возвращаясь из Индии. Должно быть, он вспоминал Диогена, этого нагого философа, в последние мгновения своей жизни.

И есть еще одна история; я не могу поручиться за ее правдивость. Согласно этой истории Диоген умер в тот же день, что и Александр. И они встретились по пути в мир иной, переправляясь через реку, которая разделяет два мира. Они встретились в реке. Диоген громко рассмеялся.

— Ну что, глупец, ты помнишь, что я тебе говорил? Ты умер. Умер, не успев завоевать весь мир!

Александр, чтобы не ударить лицом в грязь, тоже хотел засмеяться, но не смог. Тогда он сказал:

— Да, это странно, что в этой реке встретились император и нагой нищий. Этого не случалось никогда раньше и, возможно, не случится в будущем.

Диоген засмеялся еще громче.

— Ты прав, но ты не понимаешь, кто император, а кто раб. Ты не знаешь, кто на самом деле император, а кто — нищий. Здесь ты ошибаешься. Ты прав в том, что встретились император и нищий, но император — я, а ты — нищий. Ты выпрашивал для себя целый мир — ты самый великий попрошайка из всех существующих. И посмотри, что случилось с твоей империей... А я жил, как император.

В тот момент Александр тоже был обнажен — всю одежду ему пришлось оставить на берегу, — и поэто-

му он был очень смущен и растерян. Зато Диоген не чувствовал никакого стеснения. Он сказал:

— Зная, что однажды придется обнажиться, я выбросил свою одежду. Посмотри, как ты растерян сейчас перед лицом Бога. Я предстаю перед ним смеющимся, а ты чувствуешь себя виноватым и сконфуженным. Все происходит не так, как ты ожидал.

Нет возможности исчерпать абсурдность ума. Даже Александр не смог сделать этого. Если вы хотите избавиться от нее, вы должны стать осознанными. Когда вы осознаны, вы воспринимаете абсурдность как абсурдность. И когда вы воспринимаете абсурдность как абсурдность, вы просто останавливаетесь. Вы просто перестаете быть абсурдными. Не нужно ничего отвергать — нужно просто быть осознанными, и все бесполезное, не имеющее смысла, отпадет само собой, когда придет время.

Третий вопрос:

Ошо,

Любая религия вырождается и превращается в институт морали. Ты восхваляешь Лао-цзы за то, что из его учения не могло возникнуть никакой религии. Твои идеи вдохновляют всех тех, кто тебя любит. Не грозит ли им подобное вырождение? Как избежать этого?

Если ты начнешь избегать, это будет означать, что процесс уже начался. Не беспокойся об этом. Если это случится, то это случится; если этого не случится, то этого не случится. Не беспокойся об этом. Если ты думаешь о том, как избежать этого, значит, ты допускаешь, что

это может произойти. Твое эго беспокоится об этом — оно и поможет начать процесс.

Будда сделал все возможное, чтобы его религия осталась живой, а не превратилась в мертвую организацию. Он сделал все возможное — и проиграл. Чем сильнее он старался, тем большее число людей пыталось создать организацию вокруг него.

Кришнамурти старается изо всех сил — и он проигрывает, потому что таков закон. Зачем так стараться? Должно быть, глубоко внутри есть страх, что это случится. И даже если Кришнамурти считает, что это случится, то это действительно случится. Я много раз говорил вам о законе обратного эффекта. Это очень глубокий психологический закон: делайте что-то и получите прямо противоположное. В этом все учение Лао-цзы. Он говорит: беспокойтесь о порядке, и вы получите беспорядок. Попробуйте заставить людей следовать морали, и они станут аморальными. Попробуйте сделать людей хорошими, и они станут плохими.

Вы все знаете, что именно так все и происходит. Попробуйте сделать из ребенка праведника, и это спровоцирует его первый бунт против вас. Он восстанет против вас: он будет делать прямо противоположное тому, чего вы от него добиваетесь. Этого не могло произойти с Лао-цзы, потому что он никогда не беспокоился об этом. Если это произойдет — пожалуйста! Что вы можете сделать?

Когда я уйду, я уйду. Что бы ни произошло потом, это уже не моя забота. Так что не беспокойтесь. Если это произойдет, значит, оно должно было произойти. Если этого не произойдет — хорошо; если это произойдет — тоже хорошо. Кто мы такие, чтобы быть ответственными за будущее? Нет, мы не можем отвечать за него. Просто отбросьте эту идею. Не волнуйтесь. Пол-

ностью отбросьте эту идею и не волнуйтесь; не стремитесь к этому и не старайтесь избегать этого. Пока я здесь, празднуйте со мной, радуйтесь со мной. Позвольте мне помочь вам, разрешите мне это — вот и все. Когда я уйду, и когда вы уйдете — что бы ни произошло... Как мы можем принимать какие-то решения и почему мы должны беспокоиться об этом? Пока вы здесь, вы должны использовать эту возможность, эту дверь, что открылась перед вами, этот путь, который стал реальным для вас, — встаньте на него, идите по нему. Создадут люди потом организацию или нет — зависит от них. А сейчас ничего не может быть сделано.

Помните: никогда не создавайте никаких беспокойств, потому что беспокойство создаст обратный эффект. Понаблюдайте за этим. Если вы едете на поезде, посмотрите вокруг. Вы всегда можете увидеть, кто едет без билета, потому что безбилетник постоянно беспокоится, не зайдет ли контролер, — это закон обратного эффекта. Безбилетник выглядит испуганным, обеспокоенным. Как только кто-то заходит в купе, он вздрагивает. Вы легко можете понять, у кого нет билета, — этот человек сам выдает себя.

А иногда случается так, что вы купили билет, а он выпал из кармана и вы этого не заметили. Вы не знаете, что у вас нет билета. Вы занимаете свое место и сидите, как ни в чем не бывало. И никто не будет вас осуждать, никто не будет вас разоблачать; даже контролер к вам не подойдет. Это просто удивительно: когда билет есть, никто не проверяет его, а когда его нет, контролер обязательно его спросит — потому что ему знакома эта закономерность: всегда можно определить, кто тут правонарушитель. В этом нет ничего сложного. Человек без билета не может вести себя естественно, он создает необычные вибрации вокруг себя. Контролер сразу заметит его.

Не беспокойся. Ты здесь. То, что происходит сейчас, это очень живое явление, это вибрирует, говорит с тобой, проникает в тебя, помогает тебе. Просто наслаждайся этим. И если ты наслаждаешься этим, ты сам становишься светом внутри себя — и другие начнут наслаждаться твоим присутствием.

Живая религия остается живой до тех пор, пока в ней есть осознанные, просветленные люди. Если ты становишься осознанным рядом со мной, ты можешь помочь другим стать осознанными — это цепная реакция. Как только осознанность исчезает, цепь разрывается; возникает промежуток, в котором никто не может быть бдительным, никто не может стать пробужденным — тогда религия умирает. Тогда она становится сектой — индуизмом, исламом, джайнизмом. Тогда она становится церковью, ритуалами, пустыми жестами.

Но с этим ничего не поделаешь. Хотя кое-что сделать можно. Нужно перестать беспокоиться, потому что ты только зря тратишь время, думая об этом. Просто живи во мне и позволь мне жить в тебе. И вскоре ты будешь способен... твоя горящая свеча зажжет другие свечи. Создай цепь, и все случится само собой.

И не думай о завтрашнем дне. Не беспокойся о будущем. Существует только настоящее.

Четвертый вопрос:

Ошо,

Ты говоришь, что «Я» — это пустота. Рядом с тобой я начал чувствовать свой центр. Как центр может существовать в пустоте?

Он существует. Я не могу объяснить тебе, как и почему, это просто факт. Это как научное утверждение, что H_2O — это вода. Две части водорода и одна часть

кислорода, или два атома водорода и один атом кислорода, — эта комбинация создает воду. Вы не можете узнать, почему. Почему не три части водорода и одна часть кислорода? Почему не четыре части водорода и одна часть кислорода? Почему H_2O , почему не наоборот? Ученые пожмут плечами, они скажут: «Мы не знаем, просто это так».

Да, ваша внутренняя суть — это пустота, и тем не менее центр существует. Вы видели когда-нибудь циклон? Летом в Индии бывают циклоны, смерчи. Посмотрите на то место, где прошел смерч: по окружности каждая пылинка оказалась им затронута, но в самом центре все осталось целым и невредимым. Даже в смерче есть центр, даже в циклоне есть центр, даже в пустоте есть центр. Так устроена жизнь, это факт существования — и нет вопроса о том, как это получается.

Маленький мальчик, гуляя в саду с Лоуренсом*, неожиданно спросил:

— Почему деревья зеленые?

Лоуренс ответил:

— Они зеленые, потому что они зеленые.

Об этом больше нечего сказать. Все объяснения бесполезны. Вы можете найти какой-нибудь другой ответ, но тогда снова возникнет тот же самый вопрос: «Почему?» Это кажется абсурдным, что центр существует в пустоте — это нелогично, это иррационально. Но жизнь иррациональна. Вы должны принимать жизнь — но невозможно заставить жизнь принять вашу логику и ваш здравый смысл.

Такое каждый день происходит в науке. Когда Эйнштейн впервые сказал, что все относительно, даже

* Д. Г. Лоуренс (1885—1930) — известный английский писатель. — *Примеч. ред.*

время относительно, весь научный мир был взбудоражен. Задавались вопросы: «Почему? Каким образом?» Самое абсурдное из того, о чем говорил Эйнштейн, было следующее. Если путешественник отправится в космос на корабле, который движется быстрее, чем свет — а скорость света составляет триста тысяч километров в секунду, — или хотя бы со скоростью, равной скорости света, и если он вернется назад через двадцать пять лет, его возраст останется тем же самым. Если он улетит двадцатипятилетним, то и вернется двадцатипятилетним. Его друзьям здесь, на Земле, будет по пятьдесят лет, а он останется в том же возрасте. Это абсурд. Люди стали спрашивать: «Где же логика?» Но Эйнштейн сказал: «Я не знаю, но все именно так и будет».

При такой огромной скорости процесс старения останавливается. Это такой же факт, как испарение воды при ста градусах, — и это всегда так. На такой скорости процесс старения останавливается; вы не меняетесь. И самое абсурдное заключается в том, что, если бы скорость можно было удвоить, вы бы вернулись более молодыми, чем вы были тогда, когда улетели. Если бы вы улетели двадцатилетними и вернулись через десять лет, вам было бы всего десять лет. Вы переместились бы назад во времени — потому что, как говорил Эйнштейн, процесс старения зависит от скорости, от скорости Земли. Земля движется с определенной скоростью, и от этой скорости зависит процесс вашего старения. Невозможно поверить! Это противоречит любой логике!

Сейчас физики проникли внутрь материи и обнаружили, что никакой материи не существует. Поэтому они пришли к заключению, что материя состоит из пустоты; им пришлось признать, что материя — это плотная пустота. Это выглядит нелогичным. Как пустота может быть плотной? Как эта колонна может состоять из

плотной пустоты? Но физики говорят, что это так. Природа и существование не следуют нашей логике. У них свои пути, и мы не можем навязать им свою логику; наша логика должна придерживаться их путей.

То же самое можно сказать и о нашем внутреннем пространстве. Конечно, логика говорит: как пустота может иметь центр? Логически это невозможно. Когда я впервые попал в центр, у меня возник тот же вопрос: «Как пустота может иметь центр?»

Чтобы возник центр, должно быть что-то еще — и это так, но это не имеет отношения к логике. Прими это как факт и не создавай никаких логических проблем в уме, потому что это не поможет. Жизнь нелогична. Ты находишься здесь. Ты можешь с помощью логики объяснить, почему ты здесь? И если бы тебя здесь не было, ты мог бы сказать, почему тебя здесь нет? Все просто случается. Нечего утверждать, не о чем рассуждать, нечего проецировать, не о чем спрашивать. Если ты в процессе своего роста осознаешь, что все просто случается, то появляется глубокое принятие. Тогда ты можешь принять даже то, что нелогично. Ты не сражаешься, ты плывешь. Тебе даже не нужно плыть — ты просто находишься в состоянии позволения.

И постепенно тебе открывается все больше и больше тайн. Вот почему религия говорит, что жизнь — это тайна, а не проблема. Проблему можно разрешить; тайну разгадать нельзя. Чем больше вы ее приоткрываете, тем более загадочной она становится. Чем больше вы узнаете, тем сильнее чувствуете, что должны узнать еще больше. Чем ближе вы подходите к тайне, тем сильнее чувствуете, насколько вы от нее далеки.

Упанишады говорят, что бог и близко и далеко. Почему? Потому что чем ближе вы к нему подходите, тем сильнее чувствуете, насколько он далек. Вы почти

дотрагиваетесь до него — и вы чувствуете, что он далеко. Вы уже почти проникли в него, уже почти вошли в его сердце, но тайна так и осталась неразгаданной. Наоборот, тайна стала еще более непостижимой. И в этом ее красота. Только подумай о мире, в котором все тайны были бы разгаданы, — как скучно было бы жить в нем! Только подумай о мире, который абсолютно логичен, рационален, математичен, — каким бы скучным и монотонным он был! В нем не было бы места поэзии, в нем не было бы места романтике, в нем не было бы места любви, в нем совсем не было бы места медитации.

Медитация — это дверь в тайну; любовь — это стук в ту же самую дверь. Молитва также создает возможность для возникновения тайны. И не прибегайте к помощи ума, чтобы победить ее.

Все прекрасно, потому что все является тайной, и вы никогда не доберетесь до дна этой тайны. Анализируйте, если вам хочется анализировать, но любой анализ создаст еще больше вопросов, больше загадок; ответ, окончательный ответ, не может быть найден. И это хорошо, что он не может быть найден. Если бы его можно было найти, то что потом? Тогда все самое важное и значительное было бы утрачено.

Я не философ, совсем не философ; я просто поэт. Я смотрю на жизнь и принимаю ее такой, какая она есть. Если в жизни два плюс два — четыре, я согласен. Если два плюс два — пять, я тоже согласен. Если два плюс два — три, тоже хорошо. Я говорю этому «да». Сказать: «Да, это так» — и означает для меня быть религиозным.

Пятый вопрос:

Ошо,

Можно ли сказать, что дон Хуан, гуру Карлоса Кастанеды, является просветленным мастером?

Если бы дон Хуан существовал, он был бы подобен Будде или Лао-цзы — но нет такого человека, как дон Хуан. Книги Карлоса Кастанеды — это на девяносто девять процентов фантазия — прекрасная, искусная, но фантазия. Так же, как есть научная фантастика, есть и фантастика духовная. Есть третьесортная духовная фантастика и есть первосортная. Если вы нуждаетесь в третьесортной фантастике, читайте Лобсанга Рампу; если вы хотите иметь дело с первосортной фантастикой, читайте Карлоса Кастанеду. Он великий мастер — в фантастике.

Но я говорю: это фантазия на девяносто девять процентов. В книгах Карлоса Кастанеды есть один процент истины, спрятанной в тексте то тут, то там; вам нужно отыскать ее. Эти книги хороши, даже если их читать как фантастику. Не тратьте время на выдумки Лобсанга Рампы, потому что этот хлам создан посредственным умом — и, конечно же, для посредственных умов. Но Карлоса Кастанеду стоит почитать. Когда я говорю «фантазия», я не имею в виду, что вы не должны читать эти книги. Читайте, но читайте внимательно, потому что один процент истины в них есть. И вам нужно читать их очень внимательно, потому что девяносто девять процентов — это вымысел.

Эти книги могут помочь вашему росту — они могут вызвать желание расти. Вот почему я говорю, что они прекрасны. Но они могут и помешать вашему росту, если вы усвоите только то, что лежит на поверхности.

Этот человек, Карлос Кастанеда, действительно талантлив и умен. Такая одаренность — явление очень редкое. Довольно легко сочинять научно-фантастические романы, для этого не нужно много воображения, но духовная фантастика требует огромных усилий; нужен большой талант и воображение. Иначе как вы можете написать о том, о чем вы не имеете представления?

Но один процент истины в этом есть. На этом одном проценте Карлос смог создать целую систему. На этот один процент он смог спроецировать свое воображение. На этой частице истины он выстроил целое здание, прекрасный дворец — очаровательную сказку. Так что один процент истины в этом есть, иначе было бы невозможно эту сказку создать.

Поэтому один процент дона Хуана во всем этом тоже присутствует. Должно быть, Карлос встретил кого-то; возможно, его имя было дон Хуан, возможно, нет — это не так важно. Он встретил человека, превосходящего его по развитию, знающего некоторые секреты. Может быть, Карлос не осознавал, что это за секреты, может быть, он их украл или у кого-нибудь позаимствовал. Но он действительно встретил кого-то, кому были известны некоторые факты духовной жизни, и смог на основе этих фактов создать свои фантазии. И эти фантазии возможны, если помочь себе наркотиками, — это очень просто, потому что наркотики обостряют воображение.

Карлос встретил человека, который что-то знал, и потом с помощью наркотиков и ЛСД он спроецировал эту маленькую истину на воображаемый мир. Так возникла эта фантастика. Это наркотические галлюцинации, но это хороший эксперимент сам по себе. Когда я рассказываю обо всем этом, я не осуждаю Карлоса. Более того, он нравится мне. Он обладает богатым воображением, а если его книги выдуманы на все сто процентов, то он — очень необычный человек. Если он никого не встретил, значит, в нем самом есть этот один процент истины. В противном случае невозможно ничего создать — вы не можете построить здание без фундамента; даже воображаемое здание имеет фундамент. Вы можете построить картонный домик, но и он нуждается, по меньшей мере, в твердом основании. Это то, что необходимо.

Поэтому читай — тебе нужно это прочесть. Для каждого возраста существует своя фантастическая ли-

тература, свои романы; через это нужно пройти. Тебе придется это прочесть. Тебе не избежать Карлоса Кастанеды. Но помни, что в этих книгах только один процент истины, — и тебе нужно его найти.

Если бы ты прочел книги Гурджиева, и особенно «Всё и Вся», тогда ты легко смог бы отделить зерна от плевел. Если ты не читал «Всё и Вся», было бы неплохо начать с этой книги. Прочти «Всё и вся», потом можешь читать Карлоса Кастанеду. Это нелегкое занятие — читать Гурджиева; и кстати, в мире всего несколько десятков человек прочли «Всё и Вся» до конца. Это не просто. В этой книге тысяча страниц, и, кроме того, Гурджиев — мастер по утаиванию. Он говорит о чем-то несущественном, ненужном, сочиняет истории внутри историй, сотни страниц историй, и затем — одна строка истины: ее стоит поискать, это бриллиант. Сотни страниц ерунды, а затем бриллиант — так что стоит поискать.

Если ты сможешь найти бриллианты Гурджиева, это будет хорошим тренингом для тебя. И тогда ты сможешь понять, что у Карлоса Кастанеды соответствует истине, а что нет. Иначе ты станешь жертвой фантазии. Я думаю, что сейчас множество американцев блуждает по Мексике в поисках дона Хуана. Глупо!

Шестой вопрос:

Ошо,

Как ты думаешь, не придется ли тебе, подобно Тилопе* и Бодхидхарме, покинуть Индию в поисках подходящего преемника?

* Тилопа (988–1069) — великий индийский тантрик, почитаемый как основатель линии Кагью тибетского буддизма. — *Примеч. ред.*

Глупцы! Разве вы не видите, что я покинул Индию?
Я уже не в Индии.

И последний вопрос:

*Ошо,
Правда ли, что все просветленные мастера лы-
сые?*

Я долго уклонялся от ответа на этот вопрос, но больше не могу: человек, задавший его, так старается облысеть, что даже побрил голову. Тут нет никакой связи, поэтому не нужно стараться облысеть. Лысые люди очень умны, они сами о себе распространяют слухи. Они распространили по всему миру слух, что лысые мужчины более сексуальны, чем все остальные. Конечно, лысые люди не слишком привлекательны, поэтому им пришлось распространить такой слух. По всему миру, во всех странах лысых людей считают более сексуальными. Это хитрость.

Но распространять слух, что только лысые люди могут достичь просветления, — это уже слишком!

Достаточно на сегодня.

О пользе пустоты

О пользе пустоты Лао-цзы говорит:

Тридцать спиц соединяются в ступице колеса,
И от того, что не существует, от пустоты в ступице,
Зависит польза колеса.

Из глины изготавливается сосуд,
И от того, что не существует, от пустоты сосуда,
Зависит его польза.

Продельвают двери и окна в доме,
И из того, что не существует, от пустоты в доме,
Зависит его польза.

Следовательно, все вещи полезны.
И полезны они благодаря тому, чего в них нет.

В глубочайшем центре бытия мы обнаруживаем небытие, пустоту. Основой вещественности является не-вещественность. И когда я говорю о не-вещественности, я не имею в виду отсутствие вещей, материи. Я имею в виду отсутствие вещественности, материальности.

В основе бесформенности лежит форма. Форма возникает из бесформенности, как волны — из моря, а затем форма исчезает, снова растворяется в бесформенности. Имя возникает из безымянности, затем возвращается назад, к источнику, снова становится безы-

мянностью. Жизнь возникает из смерти и снова превращается в смерть. Очень важно помнить, что эти противоположности на самом деле не противоположны, они дополняют друг друга. Смерть не противостоит жизни, не-существование не противостоит существованию, не-существо не противостоит существу. Это две полярности одного и того же явления, которое выходит за рамки любого понимания.

Иногда это проявляется как существо, иногда как не-существо, но и в том и в другом случае проявляется одно и то же. Это нужно понять настолько глубоко, насколько возможно, потому что вся ваша *садхана*, все ваши усилия, направленные на высшее понимание, будут зависеть от этого. Пока вы не готовы стать не-существом, вы не можете быть подлинным существом. Это кажется парадоксальным.

Иисус говорит своим ученикам: если вы не потеряете себя, вы не обретете себя; если вы будете цепляться за себя, вы пропадете, если вы перестанете цепляться за себя, вы будете спасены. Он говорит, что вы будете спасены только том случае, если вы двигаетесь к не-существу.

В Индии есть очень старая и очень красивая притча. Она взята из Упанишад.

Уддалаке, великому мудрецу, его сын Шветакету задал вопрос:

— Отец, кто я? Что за существо живет во мне? Я медитирую и медитирую, я стараюсь изо всех сил, но не могу обнаружить его.

Шветакету был маленьким ребенком, но он поднял очень сложный вопрос. Если бы этот вопрос был задан кем-то другим, Уддалака ответил бы на него с легкостью, но как помочь понять ребенку? А он задал самый сложный вопрос из всех существующих.

Уддалаке пришлось объяснять на примере. Он сказал:

— Сходи и принеси плод дерева *нигрот*.

Ребенок убежал; он принес маленький плод дерева *нигрот*.

— Теперь разрежь его, — попросил отец. — Что ты видишь?

— Миллион маленьких семян, — ответил ребенок.

— Хорошо, выбери одно семечко и разрежь его, — продолжил отец. — Что ты видишь теперь?

— Ничего.

Отец сказал:

— Вот из этого самого «ничего» и вырастает огромное дерево. В семечке, в его центре, содержится *ничто*. Ты разрезал семечко, и вот оно — *ничто*; благодаря этому *ничто* существует дерево. То же самое можно сказать и о тебе, Шветакету.

Так появилось одно из самых великих высказываний: «*Tat tvam asi, Шветакету*» — «То есть ты, ты есть то, Шветакету».

Вы являетесь тем же самым *ничто*, которое содержится в сердцевине семени. Если вы не обнаружите это не-существо, вы не достигнете истины. Вы можете углубляться в теории, вы можете философствовать, но у вас не будет понимания.

Мальчик медитировал на это *ничто*, и он стал очень безмолвным. Он созерцал, он наслаждался этим *ничто*, он чувствовал всю его глубину. Но потом снова возник вопрос. Через несколько дней он пришел к отцу и сказал:

— Я могу это чувствовать, но что-то все же остается неясным, неуловимым, как будто скрытым за пеленой тумана. Я вижу, что все появляется из *ничто*, но как *ничто* смешивается с тем, что существует? Как существование смешивается с *ничто*? Как бытие

смешивается с небытием? Это противоречит здравому смыслу.

Отец снова оказался в затруднительном положении — когда дети задают вопросы, на них всегда не просто ответить. Почти девяносто девять процентов ответов, которые взрослые дают детям, неискренни — они нужны только для того, чтобы сохранить лицо. Вы все обманываете. Но Уддалака не хотел обманывать сына. А любопытство этого ребенка было не простым любопытством, это был очень глубокий вопрос. Сын действительно был заинтересован в ответе. У него было детское тело, но древняя душа. Должно быть, в прошлом он уже совершал какие-то усилия, настойчиво пытаясь проникнуть в эту тайну. Это было не простое любопытство — он действительно старался понять то, о чем спрашивал. Это был не праздный вопрос, идущий от ума, этот вопрос имел глубокие корни.

И отец попросил:

— Иди и принеси стакан воды.

Ребенок принес стакан воды.

— Теперь принеси кусок сахара.

Мальчик принес сахар, и отец сказал:

— Смешай воду и сахар.

Когда сахар растворился в воде, отец спросил:

— Можешь ли ты теперь отделить сахар от воды?

Мальчик ответил:

— Нет, это невозможно. Я даже не вижу, куда подевался сахар.

— Попробуйся, — предложил отец.

Мальчик посмотрел в стакан, но не смог увидеть сахара; тот полностью растворился, смешался с водой.

Тогда отец предложил:

— Попробуй воду.

Мальчик попробовал, вода была сладкой.

И отец сказал:

— Вот и ответ. Ты не можешь отделить бытие от небытия; они растворяются друг в друге, как сахар в воде. Ты можешь только попробовать на вкус и узнать, что вода содержит сахар. Ты не можешь отделить их друг от друга — да и никто не может их разделить, потому что они неразделимы.

Воду и сахар можно отделить друг от друга — это был просто прием для объяснения ребенку. Но небытие и бытие разделить невозможно, жизнь и смерть разделить невозможно. Они всегда существуют вместе. На самом деле, сказать, что они существуют вместе, будет неправильным, потому что слово «вместе» предполагает двойственность. Но небытие и бытие — это не два разных явления, это одно целое. Они только кажутся двумя.

Откуда вы пришли? Вы когда-либо задумывались над этим основополагающим вопросом? Из *ничто*. Куда вы направляетесь, куда вы идете? В *ничто*. Из *ничто* в *ничто*... и именно между двумя *ничто* находится существование. Река существования протекает между двумя берегами *ничто*. Существование прекрасно, но не-существование тоже прекрасно. Жизнь хороша, но и смерть тоже хороша — потому что жизнь не может существовать без смерти. Вам кажется, что смерть противостоит жизни, потому что смерть разрушительна. Но вы ошибаетесь. Без смерти жизнь не может существовать даже одно мгновение. Смерть поддерживает жизнь. Смерть — основа жизни. Благодаря тому что вы умираете, вы можете жить. Жизнь и смерть не две разные субстанции, а два крыла — два крыла одного и того же явления.

Наука всегда считала, что религия парадоксальна, что она иррациональна, нелогична. Но не так давно наука, главным образом физика, столкнулась с очень

необычным явлением, которое может оказаться полезным для понимания взаимосвязи бытия и небытия. Речь идет о черных дырах. Ученые каким-то образом узнали, что в космосе есть такие места, которые представляют из себя дыры — черные дыры небытия. Сначала это казалось непостижимым, но постепенно представление об этом явлении становилось все более ясным — поскольку ученые тоже чувствуют, что все в существовании содержит в себе свою противоположность. Как существование может обходиться без не-существования? Жизнь существует вместе со смертью, любовь существует вместе с ненавистью, сострадание существует вместе с гневом. Как бытие может существовать без небытия, если одно включает в себя другое? Они не могут существовать друг без друга.

Ученые искали что-то для объяснения этого явления, и сейчас какой-то человек уже получил Нобелевскую премию за открытие черных дыр. Черные дыры — это дыры не-существования в космосе, дыры, в которых нет ничего, даже самого космоса. Они представляют из себя очень опасное явление, так как все, что попадает в черную дыру, просто исчезает — черная дыра все превращает в не-существование.

Открытие черных дыр разрешило многие загадки.

Вот что случилось в Америке всего несколько лет назад.

Военный самолет совершал учебный полет. Через какое-то время связь с самолетом внезапно прервалась. На поиски самолета был отправлен другой самолет — чтобы выяснить, что случилось? Точно через такой же промежуток времени второй самолет тоже исчез.

Это вызвало тревогу. Поэтому на поиски пропавших самолетов послали еще три самолета. Но ровно через полчаса и эти самолеты пропали, связь с ними

прервалась. Так и осталось неизвестным, что же случилось с этими пятью самолетами. Они исчезли бесследно. Если бы они упали, их бы нашли. Они не могли летать вечно... Что же случилось? Сейчас подозревают, что самолеты попали в черную дыру; они просто влетели в черную дыру и исчезли.

Черная дыра — это мощь не-существования, не-бытия. Если вы попадаете в нее, то все просто исчезает, не остается никакого следа, потому что материя становится антиматерией — вы дематериализуетесь.

Вы слышали слово «материализация»; вы слышали о чудесах, когда люди материализуют вещи — создают их из ничего. Но вы не слышали слово «дематериализация» — это когда вещи могут превратиться в антиматерию, просто исчезнуть.

Это случалось много раз. Однажды корабль, на котором было семьсот человек, просто исчез — такой огромный корабль! Когда он заходил в последний порт, все было нормально; в следующий порт он так и не пришел. А расстояние до следующего порта было не очень большим, это было недалеко. Если бы корабль с семьями пассажирами затонул, кто-то обязательно спасся бы. И если бы даже никто не спасся, нашлись бы обломки корабля или то, что от него осталось. Но ничего так и не было найдено. Должно быть, он наткнулся на черную дыру.

Это происходит каждый день, а когда что-то происходит каждый день, вы перестаете это замечать. Человек вдруг умирает. Что случилось? Он вошел в черную дыру. Всего минуту назад он был жив — дышал, разговаривал, находился в сознании, — и через секунду от него ничего не осталось, только мертвое тело. Что случилось? Что-то вошло в не-существование. Смерть — это черная дыра.

Ученые говорят, что звезды тоже рождаются и умирают. Они живут миллионы лет, но дело не в этом. Они рождаются — откуда они появляются? В этот самый момент рождается множество звезд. Точно так же как дети рождаются сейчас в родильных домах, рождаются и звезды. Они появляются из *ничто*. До какого-то момента не существовало никакой материи; был лишь безграничный космос. Затем вдруг возникает туманность — туман появляется из *ничто*. Он начинает сгущаться, становится все более и более плотным. Это длится миллионы лет. Точно так же как до рождения ребенка должно пройти девять месяцев, нужны миллионы лет для того, чтобы *ничто* обрело плотность и превратилось в звезду. После этого звезда живет миллионы лет, а затем умирает. И снова она рассеивается постепенно, становится все менее и менее плотной, превращается в туман. Миллионы лет звезда остается на своем смертном ложе, а затем исчезает. В том месте, где была звезда, образуется черная дыра; это место становится не существующим. И теперь, если вы попадете в эту черную дыру, она вас просто поглотит. Когда черная дыра поглощает целую звезду... это грандиозное событие!

Наше Солнце — это звезда средней величины. Оно в тысячи раз больше, чем Земля. Если Солнце, которое в тысячи раз больше Земли, умрет... А однажды оно умрет. Ученые говорят, что Солнце проживет еще около четырех миллиардов лет. Оно уже старое, больное, его надо бы положить в больницу — но больницу для звезд не существует. Оно умирает. Его умирание продлится четыре миллиарда лет, затем оно исчезнет. Сначала исчезнет свет, потом исчезнет материя, после этого образуется черная дыра. Место, где раньше было Солнце, превратится в гигантскую воронку. Если Земля окажется втянутой в эту воронку — все будет кончено.

В одно мгновение от вас ничего не останется — и *ничто* сольется с *ничто*.

Солнце — звезда средней величины, а есть более крупные звезды. Во Вселенной существуют миллионы больших солнц, многие из которых уже умерли. Если говорить о космических путешествиях, то полет на Луну не представляет из себя ничего особенного, но за пределами Солнечной системы нас подстерегают неприятности: космический корабль может попасть в черную дыру и это невозможно предвидеть заранее. Корабль будет просто поглощен этой дырой, и никто больше не услышит о нем. Черные дыры — это другая часть существования, это не-существование. И все обстоит именно так, потому что существование должно быть сбалансировано не-существованием.

Лао-цзы непоколебимо верит в не-существование. Он был первым, кто воздал должное пользе не-существования. Конечно, он не знал о существовании черных дыр, иначе бы он говорил и о них тоже. Он был обычным сельским жителем, простым крестьянином, ведущим непритворную и не очень цивилизованную жизнь. Являясь противником цивилизации, он проповедовал естественность. Он использовал очень простую метафору — «колесо». Он говорил, что ступица, центр колеса, пушта, но колесо полностью зависит от нее.

Почему он говорит о центре колеса? Потому что такой же центр есть и у человека. Рядом с пупком человека расположена точка, которую японцы называют *харой*. Хара — это черная дыра в вашем теле. Следуя идее Лао-цзы, японцы решили, что где-то в теле смерть должна иметь свой дом. Смерть не приходит извне, она не случайна, как думают люди. Люди говорят, что смерть приходит. Нет, смерть не приходит, она возникает внутри вас; вы не встречаете ее где-то на своем жизненном пути. Если бы это было так, был бы изобре-

тен метод, как уклониться от смерти, обмануть ее или обойти то место, где она ждет вас, или послать кого-то другого вместо себя. Такая возможность существовала бы, если бы смерть была бы чем-то внешним, приходящим извне. Но вы носите смерть внутри себя, подобно семени. Она приходит в жизнь одновременно с вами, на самом деле она существовала еще до вас. Вы появились благодаря смерти.

У смерти должно быть место где-то в теле. Поэтому японцы исследовали его и обнаружили, где находится эта черная дыра. Она находится прямо под пупком — в пяти сантиметрах ниже пупка. Именно здесь расположена точка смерти. Это незаметная точка. Должно быть, вы слышали о *харакири*; это слово произошло от слова *хара*. Хара является черной дырой в теле, а харакири означает самоубийство с использованием этой черной дыры.

Японцы научились очень эффективно убивать себя; никто не может так легко совершить самоубийство, как японцы, потому что они знают точку смерти. Они просто протыкают хару небольшим ножом; не вытекает даже маленькой капельки крови. Самоубийство совершается без крови, без боли, без страданий — жизнь просто исчезает. Японцы находят черную дыру в теле, точку смерти. Если вы перережете себе горло, вы умрете, но умрете, сильно страдая, — потому что от горла до хары большое расстояние; это расстояние смерть должна пройти. Поэтому если кому-то отрубает голову, тело продолжает жить еще несколько минут. Тело продолжает дрожать и пульсировать, поскольку хара не поражена напрямую. Японцы могут убить себя так легко, так спокойно, что вы не обнаружите никаких признаков смерти на лице человека, совершившего харакири; оно будет выглядеть таким же живым, как и всегда. Человек просто исчезает в черной дыре без всякой борьбы.

Эта точка в теле — хара — является небытием. Это отсутствие, *ничто*. И даосская практика полностью направлена на то, чтобы быть бдительными по отношению к харе. Даосы создали особый тип дыхания для хары, его называют «дыханием живота». Вы не найдете человека, более погруженного в тишину, чем даос, который дышит животом и который приспособился к такому дыханию.

Вы дышите грудью. По всему миру люди дышат грудью, это поверхностное дыхание. Возможно, вы не дышите животом из-за страха смерти, потому что если вы начнете дышать животом, то дыхание пойдет глубоко внутрь, достигнет хары. И тогда вы соприкоснетесь со смертью. А поскольку вы боитесь смерти, вы дышите поверхностно. Помните, когда вы напуганы, ваше дыхание становится поверхностным. Всегда, когда страх охватывает вас, вы не можете дышать глубоко — дыхание сразу становится поверхностным. Любой страх в основе своей — это страх смерти; возможно, вы не осознаете этого, но ваше тело знает, где находится смерть, и предостерегает вас: не ходите туда. Ваше тело очень мудрое, мудрее, чем ум, и так и должно быть, потому что ум моложе тела. Тело существует дольше, оно прошло через многие жизни, жизни без ума, и накопило много мудрости. Когда вы напуганы, вы задерживаете дыхание или делаете его очень поверхностным — вы боитесь подойти слишком близко к смерти.

Глубокое дыхание помогает жизни принять в себя смерть, глубокое дыхание создает мост между жизнью и смертью; страх исчезает. Если вы дышите глубоко в живот, страх полностью исчезает. Вот почему японцы могут совершить самоубийство более легко, чем кто-либо еще в мире. Это выглядит как игра. Они могут совершить самоубийство из-за любой мелочи, и никто не поймет, в чем, собственно, дело. Японцы знают, что

жизнь и смерть неотделимы друг от друга, они — одно целое. Смерть — это тоже жизнь, это другая сторона медали. Смерть — это пребывание в покое.

Если вы дышите глубоко, вы чувствуете, как ваше тело наполняется покоем, наступает расслабление, все напряжение уходит. Вы видели, как дышит маленький ребенок? Он дышит животом. Понаблюдайте за ним и увидите. Лао-цзы хотел, чтобы так дышали все. Это даосская йога: ваш живот поднимается и опускается как у ребенка, грудь совершенно не участвует в дыхании, как будто она не имеет к нему никакого отношения — и грудь действительно не имеет к дыханию никакого отношения.

Но это непросто: из-за страха смерти вы не можете дышать глубоко, потому что там, в глубине, находится хара. И совсем рядом с харой расположена точка жизни, которую называют сексуальным центром, — с этим местом также связаны ваши страхи. Если вы дышите глубоко, возникает сексуальное желание. Поэтому люди, которые боятся секса, не могут дышать глубоко. Если вы будете дышать глубоко, вы сразу же почувствуете, что подавленная сексуальность снова дает о себе знать, она начинает течь по вашим жилам, проникает в вашу кровь. И конечно, все устроено так, как и должно быть устроено: центр жизни находится рядом с центром смерти. Хара, центр смерти, и сексуальный центр, центр жизни, находятся рядом, они почти касаются друг друга — две стороны одной медали. Люди боятся секса, потому что его вибрации совпадают с вибрациями смерти. Настоящее переживание секса — это переживание смерти: вы умираете. Вот почему люди так боятся секса, так боятся женщин; я не встречал человека, который бы не боялся женщин. Природа страха такова: женщина дала вам рождение, она же должна нести в себе и смерть.

Посмотрите на индуистское понимание богини Кали, Матери Кали. Кали объединяет в себе жизнь и смерть, она дает и забирает. Прекрасная женщина, но черная — черная, как смерть; прекрасная женщина, но очень опасная — она танцует на теле своего собственного мужа, почти убивая его. Шива лежит на земле, а она танцует на его теле, она почти растоптала его. И она носит ожерелье из черепов и в одной руке держит отрубленную голову, только что отрубленную — кровь еще капает с нее. На Западе не могут понять, почему мать должна быть такой опасной, почему прекрасную женщину нужно изображать в таком опасном, внушающем страх, ужасающем виде. Индусам это понятно. Они проникли в тайны жизни глубже, чем кто-либо еще. Индусы знают, что секс и смерть находятся рядом — они так близки, что являются почти одним целым. И когда сексуальный центр начинает пульсировать и распространять свои волны по всему телу, центр смерти тоже начинает пульсировать. Вот почему оргазм для вас — это просто пустой звук. Вы не достигаете оргазма в сексе — вы не можете. Пока вы не примете смерть, вы не сможете достигать оргазма, потому что оргазм означает потерю всякого контроля, оргазм означает потерю ума, оргазм означает, что все тело начинает вибрировать в экстазе, каждая его клетка. Все тело празднует, испытывая неведомое доселе блаженство, и ум перестает контролировать вас и манипулировать вами.

Мужчина может достичь только локального оргазма, который является всего лишь эякуляцией, а не оргазмом. Потому что, если наступает полный оргазм, вы исчезаете — вас захватывают одновременно и жизнь, и смерть. И появляется страх. Что касается женщин, то они не испытывали оргазма тысячи лет. Сейчас в Индии не наберется даже двух процентов женщин, которые

могут испытывать оргазм. Только несколько лет назад мужчины узнали, что женщины тоже могут достигать оргазма. Оргазм подавлялся, потому что если женщина достигнет оргазма, то она станет такой же сумасшедшей, как и Кали. Она станет такой сумасшедшей от экстаза, что может начать танцевать на вашей груди, она перестанет быть самой собой, она превратится во что-то еще — в природную стихию, в вихрь, в шторм. Она будет смеяться и плакать и никто не сможет предсказать, что произойдет потом; и вся округа будет знать, что какая-то женщина достигла оргазма.

А секс — это такое секретное дело: из него сделали тайну, им занимаются в темноте. Партнеры даже не видят друг друга, а женщина из-за страха привыкла оставаться абсолютно пассивной, неподвижной. Потому что если она познает красоту полного сумасшествия, она будет неуправляема. Ни один мужчина не может удовлетворить женщину, потому что женщина способна достичь множественного оргазма, а мужчина только однократного. Женщина за считанные минуты может испытать по меньшей мере шесть оргазмов — от шести до шестидесяти. Не один мужчина не способен удовлетворить женщину. И женщина так легко может сходить с ума, потому что она так естественна... Так что лучше ее подавлять.

Секс подавляется, потому что он является частью смерти. Во всем мире под запретом могут находиться только две вещи — секс и смерть. И я заметил, что если в какой-то культуре подавляется секс, то смерть замалчивается не так сильно, так как в этом нет необходимости — подавления секса достаточно. Если в какой-то культуре под запретом находится смерть, то секс не подавляется, в этом нет необходимости — подавления смерти достаточно. Если вы подавляете что-то одно, вы подавляете и другое, потому что они существуют вме-

сте, — поэтому необходимо высвободить и то и другое. Тогда ваша жизнь станет необычной, но вы всегда будете находиться на грани смерти. Вы станете существом, однако всегда будете заглядывать в не-существо. И в этом есть красота, но также и ужас. На самом деле так и должно быть, прекрасное всегда внушает ужас.

Бог не только прекрасен, он и ужасен тоже. Он не только тайна, не только *мистерия*, он — еще и ужас; он не только жизнь, он также и смерть. И если вы подавляете свое существо или не-существо, вы разрушаете мосты; поэтому вы не можете войти в существование. Станьте подобными существованию — только тогда мосты могут быть наведены; тогда вы соединитесь с существованием.

После Фрейда на Западе сексу была предоставлена некоторая свобода, но теперь там стала сильнее подавляться смерть. На Западе никто не говорит о смерти, как будто ее вовсе не существует. Есть даже специалисты, работающие с мертвым телом и делающие все, чтобы оно выглядело как живое, — гримируют, украшают. Женщина умирает; ее лицо загримировано, губы накрашены, на ней нарядная одежда, она лежит в красивом гробу, и ее несут так, как будто она спит, а не умерла. Это страх перед смертью: вы не хотите смотреть ей в лицо.

Вы устраиваете кладбища за городом и устанавливаете на них прекрасные мраморные надгробия; вы украшаете их. Вы украшаете смерть, чтобы обойти ее, чтобы не столкнуться с ней; а смерть — это источник жизни.

Используйте жизнь и используйте также и смерть — таково мое послание. Используйте существо и используйте не-существо. И не бойтесь ничего, потому что ничто из того, что является вашим, не может быть отнято у вас. То, что не ваше, — не ваше; оно уже не при-

надлежит вам, вы не можете носить это в себе. А если вы по-прежнему несете это, значит, вы взяли на себя непосильное бремя.

Постарайтесь понять Лао-цзы. О пользе не-существования он говорит:

Тридцать спиц соединяются в ступице колеса,
И от того, что не существует, от пустоты в ступице,
Зависит польза колеса.

Колесо движется благодаря тому, что в ступице, в центре колеса есть пустота. Если в центре нет пустоты, колесо не может двигаться. Движение передается благодаря пустоте.

Из глины изготавливается сосуд,
И от того, что не существует, от пустоты сосуда,
Зависит его польза.
Продельвают двери и окна в доме,
И из того, что не существует, от пустоты в доме,
Зависит его польза.
Следовательно, все вещи полезны.
И полезны они благодаря тому, чего в них нет.

Здесь говорится о том, как человек может стать тотальным и целостным, а быть целостным, согласно Лао-цзы, — значит быть святым. Никакой другой святости не существует. Это не связано с культивированием религиозного ритуала и даже с культивированием морали. Это никак не связано с личностью. Святость означает жизнь во всей полноте, жизнь, которая не отрицает ничего, жизнь, которая ничему не говорит «нет», жизнь, которая принимает противоположности, жизнь, которая не выбирает. Жизнь, которая не выбирает, является святой. Слово «святой» образовано

от того же корня, что и слово «целостный»*. Если вы целостны, вы святы; и если вы целостны, вы одновременно несете в себе жизнь и смерть. Вы не скрываете от себя факт смерти, и вы не пытаетесь скрыть от себя свою внутреннюю пустоту. Вы не пытаетесь заполнить ее мусором. Вы наслаждаетесь чистой пустотой. Ничто не является таким чистым, как пустота; ничто не может быть таким чистым — как только что-то появляется, возникает нечистота. Только пустота может быть абсолютно чистой.

Но вы так боитесь пустоты. Люди приходят ко мне и говорят, что им очень трудно быть в одиночестве, они начинают чувствовать свою пустоту. Тогда вы ищете друзей, стараетесь влюбиться, но все ваши усилия с самого начала обречены, потому что человек, который боится своей пустоты, не может любить. Он боится. Глубоко внутри него сидит страх. Как он может любить? Когда он притворяется и делает вид, что в кого-то влюблен, он просто старается убежать от себя, от своей собственной пустоты. Он пытается забыть, что где-то внутри него есть пустота, *ничто*. Он пытается заполнить эту пустоту чьим-то присутствием — и его партнер делает то же самое.

Так что почти девяносто девять процентов любовных историй на земле являются фальшивыми. Рано или поздно вы понимаете, что это обман. Каждый из партнеров приходит к пониманию, что он оказался обманутым, одураченным. Но никто никогда не видит, что по отношению к другому он сделал то же самое. И никто не догадывается о страданиях других людей и их глупости. Если бы люди осознавали свою собственную глупость, осознавали то, что *они* делают, они почувствовали

* Holy (англ.) — святой, священный; whole — целый, полный, целостный. — Примеч. ред.

бы сострадание ко всем вокруг. Если вы не можете быть одни, не можете находиться в тишине, значит, вы боитесь одиночества, вы хотите заполнить его кем-то. Вы притворяетесь. И ваш партнер делает то же самое — он тоже не может быть один. Два человека, которые не могут находиться в одиночестве, пытаются быть вместе; теперь это превращается в страдание, ад.

Если вы не можете любить себя в своем одиночестве, как кто-то другой может полюбить вас? Как вы можете ожидать, что кто-то вас полюбит, если вы не способны любить сами себя? Если вы устали от своего собственного одиночества, рано или поздно другие тоже устанут от него. Вы не можете заполнить его — оно не может быть заполнено. Это часть вашего существа, вы не можете заполнить его, оно должно оставаться пустым. Оно останется пустым. Все попытки заполнить его потерпят неудачу.

Поэтому первое, что нужно сделать, — это настроиться на пустоту, позволить ей быть, прожить ее. Не подавляйте ее и не пытайтесь сбежать от нее. Чувствуйте ее, наслаждайтесь ею — и рано или поздно вы поймете ее красоту. Как только вы поймете красоту одиночества, оно перестанет быть пустым, и это уже будет не *ничто*. Тогда это чистота — настолько чистая, что не имеет формы.

Всегда помните о разнице между одинокостью (*loneliness*) и одиночеством (*aloneness*). Одинокость похожа на рану. Одиночество означает, что вам кого-то не хватает. Одинокость означает, что вы постоянно думаете о другом, мечтаете о другом. Другой — это только фантазия, он в вашем уме, в мечтах. Другой нереален, он присутствует только в вашем воображении, но он есть, а поскольку он нереален, вы чувствуете себя одинокими.

Когда вы начинаете чувствовать свое одиночество, другой полностью исчезает из вашего ума. Он больше не затеняет ваши сны, не затрагивает вашу чистоту. Вы счастливы сами с собой, вы экстатичны сами по себе, вы наслаждаетесь собой. Впервые вы в контакте не только со своим существом, но и со своим не-существом. Вы целостны.

Теперь вы можете любить. Теперь любовь может течь через вас. Но теперь любовь — это возможность отдавать, а не бегство. Вы можете поделиться своим существом — и не-существом тоже. Вы можете поделиться своей целостностью. Теперь вы можете позволить любому, кто открыт, соединиться с вашей открытостью, теперь вы можете стать партнерами в бесконечном путешествии. Такая любовь не стремится к обладанию, потому что вы готовы в любой момент остаться одни. На самом деле вы счастливы одни и вы счастливы вместе — вы не выбираете. И то и другое хорошо. Вы счастливы в любом случае. Ваше счастье не может быть разрушено; другой может разделять ваше счастье, наслаждаться им, но он не может разрушить его.

Вы можете делиться своим счастьем, раздавать его, дарить его миру; у вас так много счастья, что вы можете осчастливить весь мир. И оно постоянно растет: чем больше вы отдаете, тем больше вы получаете. Теперь вы уже не скряга; теперь ваше существо открывается, в вас больше нет страха. Вы можете давать, вы можете делиться, потому что вы познали также и ваше не-существо. Теперь вы больше не боитесь быть не-существом. Вы знаете точно, что это часть вашего существа, и это красота вашего существа; это ваше внутреннее пространство, в котором вы можете путешествовать, это ваша внутренняя святыня, ваш храм.

Храм существует внутри вас. Если вы поищете в вашем теле, вы найдете этот храм возле пупка. Вот почему

индуисты созерцают пупок. Люди на Западе смеются; когда кто-то начинает медитировать, ему говорят: «Ты созерцаешь пупок?» Индуисты хорошо изучили тело... точку смерти, которую японцы называют харой, индуисты называют храмом тела. Они закрывают глаза и привносят свое осознание в храм тела. Ваше тело — это храм, потому что является вашим хранилищем. И из этого храма вы двигаетесь вглубь и обнаруживаете собственное не-существо — это еще более великолепный храм вашего существа. Тело становится дверью, и когда вы достигаете внутренней святыни, окруженной не-существом, на престоле вы находите божественное. Это центр не-существа.

Совсем недавно кто-то спросил, как внутренняя пустота может иметь центр. Может. Только центр и существует, периферии вообще нет — центр везде, а периферии нет. Это нелогично.. поскольку логика сама нелогична и никак не соотносится с жизнью. У жизни есть своя логика, и она основывается на том, что противоположности не являются противоположностями, они дополняют друг друга.

У пустоты есть центр. Посмотрите на колесо: в его центре — пустота, отверстие для оси. Колесо материально, отверстие для оси нематериально. Но когда вы двигаетесь вовнутрь, там все меняется местами: центр колеса — это существо, а само колесо — это не-существо. Не-существо — это просто аура вашего существа, свет вашего существа, пространство вашего существа, территория вашего существа. Ваше существо прекрасно, потому что совершенно пусто; оно чисто, потому что абсолютно пусто. Не бойтесь этой пустоты. В начале она выглядит как смерть; если вы примете ее, это станет вашим воскресением. После каждой внутренней смерти наступает воскресение.

В этом суть истории о воскресении Христа — не в том, что он физически воскрес, но в том, что он прошел через смерть, через крест и достиг своего сокровенного существа, находящегося в самой глубине. Вам нужно пройти через пустоту — это крест. Всем нужно пройти через это. Никто не может нести ваш крест за вас, вы должны нести его сами. И до тех пор, пока вы не сделаете этого, пока вы не доберетесь до пустоты, вы не достигнете своего внутреннего сокровенного центра. Попав в этот сокровенный центр, вы уже больше не будете индивидуумом, вы станете божеством.

Индусы говорят: «Ахам брахмасми» — «Я — бог». Это высказывание исходит от тех, кто достиг своего сокровенного центра, кто пришел к своему не-существу и кто добрался до святости, где есть божественное, а вас нет. Но вы пытаетесь убежать от этого, вы не знаете, как использовать это. Если вы пусты и вам ничего не нужно делать, вы все равно начинаете чем-то заниматься... чем угодно. Вы включаете радио или телевизор, вы просматриваете газету, вы читаете роман, вы идете в гостиницу или клуб, вы делаете множество вещей. Вы будете делать все, что угодно, лишь бы не оставаться без дела. Вы считаете, что если вы не можете делать что-то важное, то должны делать что-нибудь неважное, главное — не сидеть без дела.

Будьте пустыми. Просто позволяя себе быть пустыми, вы можете прийти к самой главной встрече в своей жизни — вы можете встретиться со смертью. Если вы можете прийти к этому, танцуя, наслаждаясь, оставаясь счастливыми, если вы можете получить поддержку даже от пустоты, тогда ничто не способно вас разрушить — вы достигнете того, что вечно, неразруσιμο, вы достигнете бессмертия.

Вот почему я все время настаиваю на использовании танца в качестве медитации. И это не просто та-

нец. Обычный, «внешний» танец — это только подготовка к танцу «внутреннему». Вы танцуете вовне, ваше тело танцует — и постепенно рождается внутренний танец: вы танцуете внутри и двигаетесь в сторону своего внутреннего центра, в самую сердцевину своего существа. Помните: смерть можно преодолеть, только танцуя, смерть может быть побеждена только при помощи глубокого смеха. Вы должны нести свой крест, будучи счастливыми, блаженными, экстатичными. Если вы будете грустными, серьезными, это станет обузой. Ваша собственная пустота станет таким тяжелым грузом, что вам захочется убежать от нее, вы начнете двигаться вовне, в мир.

Научитесь обычному, «внешнему» танцу просто для тренировки — тогда появится возможность для внутреннего танца. Внутренний танец — это настроение, это особая атмосфера; вам не нужно думать о движениях в танце. Это особая атмосфера, это бурление блаженства, это пульсация блаженства. Только так можно пересечь ту часть океана, через которую очень трудно переправиться. По-другому невозможно. В тот момент, когда вы встречаетесь с внутренней пустотой, вы убегаете от нее, вас пугает смерть. Вот почему очень многие люди никогда не думают о самих себе. Они думают обо всем мире, переживают за весь мир, но они никогда не думают о себе, потому что иначе они прикоснутся к своей внутренней ране. Они боятся.

Не бойтесь. То, что вещи существуют, — это хорошо, извлекайте из этого выгоду. Но этого недостаточно. Пока вы не научитесь извлекать пользу и из пустоты, вы не овладеете искусством, искусством во всей его полноте. Если вы знаете только, как жить, значит, вы овладели искусством лишь наполовину. Если вы знаете также, как умирать, значит, вы овладели искусством во всей полноте — такое искусство сделает вас целостными.

Помните, пока вы не умрете, вы не сможете возродиться. Вы должны пройти через смерть, пока вы живы. А вы слишком сильно цепляетесь за жизнь. Это не поможет — смерть все равно придет. Но смерть приходит двумя разными способами. Один способ, обычный способ — это когда вы цепляетесь за жизнь, и смерть приходит, как враг; вы сражаетесь с ней, вы сопротивляетесь, вы делаете все возможное, чтобы избежать ее. Но как вы можете избежать ее? В тот день, когда вы рождаетесь, смерть становится неминуемой; каждое рождение несет в себе семя смерти. На самом деле, в жизни нет ничего более определенного, чем смерть. Все остальное — только возможность, а смерть — неминуема. Она придет. Вы можете избежать ее, вы можете отодвинуть ее ненадолго, но вы не измените ситуацию в целом. Она придет. Один способ встретить смерть — это встретить ее как врага. Так встречают смерть девяносто девять процентов людей — они упускают свою возможность. Из-за того, что смерть считалась врагом, ее не использовали как возможность, из нее не извлекали выгоды, она не могла оказаться полезной.

Есть и другой путь: принять смерть как друга, принять ее как внутреннюю часть вашего существа, насладиться ею, поприветствовать ее. Будьте готовы приветствовать ее, когда она придет обнять вас. И внезапно качество смерти изменится. Это будет уже не смерть — она станет дверью. Она больше не будет разрушать вас; наоборот, она будет служить вам. Она приведет вас к бессмертию.

Умрите — вам в любом случае придется умереть. Но умрите красиво. Я не говорю: умрите как стоик, как человек, который все контролирует. Нет, я говорю: умрите красиво, так, словно к вам пришел друг, постучался в дверь и вы радуетесь его приходу. Вы обнимае-

те друга и приглашаете его войти в дом, вы ждали его так долго...

Если вы сможете полюбить смерть, вы станете бессмертными; если вы сможете проникнуть в не-существо, тогда ваше существо утвердится в своем существовании, в самой основе божественного существования. Если вы сможете полюбить свое не-существо, тогда ничто не способно разрушить вас — вы выйдете за пределы времени и пространства. Тогда вы соединитесь с целым, а это и есть то, что называется святостью, — стать наполненным, целостным и означает стать святым.

Достаточно на сегодня.

Свидетельствование

Первый вопрос:

*Ошо,
В последнее время ты много говорил о внутренней тишине и пустоте. Вот уже два года, как я являюсь твоим учеником, и постоянно, особенно во время медитаций, мой ум выходит из-под контроля, он работает, как спятивший компьютер. Я стараюсь быть свидетелем всего этого абсурда, но этот монстр не останавливается!*

Позволь монстру не останавливаться и не беспокоиться о нем. Проблема в беспокойстве, не в монстре.

Все в мире движется не останавливаясь: река течет без остановки, облака плывут в небе без остановки, птицы щебечут на деревьях. Зачем же ты сражаешься со своим умом? Позволь ему не останавливаться — не беспокойся о нем.

Свидетельствование — это не усилие. Свидетель появляется, когда ты ни в чем не заинтересован. Будь безразличным по отношению к уму; свидетель появляется в атмосфере беспристрастности. Сама идея того, что нужно остановиться, что нужно успокоиться, что нужно что-то делать с этим непрекращающимся процес-

сом, неправильна. Тебе не нужно ничего делать. Если ты будешь что-то предпринимать, это не поможет тебе — это лишь приведет к беспокойству, но не поможет тебе. Именно поэтому во время медитации ты чувствуешь, что твой ум становится более беспокойным; когда ты не медитируешь, он не так беспокоен. Во время медитации ты слишком озабочен состоянием своего ума, все твои усилия направлены на то, чтобы успокоить его. Но почему? С какой стати ты беспокоишься по поводу ума? Что в нем плохого? Позволь мыслям быть, пусть они движутся, как облака.

Когда ты беспристрастен, неожиданно для себя ты можешь стать наблюдателем. Чем еще ты можешь заниматься, когда больше нечего делать? Ты можешь только наблюдать, быть свидетелем — а в свидетельствовании ум останавливается. Это не значит, что ты его останавливаешь. Никто не способен остановить ум, потому что «останавливающий» тоже является частью ума. Идея о медитации тоже принадлежит уму — идея о том, что, если ты будешь пребывать в тишине, ты сможешь достигнуть окончательной истины, тоже принадлежит уму. Не будь глупцом! Ум не может успокоить ум. Кто задает этот вопрос: ты или твой ум?

Ты абсолютно не осознаешь себя; ум играет тобой. Единственное, что ты можешь сделать, что в твоих силах, — это быть беспристрастным и позволять уму не останавливаться. Когда ты беспристрастен, между тобой и умом внезапно может возникнуть дистанция. Ты постоянно прислушивался к уму, потому что он все время стучался в твою дверь, но теперь ты беспристрастен. Теперь внутри тебя нет беспокойства по поводу того, остановился ум или нет, ты больше не выбираешь. Ты говоришь уму: «Хочешь продолжать — продолжай. Хочешь остановиться — можешь остановиться. Меня это нисколько не волнует». Отсутствие беспокойства —

вот что нужно. В этой атмосфере беззаботности и бесстрастности появляется свидетель. Ты вдруг начинаешь видеть, что ум никогда не принадлежал тебе; это компьютер, это механизм. Ты совершенно не связан с ним.

Отбрось все усилия, направленные на то, чтобы успокоить ум, и просто оставайся пассивным, наблюдая за тем, что происходит. Не давай никаких указаний уму, не говори: «Будь вот таким». Не управляй своим умом и не контролируй его. Все существование находится в движении, ничто не беспокоит тебя — почему же ты делаешь исключение для ума, этого маленького компьютера, маленького механизма? Наслаждайся им, если можешь. Если не можешь, будь беспристрастен. И тогда однажды ты вдруг обнаружишь, как что-то, пребывающее в глубоком сне, начнет пробуждаться; в тебе появится новая энергия — благодаря дистанции между тобой и умом. Ум будет продолжать отдаляться — он будет все дальше и дальше от тебя. Он будет продолжать болтать, но ты будешь знать, что он болтает где-то очень далеко, у звезд; ты даже не будешь иметь представления, о чем он говорит. И эта дистанция между тобой и умом будет увеличиваться и увеличиваться, и однажды ты вдруг не сможешь обнаружить свой ум.

Эта тишина качественно отличается от той тишины, которую ты практикуешь. Истинная тишина возникает спонтанно, это не что-то, что создается в процессе практики. Если ты создаешь ее в процессе практики, то такая тишина фальшива. Ум очень изворотлив, он может дать тебе ложное представление о тишине — она тоже будет относиться к уму. Поэтому не старайся успокоить ум. Лучше стой в стороне, на обочине дороги, и наблюдай за движением. Просто наблюдай, смотри незаинтересованными глазами, бесстрастно, и то, чего ты так

сильно желаешь, случится — но не благодаря желаниям. Потому что желания не позволят тебе остаться беспристрастным. Будда использовал слово *упекшиа*; это слово означает «абсолютное беспристрастие». И он говорит, что вы никогда не станете медитативными, если не достигнете упекши, беспристрастия. Это самое важное, это почва, на которой прорастает семя медитации — другого пути нет.

Второй вопрос:

*Ошо,
Тысячелетиями просветленные мастера помогали своим ученикам меньше использовать слова и больше — тишину. Лао-цзы говорил меньше всех. Но ты говоришь больше, чем кто-либо на земле! Почему?*

Они старались, но у них ничего не вышло с вами. Поэтому я подумал: а не попробовать ли обходной путь?

Третий вопрос:

*Ошо,
Говорят, что все знание неба и земли содержится в шестидесяти четырех гексаграммах И-Цзин («Книги Перемен»). Так ли это? И если да, то как ими пользоваться?*

Все знания неба и земли содержатся во всем, а не только в шестидесяти четырех гексаграммах И-Цзин. Даже в самом маленьком камушке содержатся все знания неба и земли, в самой маленькой травинке содержатся все знания неба и земли; они содержатся во

всем — потому что каждая частица существования несет в себе целое. Каждая капля моря содержит в себе целое море — все знание о море, вся сущность моря заключены в капле. Капля — это море. Может, это не то же самое море, но это море.

Ты тоже содержишь в себе целое. Поэтому нет необходимости обращаться к *И-Цзин* и гексаграммам; лучше иди внутрь, ведь в конечном счете *И-Цзин* не сможет ничего сказать тебе — тебе самому придется интерпретировать послание. Если ты читаешь карты Таро, или *И-Цзин*, или пользуешься каким-либо другим методом, то кто интерпретирует? Ты. Поэтому, в конце концов, все зависит от тебя.

Если ты не пробужден, никакой *И-Цзин* тебе не поможет. А если ты пробужден, то все вокруг — гексаграмма, *И-Цзин*. Поэтому не теряй времени ни на что другое: становись пробужденным!

Когда вы пробуждены, вы видите, что Вселенная проявляет себя повсюду. В каждой травинке можно обнаружить признак божественного. И если вы способны понять травинку, вы понимаете все — основу всего и все целиком.

Поэтому не обманывай себя. Люди обманывают себя миллионами способов. Они растрачивают свое время миллионами способов, надеясь, что так или иначе смогут пробраться в храм через черный ход. Но черного хода не существует. В храме нет никакой задней двери — есть только главная дверь. Ты найдешь много черных ходов, но они не ведут к внутренней святыне. Тебя может ввести в заблуждение какой-нибудь шарлатан или еще кто-то.

Черного хода не существует, потому что существование не считает нужным что-то скрывать. Посмотри вокруг! Все так открыто, все тайны открыты. Ничего не спрятано, тебе просто нужны глаза, чтобы видеть это,

и осознанность, чтобы понять это; ты должен обладать способностью наслаждаться этим. Все вокруг — это открытая тайна, с самого начала ничто не было спрятано. Существование открыто, только ты закрыт. Когда закрытый ум работает с *И-Цзин* — что ты сможешь увидеть? Только собственное отражение; ты увидишь себя в *И-Цзин*, в нем будет отражаться твое собственное бессознательное.

Эти методы — всего лишь зеркала. Они отражают твое собственное бессознательное — не более того. Ты никогда не увидишь в них ничего нового, они просто отражают тебя. Но ты не знаешь себя, поэтому тебе кажется, что благодаря им ты получил что-то новое, приобрел новые знания.

Я слышал...

Русский премьер Хрущев приехал в Париж и отправился на выставку современной живописи. Он был невежественным человеком, далеким от искусства, — он был начисто лишен чувства прекрасного. По правде говоря, он был вульгарен. Но его пригласили и ему пришлось пойти.

На этой выставке были представлены произведения величайших художников. Хрущев посмотрел на одну картину и сказал:

— Я не понимаю. Это выглядит уродливо.

Человек, который знакомил его с выставкой, известный искусствовед, объяснил:

— Это картина Пикассо, и она является одним из самых прекрасных творений этого столетия, но ее трудно понять. Она не настолько обычна, что ее сможет понять любой. Вам нужно повысить свой уровень эстетического восприятия, свою чувствительность; только тогда вы сможете понять, что это за картина.

Они пошли дальше. Хрущев чувствовал себя отвратительно. Он и представить себе не мог... в России такого никогда не случилось бы. Ни один критик, ни один художник никогда не осмелился бы сказать, что ему не хватает понимания.

У следующего полотна он несколько минут простоял в глубокой задумчивости и затем произнес:

— Я думаю, что это тоже Пикассо.

Но критик сказал:

— Извините, сэр, это просто зеркало. Вы смотрите на свое отражение.

Хрущев был уродливым человеком — его отражение могло выглядеть для него как картина Пикассо, оно было таким же искаженным.

В *И-Цзин* ты найдешь только зеркало. Если бы Будда читал *И-Цзин*, то картина была бы другой: зеркало отразило бы Будду. Если бы Лао-цзы читал *И-Цзин*, эта книга отразила бы Лао-цзы. Если читаешь ты, то, конечно, ты увидишь себя. Ты увидишь только свое лицо.

Поэтому не занимайся пустяками. Сначала стань буддой, потом можно будет посмотреть в зеркало. Но будда не тратит время на то, чтобы смотреться в зеркало. Это загадка. Ни один будда не тратит время на то, чтобы смотреться в зеркало, так как глубоко внутри он знает собственное существо настолько хорошо, настолько полно, что ему не нужно зеркало. Ты нуждаешься в зеркале — но оно просто показывает тебе самого себя. И ты будешь продолжать обманывать себя. Ты найдешь в *И-Цзин* то, что хочешь найти, и переложить ответственность на эту книгу.

Однажды Мулла Насреддин не пошел на работу. Вечером он пришел ко мне. Он выглядел очень веселым, потому что проспал весь день, забыв обо всем на свете.

Я поинтересовался:

— Насреддин, почему ты сегодня устроил себе выходной?

— Не смог удержаться, — ответил он. — Я подбросил монетку сегодня утром, чтобы решить, идти на работу или нет. Если бы выпал орел, мне пришлось бы идти, если решка — я устраиваю выходной.

Тогда я спросил:

— Значит, тебе выпала решка?

Мулла ответил:

— Да! Правда, для этого мне пришлось подбросить монетку десять раз.

Вот что обычно происходит. *И-Цзин*, карты Таро, что-нибудь еще — всегда происходит одно и то же. Делай, что хочешь, но почему ты перекладываешь ответственность на бедную «Книгу Перемен»? Делай и принимай ответственность за то, что ты делаешь. Вот и все.

Да, я говорю, что все содержится во всем. Даже в *И-Цзин* заключена вся Вселенная. Иначе и быть не может. Так проявляет себя существование. В каждой его частице содержится целое, содержится вся полнота. Куда бы ты не направлялся, ты движешься в целое, но то, как ты истолкуешь его, зависит от твоего понимания.

Поэтому меня не беспокоит *И-Цзин*, я беспокоюсь о тебе и твоём понимании. Старайся расти в своём понимании. Не трать время ни на что другое. Жизнь коротка, а успеть нужно многое. Не занимайся ерундой.

Четвёртый вопрос:

Ошо,

Имеют ли какое-либо значение в Дао духовность и рост?

Никакого. Потому что Дао — это все то, что происходит прямо сейчас. Дао — это настоящее. Рост привносит в ситуацию будущее. Сама идея развития привносит будущее в ситуацию, и тогда все искажается. Это не значит, что в Дао вы не растете, на самом деле только в Дао вы и растете, но сама идея роста абсолютно чужда миру Дао. В этом мире не говорят о росте. В нем говорят о том, как *быть*, а не о том, как расти.

И если вы знаете, как быть, — это единственный способ расти. Если вы знаете, как быть, — в этот самый момент вы на пути роста. Вам не нужно думать об этом, это придет само собой — именно так река находит свой путь, не пользуясь путеводителем и не спрашивая никого, как ей добраться до океана. Она находит путь. Не пытаясь его найти, она все-таки находит его. Она движется, проживая свою жизнь от момента к моменту; в конце концов она достигает океана. Этот момент проживается тотально, и из него вырастает следующий момент — откуда еще он может вырасти? Он вырастет сам по себе, вам не нужно заботиться об этом. Вы проживаете этот момент тотально, и из него рождается следующий момент. Если вы прожили этот момент тотально, то и для следующего момента, рожденного из этого, появляется возможность быть прожитым тотально.

Если вы знаете, как жить тотально, то и следующий момент вы проживете тотально. С каждым моментом вы будете становиться все более и более тотальными, и рост будет происходить сам по себе. Но если вы слишком беспокоитесь о росте, вы упускаете этот момент — а только в этот момент вы и можете расти. Поэтому Лао-цзы не говорит о росте, он знает, что сам разговор о росте мешает расти.

Человек думает: «Я займусь саморазвитием завтра. Сегодня — не время. Нужно сделать многое другое;

рост может немного подождать. Незачем спешить». И он продолжает откладывать свой рост и проживать этот момент частично, фрагментарно. А следующий момент вырастает из этого, и с каждым моментом вы становитесь все более и более фрагментарными, разделенными на части, расщепленными. Тогда кто же будет расти и как он будет расти?

Вы должны стать теми, кем вы уже являетесь. Вы должны прийти к тому, что у вас было с самого рождения. Вы должны найти в себе само существо, то, что лежит в основе вашего существования, — поэтому работа должна быть сделана прямо сейчас. Текущий момент должен быть прожит очень интенсивно, он должен быть полностью поглощен вами... тогда это становится ростом. Рост — это не идеал в Дао, это побочный продукт.

А духовность и вовсе не заботит Дао — если вы спросите об этом Лао-цзы, он рассмеется. Если вы захотите поговорить о духовности с Лао-цзы, он может дать вам пощечину или выгнать вон со словами: «Поищите в другом месте. Не лезьте ко мне с такими глупостями». Почему? Потому что в тот момент, когда вы говорите о духовном, вы делите жизнь на духовную и бездуховную — а он за полноту, за целостность. В тот момент, когда вы говорите о духовном, вы осуждаете что-то в материальном, в теле, в мире. Само слово «духовный» несет в себе осуждение, разделение.

Посмотрите на людей, которые считают себя духовными; вы увидите осуждение в их глазах. Не подходите к ним слишком близко — они ядовиты; само их дыхание опасно и заразно. Бегите от них! Каждый раз, когда вы видите, что к вам приближается духовный человек, бегите от него так быстро, как только можете, потому что он болен. Он глубоко невротичен, он шизофреничен, потому что он разделил жизнь на две части, а жизнь — это неделимое целое; она не может быть разделена.

Жизнь — это не душа, жизнь — это не тело, жизнь — это и то и другое. Вы не тело и душа, вы — *телодуша*. Это «и» опасно, отбросьте его. Я видел людей, которые отбросили «и», но все же, когда они думают о *телодуше*, они не могут сделать из этого одно слово, они ставят вместо «и» маленький дефис между словами. И даже этот дефис опасен, отбросьте и его тоже. Пусть *телодуша* будет одним словом. Это одно. Пусть *материяум* будет одним словом; сделайте этот мир и тот мир одним. Позвольте своему богу быть здесь, погрузиться в материю и позвольте материи подняться до божественного. И тогда сможете ли вы говорить о духовности?

В Индии эта болезнь очень стара — болезнь духовности. Ко мне приходят люди, духовные люди. Имея неправильное представление обо мне, они иногда приходят ко мне по ошибке. На одном дыхании они говорят о своей духовности и о материализме других. В Индии есть такое клише, что Запад материален, а Восток духовен. Это полная ерунда. Это исходит от фанатичного, шизофреничного ума. Это возникает в результате разделения между телом и душой — и тогда разделяется все, тогда вся ваша жизнь будет всегда нести в себе разделение. Даже тело разделяется на две части: верхняя часть тела считается чем-то более высоким, а та, что ниже пупка, оценивается ниже. Мало того что тело и душа существуют порознь, так еще и само тело разделено: нижняя часть считается грязной, верхняя часть — священной, божественной. Но в каком месте тело разделено? Вы можете определить то место, где начинается нижняя часть тела? Кровь циркулирует по всему телу — одна и та же кровь. Тело — это единая система, как вы можете делить его на части? Скажите тем людям, которые делят тело на части: «Отрежьте нижнюю часть тела и живите только в верхней части. Тогда посмотрим». Они умрут в тот же миг.

Вот что происходит с духовными людьми — они становятся мертвыми. Таково мое наблюдение: даже в материалистах больше жизни, чем в так называемых духовных людях, потому что глубоко внутри материалисты чувствуют, что когда-нибудь они попытаются стать духовными. Они не осуждают других. Скорее наоборот, они осуждают себя за то, что они идут не в храм, а к проститутке, за то, что они не молятся, а веселятся на вечеринке. Они знают, что делают что-то неправильное, они чувствуют себя виноватыми. У них есть перспективы, поскольку их это способно чувствовать боль. Но духовный человек действительно эгоистичен. В сущности, концепция бога была создана величайшими эгоистами в мире — чтобы осуждать других и возвышать себя.

Бог совершенен, но бог так называемых духовных людей далек от совершенства. Их бог — это абстракция, мысль, чистая мысль без какой-либо жизни внутри.

В этом смысле Лао-цзы совсем не духовен, и он не потерпит никакой духовности рядом с собой. Он просто отстаивает целостность, неразделенность.

Я тоже за неразделенность. Когда я посвящаю вас в саньясу, я не посвящаю вас в духовность, я посвящаю вас в жизнь целого — я хочу сделать вас святыми, а не духовными. Запомните, под святостью я всегда имею в виду полноту, в которой ваша жизнь будет целостной — органически целостной жизнью, в которой соединены тело, душа, мир, бог, рынок и медитация. Это жизнь, в которой нет разделений; это свободно текущая и ничем не ограниченная энергия.

Я не хочу, чтобы ваше существо состояло из отдельных ячеек. Ваше существо должно быть текучим, как жидкость. Вы должны быть смелыми, настолько смелыми, что грешник в вас сможет ужиться со святым и святой не будет бояться, а грешник не почувствует осуждения. Когда грешник и святой начинают сближаться

и однажды сливаются в одно целое, человек становится святым. Тогда вы ничего не отвергаете, вы не говорите «нет», вы говорите «да» целостности жизни — такой, какая она есть, не требуя от нее ничего. Если вы говорите «да» целостной жизни — вы становитесь тем, кого я называю религиозным человеком.

У Лао-цзы тот же самый подход. Он не беспокоится о росте. Рост происходит сам по себе — просто проживайте настоящий момент. Лао-цзы не беспокоится о духовности — просто живите тотально, а духовность позаботится о себе сама. Она придет... как цветение, не как дисциплина.

Когда человек тотален, жизнь превращается в цветение. Это цветение и является духовностью. Духовность — это не позиция, не дисциплина. Это следствие жизни, проживаемой тотально, радостно, празднично; жизни без сожалений; жизни, проживаемой отважно, интенсивно. И тогда она превращается в цветение.

Пятый вопрос:

Ошо,

Ты говорил о равновесии, о точке пересечения, о взаимопроникновении противоположностей, но все это, как мне кажется, находится за пределами времени и скрыто от меня. Как же я могу узнать об этом, если я принадлежу времени?

Ты живешь и во времени и вне времени, иначе было бы невозможно достигнуть равновесия. Но ты знаешь только одну часть своего существа — ту, которая принадлежит времени. Если ты познаешь свое существо полностью, тебе откроется и та часть, которая живет вне времени. Для целого не существует времени. Время — это относительное понятие, оно необходимо

только тем людям, которые нецелостны. Это нужно понять — это вопрос очень тонкий и сложный. Тема времени — одна из самых трудных для понимания.

Блаженный Августин сказал: «Я знаю, который час, когда меня об этом не спрашивают, но когда меня спрашивают, я не знаю». Все знают, который час, когда их об этом не спрашивают; но если кто-то настаивает на том, чтобы вы дали определение времени, объяснили, что это такое, вы теряетесь. Вы пользуетесь временем, каждое мгновение говорите о нем, вы его очень хорошо чувствуете, но когда вас просят сформулировать, что это такое, вы попадаете в затруднительное положение.

Тема времени — одна из самых сложных тем. Попробуйте в это вникнуть. Время относительно — это первое, что нужно понять. Оно не абсолютно. Для Вселенной в целом времени не существует, потому что она не может двигаться из одной точки в другую; обе точки находятся в ней. Она содержит в себе все — прошлое, настоящее, будущее. Если она не содержит в себе будущее, как будущее вообще может существовать? Целое не может перемещаться во времени, так как оно содержит в себе и время тоже. Время — это часть существования. Вот почему мы говорим, что целое обитает в вечности: вечность означает отсутствие времени. В целом нет никакого времени. Целое включает в себя все — прошлое, настоящее, будущее.

Для нас время существует, потому что мы разделены на части, у нас нет целостности. Пространство существует для нас, потому что мы разделены на части. Для целого не существует пространства, потому что целое включает его в себя. Пространство не может куда-то перемещаться, поскольку нигде нет ничего другого. Пространство заполняет собой целое. Куда оно может перемещаться? Оно существует здесь

и сейчас, оно всегда здесь и сейчас; по-другому и быть не может.

Ты живешь во времени и вне времени. Если ты живешь раздробленной жизнью, если ты живешь неполной жизнью, если ты большую часть времени спишь, значит, ты живешь во времени. Если ты полностью пробуждаешься, ты неожиданно оказываешься в вечности — вне времени. Ты становишься целостным; время для тебя перестает существовать.

Немецкий мистик Экхарт был при смерти.

Один из учеников, очень любопытный, любознательный человек, студент, изучавший философию, спросил его:

— Мастер, я знаю, что ты умираешь, но я бы очень хотел, чтобы ты, прежде чем покинуть тело, ответил на один вопрос, иначе он будет преследовать меня всю оставшуюся жизнь.

Экхарт открыл глаза и произнес:

— Что за вопрос?

Ученик спросил:

— Когда ты умрешь, куда ты уйдешь?

Экхарт сказал:

— Никуда идти не нужно.

После этого он закрыл глаза и умер.

«Никуда идти не нужно», — сказал он. Я не думаю, что человек, задавший вопрос, был удовлетворен, но этот ответ прекрасен. Он требует очень глубокого понимания. Экхарт сказал: «Никуда идти не нужно». Это означает: я — везде. Зачем куда-то идти?

Тот же самый вопрос постоянно задавали Будде: когда умирает будда, куда он уходит? Будда всегда смеялся и ничего не отвечал.

Когда этот же вопрос ему задали перед смертью, Будда попросил:

— Принесите маленькую свечу.

Свечу принесли.

— Зажгите ее.

Когда свечу зажгли, он сказал:

— Поднесите ее ближе ко мне.

Свечу поднесли совсем близко, и неожиданно Будда задул ее и спросил:

— Куда ушло пламя? Где сейчас огонь?

Ученики не знали, что ответить.

На санскрите прекращение горения называется «нирваной». Поэтому Будда сказал:

— Когда будда умирает, он исчезает так же, как этот огонь. Он становится единым с целым. Поэтому не важно, куда он уходит — куда может уйти целое? Куда ушло это пламя? Оно стало единым с целым. Оно не существует больше как отдельное пламя, оно потеряло свою индивидуальность.

Вот почему слово «нирвана» стало таким важным в буддийской терминологии. Оно означает прекращение горения, исчезновение пламени. Пламя остается, поскольку ничто из существующего не может исчезнуть, но вы его не видите. Как вы можете увидеть пламя, которого больше нет? Индивидуальность потеряна, форма потеряна. Как вы его увидите? Но можете ли вы сказать, что его нет? Оно есть, потому что как может исчезнуть то, что было? Конечно, оно исчезло; конечно, оно стало единым с бесформенным; конечно, оно стало единым с целым — но оно есть. Теперь оно существует как целое.

У тебя есть обе возможности. Ты можешь жить во времени, тогда ты живешь умом. Ум существует во времени, потому что ум разделяет жизнь на настоящее,

прошедшее и будущее. Ум разделяет. Он великий аналитик и великий прозектор. Он все препарирует. Если ты живешь, используя ум, тогда ты живешь во времени. Но ты можешь проживать жизнь напрямую, непосредственно, без участия ума. Ты можешь отбросить ум, и тогда твоя жизнь будет протекать вне времени, в вечности. В этой жизни нет ни прошлого, ни будущего, есть только настоящее, настоящее и настоящее. Оно всегда здесь.

Прошлое — это настоящее, которое ты уже не можешь видеть, а будущее — это настоящее, которое ты пока еще не можешь видеть. Прошлое — это настоящее, которое прошло мимо тебя, за пределами твоего восприятия; будущее — это настоящее, которое еще не вошло в границы твоего восприятия.

Вот маленький пример, подумай над ним. Ты ждешь кого-то, стоя под высоким деревом. Ты смотришь на дорогу, но поле твоего зрения ограничено. Ты можешь видеть часть дороги с одной стороны и часть — с другой стороны, а затем дорога исчезает. Другой человек сидит на верхушке дерева, он может видеть дальше. Он может видеть на милю в одну сторону, на милю в другую сторону.

Ты ждешь друга. И друг появляется — но не для тебя, а для человека, который сидит на дереве. В тот момент, когда кто-то появляется на дороге, он становится «настоящим» для человека на дереве, но для тебя он все еще «будущее» — ты его еще не видишь. Пока он не пересечет границы твоего восприятия, он не будет «настоящим». Он остается «будущим». Прошлое, будущее, настоящее относительно; они зависят от твоего роста и от того, как высоко ты сидишь.

Вот почему джайны утверждают, что для Махавиры благодаря его росту открыты три времени. Он может видеть все как непрерывность, ничто не скрыто от него.

То, что для тебя является прошлым, для него — настоящее; то, что для тебя является будущим, для него — тоже настоящее.

Итак, друг появляется — ты говоришь с ним, и он уходит. Через какое-то время он скрывается из твоего поля зрения, для тебя он становится «прошлым». Но для человека на верхушке дерева он все еще является частью настоящего. Все зависит от того, насколько широк диапазон твоего понимания. Если этот диапазон безграничен, то времени не существует. Тогда ты можешь видеть все как непрерывность. Тогда все, что относится к прошлому, относится также и к настоящему — все происходит прямо сейчас. И все, что случится в будущем, тоже относится к настоящему — все происходит прямо сейчас. Тогда нет прошлого, нет будущего; есть только настоящее. Существует только единственное мгновение настоящего — и это мгновение является вечностью.

У тебя есть обе возможности. Ты можешь жить умом, тогда ты ограничен. Ты как будто смотришь на небо через окно — и границы окна становятся границами неба. Границы ума становятся границами твоего мира. Но можно выпрыгнуть из окна; и над тобой раскинется все небо. И не будет никаких границ.

У французских художников появилась новая тенденция: не помещать картины в рамы. Это прекрасно, потому что любые ограничения ведут к фальши. В жизни все существует без ограничений, но когда пишется картина, ее помещают в раму. И эта рама — самое фальшивое, что может быть. И ирония заключается в том, что люди иногда покупают картину ради красивой декоративной рамы, которая стоит дороже самой картины. Рама обладает большей стоимостью и ценностью — и при этом она является фальшивкой. Жизнь существует без всяких ограничений. Ты видел, чтобы

жизнь была ограничена какими-нибудь рамками? Но вы приобретаете картину, и тут же в ваше существование входит рама. Рама — это фальшивка. Все ограничения идут от ума; ум старается ограничить все, что не имеет границ, не имеет форм.

Ты можешь быть и тем и другим, это зависит от тебя. В глубокой медитации ум не участвует. Вначале он продолжает работать, но постепенно, если ты не слушаешь его, он прекращает болтовню. Видя, что никто не беспокоится, видя, что никто не обращает на него внимания, он останавливается.

Ум похож на ребенка. Вы наблюдали за поведением ребенка? Когда ребенок падает, сначала он ищет глазами мать, смотрит, близко ли она от него. Если близко, то он плачет. Если нет, то какой смысл плакать? Тогда он просто встает и снова начинает играть, потому что нет смысла плакать, никто не обратит на него внимания. Никто не побеспокоится о нем, кроме матери. Иногда случается так, что мать приходит через полчаса, и ребенок начинает плакать. Это глупо, но и логично в то же время. Зачем плакать, если матери нет рядом? Даже если больно, то зачем плакать? Когда мать приходит, боли уже нет, но имеет смысл поплакать, потому что мать может обратить на него внимание!

Ум похож на ребенка. Если вы обращаете на него внимание, он начинает кричать. Если вы обращаете на него внимание, он создает проблемы. Если вы обращаете на него внимание, он никогда не останавливается — и этому нет конца. Если на ребенка не обращать внимания, он вдруг понимает, что матери нет рядом, и перестает плакать. Когда ум останавливается, вы начинаете видеть реальность непосредственно, напрямую. Тогда между вами и реальностью нет посредника, реальность больше не искажается. Тогда ваше восприятие становится чистым и ясным — и вы пребываете в вечности.

Шестой вопрос:

Ошо,

Может ли эго совершить самоубийство?

Нет, потому что эго не существует. Чтобы эго могло совершить самоубийство, нужно, чтобы оно существовало. Давайте поставим вопрос по-другому: может ли тень совершить самоубийство? Тень не может совершить самоубийство, потому что ее не существует. Если вы совершите самоубийство, если вы отрежете себе голову, то и тень будет без головы. Она просто следует за вами. Это — это ваша тень, оно не может совершить самоубийство. Если вы отрезаете себе голову, то самоубийство совершается — но это не эго его совершает, это просто случается.

Попытайтесь понять: эго не материально, эго похоже на тень. Тело двигается — появляется тень, физическая тень; ум двигается — появляется ментальная тень. Эта ментальная тень и есть эго. Когда ум останавливается, эго исчезает, когда ум не функционирует, эго нет. Когда ум функционирует, эго существует; когда ум функционирует слишком интенсивно, эго становится очень большим. Вот почему вы видите, что те люди, которые слишком много работают головой, гораздо эгоистичнее других. Брамины, ученые, профессора, пандиты, так называемая интеллигенция, — все они обладают очень изоциренным эго. Интеллектуалы, писатели, поэты, философы тоже имеют очень изоциренное эго. В них нет ничего, кроме эго, — так много работать головой!

Люди, которые работают руками, которых так и называют «рабочие руки», — это скромные люди. Посмотрите, как живут труженики, рабочие, крестьяне в маленьких деревнях — те, кто работает руками. Это скромные люди.

Есть история о Конфуэии. Она такая же старая, как истории о Лао-цзы.

Конфуэий, путешествуя, проезжал через одну деревню. Он увидел очень старого — около девяноста лет — человека, который носил воду из колодца и поливал свое поле. Это была тяжелая работа, и палило солнце. Думая, что старик не знает о существовании механических приспособлений, с помощью которых можно доставать воду из колодца — вместо человека это могли бы делать быки или лошади, — Конфуэий подошел к нему и спросил:

— Разве ты не слышал, что сейчас есть специальные устройства? Они позволяют легко доставать воду из колодца, и то, что ты делаешь за двенадцать часов, можно сделать за полчаса. Это могут делать лошади. Зачем напргаться без необходимости? Ты уже старик...

Старик ответил:

— Это всегда хорошо — работать руками, потому что, когда появляются хитрые приспособления, появляется и хитрый ум. Только хитрый ум использует хитрые приспособления. Не пытайся искушать меня. Я старый человек, позволь мне умереть таким же невинным, каким я был рожден. Работать руками — хорошо. Это позволяет мне оставаться смиренным.

Конфуэий вернулся к своим ученикам. И те спросили его:

— О чем ты говорил с этим стариком?

Конфуэий ответил:

— Должно быть, это ученик Лао-цзы. Он сразил меня наповал, и его аргументы верны.

Когда вы работаете руками, никакой тени головы нет и в помине: человек остается скромным, невинным, естественным. Когда вы начинаете использовать

хитроумные приспособления, голова вступает в дело. Человека, который работает головой, руководит, называют «главой», «главным». Не становитесь «главными». Даже быть чиновником — очень плохо, но быть главным чиновником... Старайтесь быть простыми тружениками. Простые труженики осуждаются, потому что они не такие хитрые, не такие конкурентоспособные; они выглядят примитивными. Старайтесь больше работать руками, и вы увидите, что тень становится все меньше и меньше.

Это не может совершить самоубийство, потому что его нет. Если вы совершаете самоубийство, происходит то, что я называю *самадхи*, то, что я называю конечной медитацией. Если вы совершаете самоубийство, это означает, что, исчезая, вы становитесь никем — вы больше не отбрасываете тени.

В старые времена считали, что, когда человек становится буддой, его тело перестает отбрасывать тень. В этом, должно быть, есть глубокий символический смысл. Это не означает, что когда будда идет по земле, он не отбрасывает на нее тени — тень отбрасывается, но внутри него тени нет. Он движется, он работает, он что-то делает, но делатель внутри него отсутствует. Вот почему тень не падает. Если нужно, он даже думает, но думающий отсутствует; вот почему тень не падает. Он живет, но он не манипулирует, не контролирует. Он течет, его жизнь спонтанна. Ему даже не нужно плыть, его просто несет река. Он не прилагает никаких усилий, он просто полностью отпускает себя — «будь, как будет». Он течет. Он предоставляет реке делать все, что нужно, — и тогда тени не отбрасываются, это исчезает.

Не сражайтесь непосредственно с эго. Если вы будете это делать, вы проиграете, потому что никто не может победить тень. Если вам нужно сделать что-то с

тенью, вам придется заняться своим существом. Что-то с ним не так, что-то не так с пониманием. Вы пусты внутри — осознавайте все в большей и большей степени свою внутреннюю пустоту, и однажды вы вдруг обнаружите, что это оставило вас. В действительности, вы поймете, что его никогда не было, — это была ложная идея, это была иллюзия. Это был мираж. Это не было — была только видимость; это не было реальностью, это был сон — точнее говоря, кошмарный сон.

Седьмой вопрос:

*Ошо,
Может ли человек, который проживает состояния гнева и сострадания, проживать также и состояния любви и ненависти?*

Да. Когда человек тотален, он тотален — без всяких условий. Но его ненависть имеет другое качество, в его ненависти больше любви, чем в вашей любви, а в его гнев больше сострадания, чем в вашем сострадании. Поскольку он живет тотально, все приобретает иное качество. Все, что он делает, — другое. Вы не можете осуждать его, потому что вы не знаете, что такое тотальность. Вы знаете, что такое любовь, вы знаете, что такое ненависть, — вы когда-то любили и что-то узнали об этом, вы когда ненавидели и что-то узнали об этом, — но вы никогда не были тотальными. Когда вы тотальны, ваша любовь имеет иное качество: ваша любовь содержит в себе энергию ненависти. Вы обращали внимание на то, что любовь никогда не бывает так сильна, как ненависть? Когда вы ненавидите кого-то, вы действительно ненавидите. Когда вы любите, вы любите так себе. Когда вы любите, вы никогда не отдаетесь этому полностью. Но когда вы ненавидите, ваша нена-

висть действительно сильна — замечали ли вы, что ваше сострадание бессильно, что оно является лишь фасадом, маской, в то время как ваш гнев реален?

Все негативное воспринимается как реальное, настоящее, а все прекрасное выглядит фальшивым. Когда человек тотален, его любовь так же интенсивна, как и его ненависть. И когда такой человек ненавидит, его ненависть несет в себе тотальную любовь — он ненавидит, потому что любит, и он может испытывать гнев, потому что испытывает сострадание.

Это трудно. Это приведет вас в сильное замешательство, потому что прямо сейчас вы не можете понять это, прямо сейчас понимание еще не созрело в вас. Когда-нибудь вам придется прийти к этому.

Отбросьте свою мягкотелость! Для этого нужна храбрость. Нужна огромная смелость, чтобы жить тотально, потому что тогда никто не знает, что может произойти. А вы всегда боитесь. Вы любите кого-то, и вы боитесь рассердиться на него или на нее, потому что вы не уверены, любите ли вы на самом деле. Вы не знаете, может ли любовь противостоять гневу. Может ли любовь выжить, если возникает гнев? Из-за этого страха вам приходится подавлять гнев. Вы не уверены в своей любви. Вы чувствуете что-то; может быть, это любовь, а может быть, — нет... неясное чувство. Вы живете, словно в тумане, в дыму; вам трудно что-либо различить, ваше восприятие затянато облаками. Поэтому вы боитесь: слишком сильный гнев может разрушить ваши взаимоотношения. Нет! Лучше подавить гнев! И вы подавляете свой гнев; гнев становится частью вас — и когда вы любите, в любви проявляется также и гнев.

Посмотрите на пару, занимающуюся любовью. Вы увидите, что в этом присутствует жестокость. Акт любви лишен изящества. Посмотрите на лицо мужчины

в этот момент — кажется, что он готов убить женщину. Может быть, поэтому женщины всегда закрывают глаза, когда занимаются любовью: лучше не видеть, что собираются с ними делать мужчины. Все это выглядит отвратительным. Лицо искажается — оно должно бы быть прекрасным, но оно искажено. Прекрасные лица становятся уродливыми, как будто человек проходит через агонию, как будто это не экстаз, а агония. Посмотрите на лицо женщины — оно искажено, косметика растеклась. Лицо больше не кажется красивым, и, похоже, она испытывает сильную боль, подавляя все это.

Даже занимаясь любовью, люди боятся, что если они действительно тотально пойдут в это, они подвергнут себя опасности. Ум зажигает красный свет: «Стоп! Дальше ни шагу!» Все, что было подавлено, может подняться в любой момент. Оно стучится в дверь: отворите!

Поэтому люди не могут расслабиться даже в любви — расслабление возможно только при отсутствии всяких условий. Не бывает обусловленного расслабления. Когда вы расслаблены — вы расслаблены для любви, вы расслаблены для гнева, вы расслаблены для ненависти. Когда вы открываете дверь — вы открываете ее не только для друга, но и для врага. Если вы оставляете дверь открытой на ночь, в нее может войти друг, а может — и враг. Поэтому вы предпочитаете держать дверь закрытой. Но через закрытую дверь не войдет ни тот ни другой — ни друг, ни враг.

Вы никогда не испытывали реальный гнев, истинный гнев. Вы не можете любить по-настоящему. Когда вы тотальны, вы все делаете по-настоящему, никогда не задумываясь о последствиях. Такова моя математика жизни: если вы живете тотально, то, что бы ни происходило, — все к лучшему. Все что угодно! Это всегда

хорошо. А если ваша жизнь фрагментарна, то, что бы ни происходило, — это всегда плохо.

Вы можете видеть на своем собственном примере, что вы живете так, как положено джентльмену: ваша жизнь ни горячая, ни холодная — она лишь слегка теплая, вялая. Что в ней происходит? Ничего, почти ничего. Вы растрачиваете жизнь попусту.

Остановитесь. Станьте подлинными. Это опасно, иначе все стали бы подлинными. Это опасно, иначе почему очень многие люди неподлинны, фальшивы? Потому что они трусы — вечно дрожащие, пытающиеся с помощью манипуляций сделать свою жизнь чуть более комфортной. Если вы хотите жить комфортно, то вам лучше оставаться трусом.

Но комфортная жизнь — это не что иное, как комфортная смерть. Настоящая жизнь горит с двух концов. Это пламя — которое всегда находится в окружении смерти, в окружении опасности. Когда смерть приближается к вам, возникает и чувство опасности. Только в таком окружении жизнь достигает своей высшей точки.

Последний вопрос:

*Ошо,
Несколько дней назад птица прилетела умирать
к твоим ногам. Можно ли и нам, когда настанет
наш черед, прийти к тебе, чтобы умереть у твоих ног?*

Вам не нужно будет приходить, я буду там. Если вы действительно любите меня и доверяете мне, я буду там. Но не нужно ждать смерти. Я могу поддержать вас в момент смерти только в том случае, если я присутствую в вашей жизни.

Жизнь — это критерий. Смерть — это кульминация. Все, что произошло с вами в жизни, достигает своего пика в смерти, достигает крещендо. Если вы почувствуете, что я присутствую в вашей жизни, в вашем сердце, тогда я буду рядом с вами и в момент вашей смерти. Вам не нужно будет приходить ко мне, я приду сам.

Но не ждите смерти. Сначала все должно произойти в жизни. Вы должны позволить случиться в жизни всему тому, чего вы ожидаете от смерти, потому что жизнь — это подготовка к смерти. И смерть никогда не противостоит жизни — она является ее завершением. Все, что происходило с вами в жизни, достигает своего пика в смерти.

Достаточно на сегодня.

О мудрецах древности

О мудрецах древности Лао-цзы говорит:

Мудрецы древности обладали столь утонченной мудростью
И столь совершенной глубиной понимания,
Что постичь их невозможно.

А так как постичь их невозможно,

Им дается такое описание:

Они осторожны, словно переходят холодный поток;
Нерешительны, словно боятся всего, что окружает их;
Серьезны, словно изображают гостя;
Сдержанны, как начинающий таять лед;
Просты, как необработанное дерево;
Их ум такой же открытый, как долина;
В них — всего понемногу, как в мутной воде.

Кто может обрести покой в этом грязном мире?
Тот, кто, пребывая в тишине, становится чистым.
Кто может постоянно сохранять спокойствие?
Тот, кто через активность возвращается к жизни.
Тот, кто придерживается Дао,
Ограждает себя от чрезмерности.
Так как он огражден от чрезмерности,
Он не подвержен старению и обновлению.

Сократ умирал.

Ученик спросил его:

— Почему ты не боишься смерти?

Смерть была неизбежна, он должен был умереть через несколько минут. Уже готовился яд для того, чтобы убить его. И Сократ сказал:

— Как я могу бояться того, чего не знаю? Сначала нужно посмотреть. Когда я умру, тогда и посмотрим. Есть две возможности. Первая: я умру и от меня ничего не останется. Тогда не будет никого, кто может знать о смерти, кто может пережить ее. Тогда зачем мне беспокоиться об этом? Вторая возможность: я останусь; умрет только тело, но душа останется. Тогда я тоже не вижу никакой причины для волнений. Если я останусь, тогда смерть не имеет значения. Есть только две возможности. Сейчас я не могу сказать ничего о том, что случится. Я не знаю. Пока я не знаю.

Сократ был мудрым человеком, а не просто знающим. Знающий человек всегда даст точный ответ. У человека знаний всегда есть точные ответы, абсолютная ясность во всем — это часть его глупости. На самом деле, только глупый ум может быть уверен во всем. Жизнь — это такая необъятная тайна, такая непостижимая, непознаваемая; если вы мудры, вы не можете быть уверенными ни в чем.

Мудрость осторожна. Мудрость не торопится. Мудрость всегда сомневается. Вот почему мудрость невозможно ограничить какой-нибудь теорией. Все теории меньше, чем жизнь, все теории слишком ограничены, жизнь не может втиснуться в них — жизнь так широка, необъятно широка и бесконечна. Мудрый человек знает только одно: что он ничего не знает. Знающий человек знает тысячу и одну вещь, и он знает, что он знает, — и в этом вся глупость человека знаний. Он

продолжает накапливать факты, не пережитые им самим, теории, слова, философии, не ставшие его внутренней сутью. Он продолжает накапливать их в своей памяти. Он становится огромным резервуаром знаний, он становится Британской энциклопедией — но при этом остается мертвым.

Чем больше его память наполняется разными знаниями, тем меньше и меньше он живет в своем существе. Все больше и больше он живет в своей голове, становится частью, фрагментом и все меньше и меньше соединяется со Вселенной, с существованием. Можно сказать, что он больше не связан с реальностью. Он больше не является частью существования — живой, светящейся, вибрирующей. Он застыл; он больше не двигается в потоке жизни. Он похож на айсберг, замерзший и застрявший где-то — застрявший в голове.

Понимание, когда оно становится знанием, превращается во что-то застывшее; когда понимание становится мудростью, оно превращается в поток. Мудрый человек живет, живет тотально, но он знает только одно — что он ничего не знает. Очень трудно чему-то научиться у мудрого человека. У человека знаний учиться легко. Он может дать вам все, что он знает, он передает это очень легко, для этого достаточно языка. Все что он накопил, он накопил с помощью ума, с помощью языка; это может быть передано очень легко.

Человек знаний становится учителем. Он может вас учить, и он может делать это прекрасно, он может учить вас даже тому, о чем сам не знает. Может быть, поэтому он не сомневается так, как человек, который знает. Потому что, когда человек действительно знает, он знает также и противоположную полярность жизни. Когда человек действительно понимает и знает, он также знает, что все соединяется со своей противопо-

ложностью, все встречается со своей противоположностью и растворяется в ней. Ничто нельзя утверждать со всей определенностью, потому что, как только вы говорите о чем-то определенно, вы останавливаете течение жизни, вы создаете застывший факт. Это больше не часть реки, это айсберг. Теперь вы можете добавить это в кладовую ума.

Мудрый человек не становится учителем — он может быть мастером, но не учителем. В чем разница между ними? Учитель всегда готов учить, а мастер — никогда. Учитель настойчив, активен — мастер ненастойчив, неактивен. Учитель будет преследовать вас и перекадывать свои знания на ваши плечи. Мастер ждет. Вам придется взять у него знания самим, вам придется воспользоваться им. Он не будет преследовать вас, он не будет вас заставлять. Он даже не постучит в вашу дверь — он просто будет ждать. Вы можете воспользоваться его существом. Вы можете войти в его внутреннюю пустоту, внутренний дворец его существа, его внутреннее королевство — но это зависит от ваших способностей. Вам придется самим сделать всю работу. Мастер — это просто присутствие. Если вы чувствуете притяжение, вы «падаете» в это присутствие.

Учитель приглашает вас, учитель старается, учитель делает все возможное, чтобы вы поняли. А мастер просто есть, и он, конечно же, открыт, полностью открыт — для того, чтобы вы могли прийти. Но он даже не делает никакого жеста, потому что жест может быть воспринят как принуждение, жест может заставить вас прийти помимо собственной воли. А это плохо, это может направить вас на ложный путь.

Мастер — это безмолвное присутствие. Вы можете учиться у него, но он не будет учить. Рядом с учителем вы будете студентом. У вас установятся определенные взаимоотношения, двусторонние отношения. Рядом с

мастером вы можете быть только учеником, это односторонняя связь — вам придется учиться самим. Если вы не учитесь — вы не учитесь, если вы учитесь — вы учитесь. Мастер настолько счастлив в своем собственном существе, что его это не волнует. Если вы учитесь, он благословит вас; если вы не учитесь, он тоже вас благословит — он является благословением.

Вы не сдаете экзаменов, когда вы находитесь рядом с мастером, потому что в жизни не может быть никаких экзаменов. Глупо придавать значение экзаменам. Вот почему университеты выпускают все больше и больше глупцов. Этому есть причина — интеллект невозможно подвергнуть экзамену. Не может существовать критерия для его оценки. Единственное, что вы можете оценить, это память, способность запоминать — но не способность понимать. У мастера нет экзаменов. Вы приходите, вы учитесь, вы берете. Он открывает для вас безбрежность и бесконечность.

Человек знаний становится учителем, и к нему притягиваются миллионы людей, потому что, когда вы учитесь, это чувствует себя более сильным. И только очень редкие души притягиваются к мастеру, поскольку рядом с мастером вам придется забыть о том, что вы знаете, рядом с мастером вам придется умереть. Ваше эго будет полностью разрушено, потому что только после этого вы сможете войти в храм, в сокровенную святыню существа мастера.

Мастер — это человек мудрости, но его понимание настолько глубоко, что вы не можете постичь его. Вы можете только прожить его. Мастер знает, но его знание — это та глубина, где встречаются противоположности, где жизнь и смерть становятся синонимами, где существование и не-существование не противопоставлены друг другу, где все реки впадают в океан. Это та глубина, в которой существует мастер.

Его трудно понять, потому что любое понимание будет поверхностным, и все, что вы поймете, будет в большей или меньшей степени неправильным. Не пытайтесь понять мастера. Как вы можете понять его? Как вы можете понять бесконечность? Вы можете прожить ее, вы можете раствориться в ней, вы можете позволить ей раствориться в вас — это возможно. Это похоже на любовь: вы не можете понять любовь, ее пути непостижимы. Вы не можете понять ее, вы не можете обозначить, что это такое. Существуют тысячи определений, но до сих пор нет определения любви, и такого определения никогда не будет. Как только вы даете ей определение, вы тут же чувствуете, что чего-то в нем не хватает. И чего-то всегда будет не хватать, потому что в этом «что-то» и содержится глубина. А определение не может содержать глубину, оно всегда поверхностно.

Мудрый человек живет в глубине. Человек знаний живет на поверхности; мудрый человек живет в центре. Соприкосновение с мудрым человеком происходит от центра к центру. Контакт с учителем, с человеком знаний происходит от головы к голове, от ума к уму.

Мудрые люди постепенно исчезают из мира. На Западе вы больше не найдете философов, вы можете встретить только профессоров философии; это какой-то абсурд. Профессор философии — это не философ. Профессор философии — это просто учитель, но не мудрец, он не похож на Сократа, на Лао-цзы, на Будду. Они не профессора. Они не обучают ничему, они не преподают. Они просто есть: как солнце — вы открываете глаза, и темнота исчезает; как цветок на обочине дороги — вы можете побыть с ним несколько секунд, и его аромат достигает самой вашей глубины; как река — вы просто приходите к ней, томимые жаждой, и ваша жажда утоляется. Они не профессора, они — живые люди.

Они более живые, чем кто-либо другой, и поэтому они так загадочны.

И еще кое-что, прежде чем мы перейдем к сутрам Лао-цзы. На Востоке к прошлому всегда относились с уважением; мы вспоминаем о прошлом с глубоким почтением. На Западе уважение к прошлому полностью исчезло; скорее наоборот, появилось уважение к будущему. Соответственно, на Западе не уважают стариков — если прошлое не уважается, то кто будет уважать стариков? Вы просто миритесь с их существованием; даже говоря о своих собственных родителях, вы только миритесь с их существованием. Когда они становятся старыми, глубоко внутри вас возникает желание: лучше бы они умерли. Потому что теперь какая от них польза? На Западе вы думаете только о пользе; конечно, от молодого человека пользы больше, чем от старого.

Если вы думаете о пользе, то, конечно, молодой человек полезнее, чем старый. Старый человек потерял свою энергию, его тело стало дряблым, он болен, он может умереть в любой момент. Он бесполезен — он просто обуза. Все почтение к старикам исчезло. Это естественно: если вы не уважаете свое прошлое, то, как следствие, вы не можете уважать своего отца, своего деда и вы даже не помните имени своего прадеда. Как будто его никогда не существовало. Вы начинаете больше думать и переживать о своих детях, они — ваше будущее. А они будут думать о своих детях, помните это. Они не будут думать о вас. Поэтому не страдайте от этого и не обижайтесь на них. На Западе важным стало будущее; на Востоке всегда большее значение придавалось прошлому.

В связи с этим многое нужно понять. Почему на Западе важным стало будущее? На Западе господствуют люди знаний: профессора, ученые, писатели, теологи, демагоги от политики. На Западе господствуют люди

знаний, и, конечно, молодой человек может знать больше, чем старый, потому что он стоит на плечах старого человека — он может видеть дальше.

Ваши отцы учились в университетах тридцать или сорок лет назад. За сорок лет все изменилось. Почти все, что знали ваши отцы, устарело. На те книги, по которым они учились, больше не действуют законы об авторских правах. Эти книги больше никому не нужны, вы можете найти их только в магазинах старой книги. Они бесполезны. Все, чему обучались ваши отцы сорок лет назад, бесполезно, потому что за сорок лет произошел взрыв знаний. И это происходит снова и снова. Ваши дети будут знать больше, чем вы; на самом деле, они уже знают больше.

Я прочитал пару коротких анекдотов...

Два маленьких мальчика были в зоопарке со своей старенькой бабушкой. Бабушка объясняла им, кто есть кто. Наконец они подошли к птице, аисту, и старушка сказала:

— Это та птица, которая приносит детей, которая принесла и вас тоже.

Дети начали хихикать и зашептали друг другу на ухо:

— Рассказать ей что ли, как все происходит на самом деле?

Но затем один из них сказал:

— Зачем ее расстраивать? Пусть думает, как ей нравится.

Мулла Насреддин позвал своего сына, потому что настало время рассказать ему о жизни. Он сказал сыну:

— Пойдем в мою комнату, я хочу обсудить с тобой кое-какие важные вопросы. Ты уже взрослый, и тебе пора узнать некоторые вещи.

Мулла немного нервничал — так чувствует себя любой отец, когда ему нужно рассказать сыну о некоторых фактах жизни. Он нервничал, так же как нервничал бы на его месте любой старый, несовременный человек.

Когда они вошли в комнату и Мулла закрыл дверь, мальчик сказал:

— Не волнуйся, папа. Что ты хочешь узнать? Я тебе все объясню, только не нервничай.

Дети сейчас могут рассказать многое — и дети чувствуют, что взрослые несколько невежественны, необразованны. Каждый ребенок на Западе чувствует, что его родители невежественны. Уважения больше нет. Так и должно быть, поскольку в обществе доминируют люди знаний — знаний с каждым днем становится все больше и больше, на смену старым знаниям приходят новые, они непрерывно накапливаются. Конечно, дети более современные, чем их родители. Так и должно быть. Их знания самые новые.

На Востоке в центре всегда был человек мудрости, а не человек знаний. Знания растут, изменяются, постоянно находятся в движении — мудрость же вечна, неизменна. Когда бы вы не обратились к ней, она всегда одна и та же. Она похожа на небо, которое всегда неизменно. Времена года приходят и уходят: то зима, то лето, то пойдет дождь, то перестанет. Деревья вырастают и умирают, меняются поколения и драма жизни никогда не прекращается, но небо остается тем же самым — вечно неизменным, вечно новым, всегда свежим и всегда древним. Мудрость похожа на небо.

Знания можно получить в школах, колледжах, университетах. Мудрости научиться нельзя. Мудрость можно только впитать из жизни — другого способа нет. Поэтому только старый человек может быть мудрым.

Молодой человек может быть более знающим, но он никогда не превзойдет старого человека в мудрости.

Как вы можете быть мудрее старого человека? Мудрость приходит с опытом; знания получают в процессе обучения, они не зависят от опыта. Вы можете напичкать себя знаниями, и если вы достаточно сообразительны, если вы немного смысленнее, чем другие, вы можете узнать больше своего учителя. Вы можете знать больше своего отца, в этом нет ничего сложного. Потребуется лишь небольшое усилие с вашей стороны. Но с мудростью так не получится. Она приходит постепенно в течение жизни. Если вы живете тотально, если вы живете осознанно, только тогда, капля за каплей, мудрость проникает в ваше существо. Это очень тонкий процесс! Нет короткого пути в достижении мудрости. Только старые люди могут быть мудрыми. Если кто-то одновременно и мудр и молод, на Востоке о таком человеке говорят, что он старый, древний.

Есть прекрасная история о Лао-цзы. Рассказывают, что он родился старым; когда он родился, ему было семьдесят четыре года — он оставался в утробе матери семьдесят четыре года. Абсурдная, невероятная, но прекрасная история — в ней что-то есть, в ней содержится что-то очень важное. В ней говорится о том, что с самого детства Лао-цзы походил на старика; он не мог оставаться ребенком, обладая такой мудростью. Это говорит о чем-то. Это символично. Это говорит о том, что когда он был ребенком, он обладал такой мудростью, какой обычно обладает восьмидесятичетырехлетний человек. Должно быть, он был чрезвычайно бдительным.

Если вы чрезвычайно бдительны, даже единственное переживание может дать вам очень много. Если вы небдительны, то вы снова и снова проживаете одно и то же, ничего не извлекая из этого.

Мудрый человек влюбляется один раз, и после этого он знает о любви все. Он проникает в тайну любви, он проживает эту тайну, он погружается в этот мир, но так тотально, что даже самая маленькая его часть не остается непрожитой. И тогда он покидает его. Ему незачем влюбляться снова — он пережил любовь и знает о ней все. Он стал мудрым благодаря этому переживанию. Глупец будет влюбляться снова и снова и никогда не сможет ничему научиться.

Для того чтобы пережить что-то, нужны осознанность и смелость, поэтому очень редко можно встретить мудрого ребенка или мудрого молодого человека. Обычно человек становится мудрым, когда он стар, когда он прожил все сезоны жизни, когда он стал опытным, когда ему знакома любая погода, любое настроение — он знает, какой бывает река жизни летом, когда она превращается в высохшее русло и когда нет ничего, кроме жажды, голода, сухого дна, горящего желания; и он знает, какой река жизни может быть во время наводнения, когда она выходит из берегов, становится угрожающе огромной, похожей на океан.

Он познал все настроения, он исходил все пути, которые предлагает жизнь. Он жил как грешник, он жил как святой, он приобрел богатый опыт. Когда волосы на его голове становятся седыми, его лицо сияет красотой, которая может быть только на лице старика; ее никогда не бывает на лице молодого человека. Молодой человек может быть красив физически. Формы, пропорции, сила — да, молодой человек может быть очень красив. Но если говорить о душе, то она развивается, растет в процессе приобретения опыта — только старый человек может быть красивым.

Молодые очень редко бывают мудрыми, поскольку очень редко люди живут осознанно; очень редко люди живут в медитации. Так что ни один молодой человек

не может соперничать по красоте со стариком. В красоте стариков есть особая грация, глубина; красота молодых поверхностна, в ней нет глубины. В красоте стариков есть глубина — вы погружаетесь в нее все глубже и глубже и никогда не достигаете дна.

Старый человек похож на заснеженную вершину Гималаев. Тишина. Буря миновала. Все, что нужно было узнать, узнано — больше узнавать нечего. Это было отброшено где-то по пути, потому что оно было тяжелой ношей — с этим эго, с этой ношей невозможно подняться на вершину. Когда вы двигаетесь по направлению к вершине, вы постепенно освобождаетесь от того, что у вас есть; перед самой вершиной вам придется освободиться и от самого себя. Вы достигаете вершины как не-существо, поскольку даже существо становится обузой на последних этапах жизни.

На Востоке уважается старость. А если вы уважаете старость, вы уважаете прошлое. На Востоке люди испытывают ностальгию по прошлому.

А теперь сутра:

Мудрецы древности обладали столь утонченной мудростью
И столь совершенной глубиной понимания...

«Мудрецы древности...» На Востоке мудрыми считают тех, кто жил раньше, в древности. По отношению к себе и к настоящему люди скромны. Как вы можете быть мудрее своего отца? Как вы можете быть мудрее своего деда, прадеда? Нет, вы можете только накопить больше знаний. Вы можете знать больше, чем Будда, — скорее всего, вы уже знаете больше, чем Будда, — но вы не можете быть мудрее его. Слово «больше» в разговоре о мудрости лишено всякого смысла. Человек либо мудр, либо нет — мудрости не может быть больше или меньше. О знаниях можно сказать «больше» или «меньше».

Знания относительны, мудрость абсолютна. Вы не можете быть более мудрыми; на самом деле, если вы мудры, то вы очень и очень смиренны.

Лао-цзы чувствует такое смирение в отношении себя и своего времени, поэтому он всегда говорит о мудрецах древности. А если бы у вас была возможность встретиться с мудрецами древности, вы бы обнаружили, что и они говорят о мудрецах прежних времен.

В восточных священных писаниях всегда утверждается, что все, что в них написано, не является чем-то новым — это было кем-то рассказано или это кто-то услышал. Вот почему у индуистов есть два названия для священных писаний: *шрути* и *смрити*. *Шрути* означает: мы слышали об этом, мы слышали от тех, кто знает. *Смрити* означает: мы взяли это у тех, кто знает.

Никто не утверждает, что он знает, потому что утверждение «я знаю» означает полное невежество, само «Я» — это концентрированное невежество. Мудрецы составляют цепочку, уходящую в глубь веков. В Упанишадах говорится: «Я узнал это от моего учителя. Мой учитель узнал это от своего учителя, а тот — от своего учителя...». И эта цепочка уходит все дальше и дальше, а в самом начале ее находится Брахма — создатель мира, получивший знание из самого космоса, из брахмана*.

Он получил знание из брахмана. Брахман — это невидимая божественность, а Брахма — это божественность видимая. Видимая божественность получила знание от невидимой божественности, и от Брахмы начи-

* Брахман — в индийской философии абсолютное первоначало бытия и глубинное содержание всех мировых феноменов. — *Примеч. ред.*

нается Ганг. А затем: учитель, еще учитель и еще учитель — длинная череда... и — «я слышал это».

Это прекрасное явление. Это означает, что человек — не остров, что он связан со всем, что его окружает. Это означает, что в вас содержится все прошлое. Вы не одиноки, и ваше появление здесь не случайно. Вы несете все прошлое в себе, ваше сознание — это часть цепи, связанной со всем прошлым. С самого начала и по сей день все, что случилось в мире, случилось и с вами, и вы несете это в себе. Вот так во времени возникает взаимосвязь, чувство взаимосвязи.

Есть два вида взаимосвязи. Один — индивидуальный: вы связаны с этим деревом, оно связано с Солнцем, Солнце — с другими, более крупными звездами; все в пространстве взаимосвязано. Это один вид взаимосвязи. И есть другой вид взаимосвязи, эта взаимосвязь имеет протяженность во времени: все прошлое содержится в вас. Вы стали следствием всего прошлого, а все будущее возникнет из вас. Вы — это плод прошлого и семя будущего. Время и пространство также взаимосвязаны, и в том и в другом измерении вы связаны со всем.

Мудрецы древности обладали столь утонченной мудростью
И столь совершенной глубиной понимания...

Что такое «утонченная мудрость»? Это способность познавать прямо, непосредственно. Это не заимствованное знание. И только такое знание можно назвать мудростью. В противном случае это не что иное, как маска невежества, — вы прикрываете свое невежество знаниями.

Зачем называть мудрость утонченной? Почему не назвать ее просто мудростью? Зачем называть ее утонченной? В этом есть смысл. Мудрость очень непосредственна, прямолинейна, но при этом она утонченная.

Она непосредственна — в том смысле, что человек смотрит прямо в лицо жизни, и она утонченная — в том смысле, что в жизни ничего нельзя достичь, действуя напрямую. Всегда приходится выбирать окольный путь.

Постарайтесь понять. Во-первых, мудрость непосредственна в том смысле, что она не заимствована. Это значит, что вы не просто взяли чьи-то знания и собрали их в своем уме. Нет, вы сами добываете их. В этом смысле она непосредственна, более непосредственна, чем знания. Но при этом она является утонченной, потому что у нее есть свои окольные пути. Что такое окольные пути?

Если вы хотите быть счастливыми, вы не должны двигаться к цели напрямую — как стрела. Если вы будете двигаться таким образом, вы упустите свое счастье. Например, кто-то говорит вам: «Когда я купаюсь в реке, это так прекрасно, я так счастлив и расслаблен, я просто лежу под солнцем, а вода несет меня. Я забываю все волнения, я отпускаю все напряжения, и я так расслаблен, что весь мир исчезает. Я так счастлив, это такое блаженство». У вас появляется зависть, и вы решаете: «Я тоже попробую». И вы идете к счастью, но идете напролом. Ваш ум не плавает, ваш ум не с рекой, ваш ум не с солнцем, ваш ум не с ветром. Ваш ум движется к цели прямо, как стрела, — и вы промахнетесь, вы упустите свое счастье.

Потому что жизнь очень застенчива, она прячется от слишком энергичных, требовательных людей. Она открывается только тем, кто относится к ней крайне деликатно, кто движется окольным путем. Жизнь нужно убеждать и соблазнять. Жизнь — словно женщина. Не будьте с ней слишком напористы. Вы не должны ее насиловать. А если вы попытаетесь это сделать, вы останетесь с пустыми руками, вы ничего не получите. Вы можете ее насиловать. Это делают очень мно-

гие люди — пытаются насиловать жизнь. Потому что полюбить — это рискованно, насилие кажется менее рискованным занятием — вы не принимаете никаких обязательств. Но, не приняв обязательств, вы ничему не научитесь. Если вы не вовлечены в жизнь, вы не будете трансформированы.

Вы идете к реке, но ваш ум постоянно думает о счастье, жаждет его. Вы не смотрите на реку. Вы ничего не чувствуете, вы просто жаждете. Вы входите в реку, но вас охватывает усталость, вы не можете расслабиться. Вы плаваете и постоянно спрашиваете себя: «Где же то счастье, о котором мне рассказывали? Я вижу солнце, я вижу реку, я ощущаю ветер, но где же счастье, о котором мне рассказывали?»

Это прямая атака. Никто не может достичь счастья таким образом. Вам нужно забыть о себе, плавающем в реке, вам нужно забыть о том, что вы оказались в реке ради достижения счастья. Забудьте о себе, забудьте о своей зависти и забудьте о своей цели — а когда цель забыта, она достигнута. Возможно, я говорю парадоксами, но я не могу ничего с этим поделать — такова жизнь. Забудьте о цели, и стрела поразит ее; смотрите на цель, смотрите на нее очень пристально — и стрела пролетит мимо. Цель не будет поражена. Вы придете домой и скажете: «Все бесполезно. Я сделал все, что мог».

Кто-то медитирует и испытывает экстаз — и он заражает вас. Когда этот человек находится рядом с вами, вы чувствуете, что в нем есть нечто такое, чего нет в вас. Вы спрашиваете: «Что происходит?» Он говорит, что он медитирует, и это такое блаженство — стоит попробовать. И вы пробуете, но у вас ничего не получается, потому что вы действуете слишком прямолинейно. Вы не понимаете, что жизнь очень женственна, что она на самом деле является женщиной. Вы должны соблазнять ее, вы должны вступать с ней в игру — очень тонкую,

ненавязчивую. Не предлагайте женщине с ходу: «Хочешь переспать со мной?» Она позовет полисмена.

Будьте более поэтичными. Напишите жизни любовное письмо. Вот чем является медитация — любовными письмами, адресованными жизни, посланиями, наполненными смыслом, но очень непрямолинейными. И по мере того как жизнь будет все больше и больше склоняться к вам, вы будете становиться все смелее и смелее. Но двигайтесь очень осторожно, иначе вы можете упустить ее. Чуть больше напора — и вы упустите ее. Любовь, счастье, медитация, истина — все то, что вы называете прекрасным, может быть достигнуто только очень тонким способом. Вот почему Лао-цзы говорит:

Мудрецы древности обладали столь утонченной мудростью
И столь совершенной глубиной понимания...

Что такое глубина понимания? Глубина понимания — это когда вы можете стоять на чужих ногах, смотреть через чужие глаза, чувствовать чужими руками, когда вы можете находиться в чужом существе, в центре другого человека и смотреть из него — как он чувствует, что он чувствует, что он говорит.

Человек знаний слеп, он любит поспорить; он всегда прав, а все остальные ошибаются. Он всегда спорит. Его споры вызывают раздражение. Он высокомерен и всегда обороняется. Он не способен никого понять. Что бы вы ни сказали, он будет отрицать — он будет говорить «нет», потому что «нет» обладает силой, и он это знает. Запомните: человек, который не познал силу слова «да», пока еще не является мудрым. Он продолжает говорить «нет», потому что каждый раз, когда он говорит «нет», он чувствует свою силу. Вам приходилось испытывать это? Просто скажите «нет», и вы по-

чувствуете силу. Скажите «да», и вы почувствуете, что вы сдаетесь. Говорить «да» непросто, поэтому вы продолжаете возражать всему тому, о чем вам говорят. Вы всегда правы.

Разве это возможно? Весь мир — так много сознаний, так много разных взглядов на жизнь — не прав, и только вы правы? Это очень высокомерная и неправильная позиция. Человек понимания знает, что в том или ином смысле каждый должен быть прав.

Вот что случилось однажды...

Суфийский мистик был назначен *кази*, судьей, чтобы вершить правосудие. Он был мудрым человеком, человеком понимания — он обладал тем, что Лао-цзы называл «глубоким» пониманием.

Он рассматривал первое дело. Сначала выступил первый участник дела. Судья очень внимательно его выслушал, а потом сказал:

— Вы правы, вы абсолютно правы.

Судейский писарь забеспокоился: как судья мог сказать такое, не выслушав вторую сторону? Он наклонился к судье и прошептал ему на ухо:

— Мне кажется, вы не знаете, как работает суд. Вы не должны так говорить, потому что это звучит как решение суда, оно означает, что суд окончен. Но вы не выслушали другую сторону! Как вы можете говорить первому участнику дела, что он прав?

Судья ответил:

— Ты прав. Давайте выслушаем другую сторону.

Он выслушал другого участника дела, выслушал очень внимательно и сказал:

— Вы правы, вы абсолютно правы.

Теперь писарь решил, что этот человек сошел с ума. Как обе стороны могут быть правы? Он снова наклонился к судье и прошептал:

— Что вы делаете? Вы пьяны или сошли с ума? Как обе стороны могут быть правы?

Судья сказал:

— Конечно, ты прав. Как обе стороны могут быть правы?

Это человек глубокого понимания, для него все правы — потому что он способен проникнуть в самую глубину вашего существа и понять вашу точку зрения. Он не ограничен собственной точкой зрения, собственной философией, собственной доктриной. На самом деле у него их нет. Он открыт для всего. Он может проникнуть в вас и увидеть, почему вы так говорите; он может понять, почему вы настаиваете на том, что вы правы.

Но тогда такой человек представляет собой загадку. Кем бы он ни был — сумасшедшим или мудрецом, превосшедшим все в этом мире, — вы предпочтете, чтобы он не вмешивался в вашу жизнь.

Это то, что случилось с Махавирой. Он создал свою логику; такой логики не существовало раньше. Он создал логику, которая называется *святвад* — логика возможного. Что бы вы ни говорили, Махавира отвечал бы вам: «Возможно, вы правы». Если бы кто-нибудь пришел к нему и сказал: «Я верю в бога», он ответил бы: «Возможно, бог существует». Всегда — «возможно». Как вы можете быть абсолютно неправыми? Как вы можете быть абсолютно неправыми, если в вас есть жизненные силы, есть бог? В чем-то вы должны быть правы. Возможно, вы не понимаете этого, возможно, вы не чувствуете этого, но в чем-то вы должны быть правы. Если бог живет в каждом, тогда любой человек имеет право быть правым.

Махавира проникает в вас очень глубоко. Например, к нему приходит человек и говорит: «Я не верю в бога, бога не существует». И Махавира отвечает: «Воз-

можно, вы правы. В каком-то смысле бог существует, в каком-то смысле бога не существует». Он создал новую логику, новое измерение в логике.

Есть всего две логики: одна — логика Аристотеля и вторая — логика Махавиры. Аристотель говорит, что А — это А и А не может быть В. Махавира говорит, что А — это А, но А также может быть и В, и С, и D — вплоть до Z. На одно и то же можно смотреть с разных точек зрения. Махавира утверждает, что существует семь точек зрения, с которых можно смотреть на происходящее. Но Махавиру трудно понять, вот почему у него не так много последователей. Их не может быть много. Даже те, кто следуют ему, делают это только потому, что случайно родились в среде его сторонников; по-другому быть не может. Я не встречал ни одного джайна, который бы действительно следовал Махавире.

Как-то я беседовал с джайнским *муни*, мудрецом, одним из великих *ачарьев*, и я спросил его:

— Что вы думаете о логике сьятвад?

Он ответил:

— Она абсолютно верна.

Я сказал:

— Тогда вы не являетесь ее последователем. Вы должны были добавить слово «возможно». Даже о Махавире вы должны говорить: «Возможно, он прав».

Но ни один джайн не скажет вам, что, возможно, Махавира прав. Они говорят, что джайнизм абсолютно верен, а главная идея джайнизма состоит в том, что ничто не может быть абсолютно верно.

Однажды жена муллы Насреддина пошла в гости к Соне — вы знаете Сону, которая гадает на картах Таро? — и вернулась назад очень обеспокоенная.

Будущее действительно вселяет в вас беспокойство. Все, что касается будущего, может вас беспокоить. Лучше ничего не знать о будущем, потому что, когда вы узнаете что-то о своем будущем, оно начинает влиять на настоящее и это порождает беспокойство.

Жена муллы выглядела очень обеспокоенной. Насреддин спросил ее:

— Что случилось?

Она ответила:

— Я была у толковательницы карт Таро, очень хорошей женщины, и она сказала мне кое-что, что меня очень беспокоит.

Мулла Насреддин сказал:

— Не волнуйся. В жизни все так неопределенно, поэтому невозможно сделать никаких предсказаний. Только дураки могут быть уверены в чем-то.

Жена спросила:

— А ты в этом уверен?

— Абсолютно уверен, — ответил Мулла.

Только дураки уверены. Если человек уверен в чем-то, он абсолютный дурак. Ни у одного джайна не хватит смелости сказать: «Возможно, Махавира был прав. Возможно, те, кто говорят, что Махавира ошибался, тоже правы». Ни у одного джайна не хватит смелости, чтобы сказать такое, — вот почему я говорю, что ни один джайн не понимает Махавиру. Это трудно.

Мудрецы древности обладали столь утонченной мудростью

И столь совершенной глубиной понимания,

Что постичь их невозможно.

Чем глубже вы движетесь внутрь себя, тем более непостижимыми вы становитесь для других, потому

что другие живут очень поверхностно. Если вы живете поверхностно, то все в порядке — они понимают вас. Они знают, что происходит на поверхности. Но если вы начинаете двигаться внутрь, все глубже и глубже, то наступает момент, когда вы становитесь для них непостижимыми. Вы выходите за пределы их понимания.

Всего два или три дня назад один саньясин пришел ко мне и сказал: «Я больше не могу приходить на твои лекции, потому что мне скучно». Я ответил: «Не приходи. Не надо!» Он думал, что он сказал что-то о моих лекциях, когда сказал, что ему на них скучно. На самом деле, он сообщил кое-что о себе. Он сказал, что то, о чем говорится на лекциях, превосходит его понимание: он не может двигаться так глубоко, это ему недоступно. Поэтому ему скучно.

Человеку бывает скучно в двух случаях. Если что-то постоянно повторяется — например, одна нота, монотонный звук, — тогда вы почувствуете скуку... По такому принципу созданы колыбельные песни. Мать повторяет одну ноту, ребенку становится скучно и он засыпает. Люди, которых мучает бессонница, должны делать что-то подобное. Мантры, трансцендентальная медитация Махариши Махеш Йоги тоже помогают людям, страдающим от бессонницы. Для них трансцендентальная медитация прекрасна, потому что она заставляет их скучать, и это помогает им заснуть. Вы повторяете мантру про себя — повторяете снова и снова, — ум начинает скучать, потому что он не узнает ничего нового, его ничто не возбуждает, одно и то же слово повторяется снова и снова, снова и снова... Вы засыпаете.

Или вы чувствуете скуку, если что-то выше вашего понимания. Вы чувствуете скуку, когда что-то оказывается настолько глубоким, что остается для вас непостижимым.

И столь совершенной глубиной понимания,
Что постичь их невозможно.

Вы можете понять только то, что вы осознаете. Вы не можете понять то, что превосходит ваше осознание; ваше понимание вынуждено оставаться в пределах вашей бдительности. Если вы хотите понять мудрецов, вам нужно вырасти в своем осознании. Чем более вы осознанны, тем глубже вы можете проникнуть в них. Только тогда, когда ваше осознание становится совершенным, Лао-цзы полностью открывается для вас. Это не значит, что он был закрыт, он всегда открыт — но вы не могли проникнуть в него. У вас не было такой возможности.

А так как постичь их невозможно,
Им дается такое описание...

Так как вы не можете постичь действительно мудро человека, вы приходите в замешательство. Такой человек очень противоречив, вокруг него постоянно распространяются слухи. Кто-то утверждает, что Гурджиев — бог, кто-то говорит, что он сатана. И то и другое верно, потому что человек, который глубок, — это и то и другое.

Им дается такое описание...

Поэтому люди называют их *осторожными* — мудрый человек выглядит очень осторожным. На самом деле, он не осторожен, он — бдителен. В этом есть разница, огромная разница. Когда человек осторожен, это говорит о том, что он боится. Например, вы заблудились ночью в темном лесу; вы двигаетесь очень осторожно. На каждом шагу вас подстерегает опасность, смерть. Вместе с осторожностью в вас появляется особая бдитель-

ность — вы можете почувствовать это. Когда вы в опасности, в вас появляется особая бдительность, когда вы в опасности, вы становитесь более осознанными — не столько бдительными, сколько просто осторожными, но чтобы быть осторожным, человек должен быть хоть немного бдительным. Это происходит автоматически; бдительность — это тень осторожности. Но мы не знаем, что такое бдительность, поэтому, когда мы видим, как ходит мудрец, будда, нам кажется, что он очень осторожен. Таково наше представление о бдительности.

Они осторожны, словно переходят холодный поток...

Они кажутся всегда осторожными.

Нерешительны, словно бояться всего, что их окружает...

Нет, мудрый человек не нерешителен, просто он не обладает уверенностью глупца. У него нет готовых суждений о жизни, вот почему он выглядит нерешительным. У него нет готовых умозаключений. Он всегда открыт, открыт всему, что может произойти. У него нет готовых суждений в уме. Он не оказывает ими давления на жизнь, он остается бдительным и способствует тому, чтобы жизнь сама выносила суждения. Он сотрудничает, он не навязывает — это большая разница.

У всех нас есть суждения. Например, вы пришли послушать меня. Кто-то рассказал вам обо мне. Ваш друг рассказал вам обо мне. Я нравлюсь ему; его рассказ произвел на вас впечатление. Вы пришли послушать меня, имея готовое суждение: «Он — хороший человек». Вы слушаете меня благодаря этому суждению, и ваше суждение укрепляется. Вы приходите домой и говорите, что ваш друг был прав. И в то же утро ко мне приходит другой человек. Он встретил моего врага, и тот много

всего наговорил обо мне. Этот человек был убежден, что я плохой, но в нем проснулось любопытство — ему захотелось посмотреть на такого плохого человека. Он тоже пришел послушать меня с заранее готовым суждением, и его суждение тоже укрепилось.

Только тот, кто приходит ко мне без суждений, кто открыт, кто подобен зеркалу, может увидеть мое истинное лицо. В противном случае ваше суждение станет моим лицом, вы наложите его на мое лицо.

Мудрец не нерешителен, но он выглядит таким, потому что он живет без готовых суждений, он движется от момента к моменту. Он не несет в себе готовых суждений из прошлого. Все, что приносит жизнь, он встречает с чистым сознанием — с сознанием, не обремененным суждениями. Из-за суждений все становится мертвым. Вы смотрите сквозь суждения — это значит, что вы смотрите через прошлое, через ваш прошлый опыт, через ум. Вы не вступаете в непосредственный контакт с жизнью. Между вами и жизнью всегда есть буфер — ваше суждение выполняет функцию буфера. Вы боитесь вступать в контакт с жизнью.

Они осторожны, словно переходят холодный поток...

Они не осторожны, они осознанны.

Нерешительны, словно бояться всего, что их окружает...

Нет, они не нерешительны, у них просто нет готовых суждений.

Серьезны, словно изображают гостя...

Нет, мудрец не серьезен, но он выглядит таким, потому что в нем есть глубина. Он не смеется — не смеет-

ся так, как смеется поверхностный человек. В крайнем случае, он улыбается — и даже это для него слишком много. На самом деле, ему не нужна и улыбка, потому что все его существо наполнено такой красотой, таким блаженством, таким счастьем; ему незачем улыбаться.

Вы удивитесь, но те люди, которые чаще других смеются, на самом деле очень грустны внутри; смеясь, они прячут свою грусть, смеясь, они стараются обмануть себя, показать себе, что они счастливы. Те люди, которые громко смеются, обычно несут внутри себя глубокую рану. Они не хотят соприкасаться с этой раной.

Фридриха Ницше как-то спросили, почему он так много смеется. Говорят, он сказал... Он действительно был истинным человеком, очень честным, настолько честным, что сошел с ума. Весь этот мир безумен, поэтому если вы честны, то вам придется нелегко. Он сказал: «Я смеюсь, потому что, если я перестану смеяться, боюсь, я начну плакать, начну рыдать. А это поставило бы меня в неловкое положение. Я прячу свои слезы за смехом».

Вы видите мудреца серьезным — это ваша интерпретация. Он не серьезен. Он глубок — так будет правильнее. Посмотрите на мелкую речку — как много шума она производит. Глубокая река движется настолько бесшумно, что кажется, будто она не движется вовсе. Она движется, но она движется в глубине, поэтому шум не достигает вас. Мудрец смеется в самой сердцевине своего существа. Смех не достигает его губ. Чтобы понять его смех, вам нужно стать такими же, как он.

Сдержанны, как начинающий таять лед...

Вы думаете, что мудрый человек скромнен, сдержан, как начинающий таять лед; вы думаете, что мудрость — это смирение. Нет. У мудрого человека просто нет это, вот и все. Я бы не сказал, что мудрый человек смиренен,

потому что смирение — это вид эгоизма. Быть смиренным — значит иметь очень тонкое эго. Смирение означает окультуренный эгоизм. Но если эго нет, то как можно быть смиренным? Если вы не можете быть высокомерным, вы не можете быть и смиренным. Эти качества идут рядом, они два аспекта одного явления. Посмотрите на смиренного человека, слугу людей, посмотрите в его глаза. Он может иметь смиренный вид, он даже сам верит в свое смирение, но его глаза выдают его очень тонкое эго.

Вот что случилось однажды...

Один человек пришел к Сократу. Это был нищий, очень смиренный человек. Он был таким смиренным, что никогда не носил новую одежду. Он был таким смиренным, что даже новую одежду, которую ему давали, сначала пачкал, делал ее потрепанной и только потом носил. Он пришел к Сократу в одежде, дырявой, как решето. Сократ сказал ему:

— Ты думаешь, это смирение? Через эти дыры я вижу твое эго.

Эго может притворяться смиренным. Сдержанный человек на самом деле не смиренен, сдержанный человек просто очень хитер и изворотлив. Нет, только людям, которые не могут постичь глубину мудрого человека, может показаться, что он сдержан. Если в нем отсутствует «Я», то как он может быть сдержанным, смиренным? Он просто живет без эго, без высокомерия и без смирения.

Просты, как необработанное дерево...

Вы можете подумать, что мудрый человек груб, подобно необработанному дереву, но на самом деле его

культура очень-очень глубока и поэтому его утонченность скрыта от вас. Вы можете соприкоснуться с мудрым человеком только на поверхности; эта грубость — только на поверхности. О Гурджиеве говорили, что он был таким грубым, что его невозможно было выносить. Его трудно было выносить, но те, кто выдерживал рядом с ним несколько недель, понимали, как глубоко его сострадание.

Обратите внимание на такое явление в природе: все мягкое всегда окружено чем-то твердым. Ядро ореха покрыто скорлупой, твердой скорлупой. Ядро мягкое — оно и должно быть таким, потому что из него должна возникнуть жизнь, оно должно дать росток — но оно покрыто твердой оболочкой. Это в природе вещей.

В человеке все наоборот: он мягкий снаружи, его скорлупа мягкая, а семя жесткое, внутри он очень жесткий. Это искажение закона природы. В природе естественно быть мягким внутри и твердым снаружи. Внутренняя мягкость должна быть прикрыта чем-то твердым. Это защита. Но в человеке вы обнаружите прямо противоположное: он мягкий снаружи, мягкий, как масло, а внутри — чем больше вы его узнаете, тем он тверже. Это лицемерие, искажение, так быть не должно. Это то, что из себя представляет ваш джентльмен, ваш культурный человек, ваш так называемый цивилизованный человек — моральный человек, религиозный человек: такой мягкий снаружи и жесткий внутри. Такого быть не должно. Это возможно лишь потому, что только человек может притворяться — больше никто.

Мудрый человек снова становится частью природы; все искажения исчезают. Он жесткий снаружи и мягкий внутри. Вам придется проявить терпение, когда вы находитесь рядом с мудрым человеком — вам захочется сбежать от него, вам будет казаться, что он

настолько жесткий, что может убить вас. Вы приходите к нему за утешением, а он наводит на вас ужас. Вы приходите к нему в надежде получить любовь, вы будете искать любви, а он даже не посмотрит на вас, не обратит на вас никакого внимания. Вы приходите к нему за состраданием, а он оказывается таким жестким. Вам захочется сбежать от него. Но мудрый человек всегда ведет себя подобным образом, потому что он естественен, а в природе все устроено именно так: мягкое внутри, твердое снаружи.

Посмотрите на кору дерева: она такая твердая снаружи. Двигайтесь внутрь, и вы будете находить все более и более мягкие слои. А в самом центре — жизнь, абсолютно мягкая жизнь. Она нуждается в защите.

...как необработанное дерево;

Их ум такой же открытый, как долина;

В них — всего понемногу, как в мутной воде.

Вам кажется, что ум мудрого человека открыт; на самом деле у него нет ума. Ваш ум может быть открытым или закрытым; мудрый человек — это *не-ум*. Но для вас *не-ум* выглядит, как открытый ум, — в лучшем случае. Это настолько глубоко, что вы не можете этого понять. В самом лучшем случае вы можете понять, что этот человек открыт, что его ум не закрыт, но вы не знаете о том, что у него нет ума, который можно закрыть. Нельзя сказать, что он обладает открытым умом, мудрый человек просто является *не-умом*. Это не значит, что двери его дома открыты. На самом деле у него нет дома. Над ним — открытое небо, у него нет дома и нет дверей. Нельзя сказать, что он открыт, он — сама открытость.

Но если вы пытаетесь понять мудрого человека извне, все выглядит именно так. Все, что написано о Буд-

де, неверно; все, что написано о Лао-цзы, неверно; все, что написано о Махавире или Иисусе, неверно, потому что люди, которые писали о них, писали исходя из своего понимания. А люди, подобные Иисусу или Лао-цзы, настолько глубоки, что любая попытка что-либо понять в них заканчивается провалом. Поэтому будьте чуть-чуть бдительнее и не торопитесь. Любите Лао-цзы, но не пытайтесь его понять. Тогда, возможно, однажды вы поймете его. Чувствуйте связь с ним, но не пытайтесь понять. Тогда, возможно, однажды тайна приоткроется вам.

Если вы пытаетесь понять, вы упускаете. Люди, которые пытаются понять и пишут книги и диссертации, становятся профессорами. Они создают мировые религии — люди, которые с самого начала все неправильно поняли. Они создают религии.

Их ум такой же открытый, как долина...

Нет, не такой же, потому что долины окружены холмами. Они кажутся открытыми, но на самом деле они закрыты. Мудрый человек открыт, как небо, он ни в чем не закрыт. Долины исчезнут, если исчезнут окружающие их горы; поэтому горы — это часть долин. Ум, который открыт... Его открытость исчезнет, если исчезнет ум; открытость — это всего лишь часть ума. Мудрый человек открыт, как небо. Он — сама открытость.

В них — всего понемногу, как в мутной воде.

Вам может показаться, что в мудром человеке всего понамышано, как в мутной воде. Иисус останавливался в доме у проститутки, потому что она пригласила его; он останавливался у людей, которых называли преступниками, потому что они пригласили его. Конечно, он

должен выглядеть подобно мутной воде; он не так чист, как брамин, как пуританин, который говорит: «Не прикасайтесь ко мне, потому что я идеально чист».

Говорят, что Шанкара, величайший индусский философ, был пробужден неприкасаемым. Неприкасаемый стал его гуру. К тому времени Шанкара уже был великим учителем, человеком знаний, он написал выдающиеся трактаты об Упанишадах, Брахма-сутрах, Бхагаватгите и создал философию веданты, *адвайт веданту*, согласно которой реальность не-двойственна, едина.

Однажды он пришел к Гангу ранним утром, совершил омовение и уже возвращался назад, когда *шудра*, неприкасаемый, дотронулся до него.

Он очень рассердился и закричал:

— Ты все испортил. Мне придется вернуться, чтобы снова очиститься.

Шудра сказал:

— Подожди минуту. Я хочу спросить у тебя: если существует только единое, если целое существует в едином, как можем существовать ты и я? Как может тебя загрязнить мое касание? Кто прикоснулся к тебе? Кто и до кого дотронулся?

Шанкара пробудился от глубокого сна, сна человека знаний — а это один из самых глубоких снов, это почти кома.

И человек снова спросил:

— Как ты думаешь, что произошло? Коснулось ли тебя мое тело или тебя коснулась моя душа? Коснулось ли мое тело твоего тела? Или мое тело коснулось твоей души? Думаешь ли ты, что наши тела различны: твое тело, тело брамина, — чисто, а мое тело, тело шудры, — нечисто? Считаешь ли ты, что пять элементов, из которых состоят тела, различны для брамина и шудры, неприкасаемого? Считаешь ли ты, что если мое

тело прикоснулось к тебе, то оно дотронулось до твоей души и сделало ее нечистой? Или, если к тебе прикоснулась моя душа, можешь ли ты сказать, что и моя душа тоже неприкасаема, что она тоже шудра?

С Шанкарой случилась трансформация — вся жизнь перевернулась с ног на голову... Шанкара забыл о том, что он должен вернуться и совершить омовение.

Он проникся глубоким уважением к шудре и сказал:

— Ты мой гуру и ты пробудил меня от моего сна. Я только говорил о едином, но я не знал, в чем его суть.

Если вы встретите мудрого человека, он действительно может показаться вам похожим на мутную воду, в которой все смешано, но для него самого не существует ни чистого человека, ни нечистого. Человек мудрости не считает, что он чистый, а вы — нет.

Говорят, что у Ле-цзы, великого последователя Лао-цзы, было очень много учеников. Одного ученика постоянно ловили на воровстве, он вечно создавал неприятности, однако мастер всегда прощал его. Но наступил момент, когда все пятьсот учеников пришли к Ле-цзы и потребовали:

— Хватит. Всему есть предел. Ты прощал этого человека уже много раз, но он, похоже, неизлечим. Всему есть предел, ты должен прогнать его!

Ле-цзы ответил:

— Подождите, братья. Вы все люди очень достойные, добродетельные, с хорошей репутацией. Куда бы вы ни пошли — вас везде примут, вас будут уважать, любить, вам будут оказывать помощь. Вы такие добродетельные, что даже без меня сможете достичь истины. Но куда пойдет этот брат? У него никого нет,

кроме Ле-цзы, никто другой его не примет. Поэтому все те, кто считает, что не может жить рядом с ним, могут идти. Но мне надо остаться с ним, ибо — куда он пойдет? Кто примет его? Если даже Ле-цзы откажется от него, он станет отверженным и тогда никто не примет его.

Таков человек мудрости. Он кажется похожим на мутную воду. В нем свободно сочетается все что угодно, потому что чистота и нечистота, плохое и хорошее — все эти разделения исчезли для него. Для него существует только единое океанское сознание, вот почему в мудром человеке есть все. Иисус останавливался в доме проститутки и в доме монахини — это одно и то же для Иисуса; он просто ложится спать. Это одно и то же для него, потому что проститутка — это разновидность единого и монахиня — это тоже разновидность единого. И некому быть чистым или нечистым — двойственность исчезла, границы исчезли. Человек мудрости живет в едином, вот почему он содержит в себе все. Для него не существует границ.

Кто может обрести покой в этом грязном мире?
Тот, кто, пребывая в тишине, становится чистым.

Лао-цзы спрашивает:

Кто может обрести покой в этом грязном мире?

Мир грязен. Как вы можете обрести в нем покой? Как вы можете стать спокойными? Пребывая в тишине. Не делайте ничего, не пытайтесь очистить мир, иначе вы делаете его еще грязнее. Просто лежите спокойно на берегу и ждите. Он очистится сам по себе, когда придет время. Не беспокойтесь о трансформации мира;

не беспокойтесь о том, чтобы изменить людей. Кто вы такие? И кто дал вам эту миссию — менять других людей? Каждый непосредственным образом связан с божественным. Кто вы такие, чтобы вмещиваться? Просто пребывайте в тишине.

Кто может постоянно сохранять спокойствие?

Спокойствие приходит, тишина приходит, но кто способен постоянно удерживать их?

Тот, кто через активность возвращается к жизни.

Вы можете удержать их благодаря активности. Если вы будете пытаться сохранить их, постоянно избегая активности, это окажется невозможным; человек должен двигаться от одной противоположности к другой, чтобы всегда оставаться за их пределами. Днем вы работаете, ночью спите. Если вы будете работать двадцать четыре часа в сутки, вы умрете; если вы будете спать двадцать четыре часа в сутки, вы тоже умрете.

Днем усердно работайте — работая усердно, вы обретаете способность нормально спать ночью. Ночью спите крепко — если вы спите крепко всю ночь, у вас появляются новые силы, новая энергия для того, чтобы усердно работать днем. Двигайтесь в ритме жизни. Отклоняйтесь влево, отклоняйтесь вправо и всегда сохраняйте баланс. Покой можно удержать, тишину можно удержать, но не через избегание активности. Это ошибка, которую совершили в Индии; саньясины, избегающие активности, не могут оставаться в тишине. Живите в семье и одновременно с этим оставайтесь саньясинами; живите в миру и одновременно с этим будьте вне его. Всегда помните, что жизнь — это единство противоположностей, это глубокая гармония.

Глава 9

Тот, кто придерживается Дао,
Ограждает себя от чрезмерности.

Тот, кто понял, что Дао — это равновесие, что религия — это равновесие, «*ограждает себя от чрезмерности*». Не двигайтесь слишком далеко в одну сторону, иначе вы потеряете равновесие, а потеря равновесия — это единственный грех для Лао-цзы. Быть в равновесии — это добродетель, потерять равновесие — это грех.

Так как он огражден от чрезмерности,
Он не подвержен старению и обновлению.

Он вечно молод и свеж; он никогда не стареет, никогда не устает. Равновесие дает ему вечную жизнь. Равновесие — это энергия. Равновесие — это жизнь.

Достаточно на сегодня.

Глава 10

Мудрость
и понимание

Первый вопрос:

*Ошо,
Растут ли мудрость и понимание постепенно, или
они возникают внезапно, как вспышка?*

Понимание не возникает ни постепенно, ни внезапно — потому что оно есть всегда. Вы обладаете им прямо сейчас. Оно не возникнет где-то в будущем. Вы носите его у себя внутри, как семя носит дерево, как женщина носит ребенка. Вы обладаете им прямо сейчас. А дальше все зависит от вас: если ваша интенсивность тотальна, вы можете достигнуть понимания моментально; если ваша интенсивность не тотальна, вы достигнете его постепенно. Но понимание никогда не приходит к вам — вы и есть понимание. Просветление — это не что-то, что может случиться с вами. Вы и есть просветление.

Запомните это; в этом заключается выбор, ваш выбор. Если ваше желание тотально, то его огонь сожжет все, что стоит на пути понимания; и тогда появляется свет. Но это зависит от вас. Для природы просветления не характерны такие понятия, как «внезапность» или «постепенность».

Не избегайте ответственности; так люди создают философии и школы. В Японии есть две школы Дзен: одна верит во внезапное просветление, другая в постепенное — как будто это качества просветления, как будто эти качества принадлежат просветлению. Но они не принадлежат просветлению. Просветление всегда здесь, вы должны лишь сделать выбор. Если ваше желание тотально, ни одного мгновения не будет потеряно. Но если ваше желание не тотально, значит, вы не хотите, чтобы просветление случилось прямо сейчас. Вы хотите отложить его, вы хотите, чтобы оно случилось завтра, в какой-нибудь другой день. И вы продолжаете обманывать себя.

Если вы действительно искренни в своем желании, вам не придется ждать ни одного мгновения, оно случится в тот же миг. Ни одно мгновение не будет упущено, потому что оно уже присутствует в вас. Просто нужно посмотреть внутрь. Но если вы не нуждаетесь в этом прямо сейчас, вы можете ждать в течение тысячелетий.

Я хочу рассказать вам старинную историю. Это случилось на Цейлоне.

Один великий буддийский мастер почти семьдесят лет учил своих учеников. Когда ему исполнилось сто двадцать лет, он сказал:

— Я умру через семь дней.

Тысячи учеников собрались на даршан*, чтобы увидеть его в последний раз.

Старый мастер, перед тем как закрыть глаза и раствориться в едином, спросил их:

* Даршан — ритуал получения сокровенных знаний (как правило, кратких основ того или иного учения) от просветленного мастера. — *Примеч. ред.*

— Хочет ли кто-нибудь составить мне компанию? Если кто-то хочет нирваны, просветления прямо сейчас, просто поднимите руку и это свершится.

Все знали, что он человек слова, что он никогда не шутит. Он не произнес ни единой шутки за всю свою жизнь, он был очень серьезным человеком. Он действительно имел в виду то, что сказал. Ученики посмотрели друг на друга — тысячи человек, — но никто не поднял руки.

Один человек встал и сказал:

— Пожалуйста, пойми меня правильно. Прямо сейчас я не хочу следовать вместе с тобой, поскольку нужно еще очень многое сделать. Я должен завершить то, что начал, должен еще через многое пройти, заплатить кармические долги. Я не готов к этому сейчас, но я хотел бы стать просветленным в будущем. Не можешь ли ты дать мне какую-нибудь подсказку на будущее? Ведь скоро тебя уже здесь не будет.

А мастер давал эти подсказки всю свою жизнь, целых восемьдесят лет. И все же они хотели еще поговорить об этом — ради того, чтобы продолжать откладывать, планировать и думать о будущем. Старый мастер был готов. Если бы кто-то еще тоже был готов, мастер мог взять бы его с собой. Но никто не откликнулся...

Люди изворотливы, потому их ум изворотлив. И самая главная уловка ума — это переложить ответственность на кого-то другого. Если просветление происходит постепенно, то — что я могу поделаться? Ничего нельзя поделаться; оно постепенно, оно требует много времени. Если просветление случается внезапно, то почему оно не происходит со мной? Вы спрашиваете себя: «Если оно случается внезапно, то почему оно не происходит со мной? Нет, оно не может быть внезапным. Но если оно внезапно, то нет необходимости что-то делать для

его получения, потому что ничего нельзя сделать. Я буду ждать — оно произойдет, когда придет время».

Вы просто хотите избежать ответственности за ваш собственный выбор. Сартру принадлежат прекрасные слова. Он сказал: «У человека есть свобода выбирать, но нет свободы не выбирать». Вы можете пойти по любому из этих путей, но не вводите себя в заблуждение — у вас нет свободы не выбирать, потому что, даже если вы думаете, что вы не выбираете, вы выбираете противоположное.

Ко мне пришел один человек и признался:

— Я не готов принять *саньясу*. Я готов на семьдесят процентов, на восемьдесят процентов, но на двадцать процентов я еще не готов, поэтому как я могу принять ее? Я не тотален.

Я сказал ему:

— Хорошо. Но это твой выбор, и ты выбираешь меньшую часть — те двадцать процентов, которые говорят: «Не принимай». Ты выбираешь сейчас двадцать процентов вместо восьмидесяти.

Поэтому не думай, что ты не выбираешь. Это невозможно. Тебе приходится выбирать, что бы ты ни думал; даже если ты не выбираешь, ты все равно выбираешь. Всегда делается какой-либо выбор. У каждого есть свобода выбирать, но ни у кого нет свободы не выбирать. Если ум говорит, что просветление достигается постепенно, — это выбор. Если ум говорит, что оно случается внезапно, то это тоже выбор. Когда вы говорите, что оно случается внезапно, это означает, что вы хотели бы отбросить всякие усилия, и поэтому вы выбираете внезапное просветление. Тогда ничего не нужно делать — если это случается, то это случается, ничего невозможно сделать, потому что это внезапное

явление. Это подобно молнии в небе: это просто случается — вы никак не можете подготовить ее появление. Она не похожа на свет в доме, который вы включаете и выключаете, она не зависит от вас. Это внезапное явление, оно случается, когда случается. Вам нужно просто подождать. Если вы хотите прочесть телеграмму в тот момент, когда сверкнет молния, то вам придется подождать. Когда она сверкнет, вы что-то прочитаете. Что еще вы можете сделать?

Те люди, которые не хотят совершать усилий, выбирают внезапное просветление. Люди, которые хотят избежать огромной, тотальной ответственности за то, что оно может произойти прямо сейчас, выбирают постепенность.

Я говорю не о просветлении, я говорю сейчас о вас. Вы должны почувствовать ваше желание: когда желание тотально — просветление случается внезапно; когда желание неполно — просветление происходит постепенно. Это никак не связано с природой просветления. Запомните это.

Второй вопрос:

Ошо,

Считают ли даосы просветление внезапным явлением или постепенным?

Их это не волнует. Лао-цзы это не волнует, потому что он говорит, что быть обыкновенным — это и означает быть просветленным. Это не что-то такое, чего нужно достигать, это не достижение. Это вы: просветление расцветает в вашей абсолютной обыкновенности. Быть особенным — это болезнь эго.

Это всегда хочет быть особенным, чем-то необычным, уникальным, ни с чем несравнимым — это

страстное желание эго. Если вы можете стать Рокфеллером — это хорошо; если вы можете стать Гитлером — это хорошо; если вы не можете стать ни Рокфеллером, ни Гитлером, тогда откажитесь от мира и подумайте над тем, не стать ли вам Буддой. Главное — быть кем-нибудь, кем-то особенным, исторической личностью.

Лао-цзы не интересовало просветление и вся эта чепуха. Он говорит: будь обыкновенным. Ешь, когда ты голоден, пей, когда испытываешь жажду, спи, когда хочешь спать. Просто будьте такими же естественными, как и все существование, и внезапно жизнь предстанет перед вами во всем своем великолепии. Ничего не нужно делать.

Быть обыкновенным — это самое замечательное состояние, потому что эго исчезает. Это трудноуловимо. Когда вы избавляетесь от него с одной стороны, оно появляется с другой. Вы выталкиваете его в одну дверь, возвращаетесь в комнату, а оно уже там, восседает на троне — оно вошло через другую дверь. Оно вернулось даже раньше вас.

У моего друга был маленький кот, очень красивый кот. Он попросил меня дать коту имя. Я предложил назвать его Эго, потому что эго очень хитрое и кошки тоже очень хитрые. Никто не сравнится с кошками в хитрости. И он назвал кота Эго.

Постепенно кот ему надоел. Мой друг был одиноким человеком, холостяком, у него не было ни жены, ни детей, и ему хотелось одиночества, а кот постоянно причинял ему беспокойство. Он запрыгивал другу на грудь, когда тот спал, приходил с окровавленными лапами после охоты на мышей и пачкал стулья и одежду. Так что кот приносил ему одни неприятности; для холостяка, который никогда ни о ком не заботился, он

был для него все равно как жена. Друг спросил у меня совета. Это стал проблемой. И я сказал:

— Это — это всегда проблема. Выбрось его.

Он ответил:

— Но он знает все дороги в городе, он вернется.

— Отнеси его в лес, — посоветовал я.

И он понес кота в лес, чтобы тот не мог найти дорогу обратно. Он шел и шел и в конце концов заблудился! Ему оставалось только одно. Он отпустил кота, пошел следом за ним и таким образом вернулся домой. Это был единственный способ: спросить было не у кого. А кот находил дорогу с уверенностью стрелы, он не мешкал ни секунды, выбирая путь.

Я сказал ему:

— У твоего кота *совершенное* качество это. Ты не можешь так легко избавиться от него. Куда бы ты его не отнес, он вернется домой раньше тебя. Или ты можешь заблудиться, и тогда тебе придется следовать за ним, потому что только кот знает дорогу.

Это очень мудрое — мудрое в своей изворотливости. Лао-цзы не дает этой никакой опоры, никакого основания, на котором бы оно могло бы держаться — поэтому он не говорит о просветлении. Так что, если вы встретите Лао-цзы, не спрашивайте у него: «В какое просветление ты веришь — в постепенное или во внезапное?» Он просто рассмеется над вами: «Что за глупость! Нет нужды ни в каком просветлении». Этого слова не существует для Лао-цзы, в его словаре нет такого слова.

Лао-цзы очень прост. Он говорит: просто будьте обыкновенными. Зачем это стремление быть необычными, быть кем-то? Если вы ничего не добились в жизни, вы стараетесь, в конце концов, стать просветленными. Но зачем? Почему вы не можете просто быть удовлетворенными и довольными собой — такими,

какими вы являетесь прямо сейчас? Это мое понимание просветления: быть довольными собой — такими, какие вы есть прямо сейчас. В этом нет ничего особенного, ничего такого, о чем говорят йоги: кундалини поднимается, появляются внутренние переживания, свет, ангелы, бог и так далее и тому подобное. Все это ерунда, если вы понимаете это. Просветление — это совсем другое.

Все это — кундалини, и свет, и бог, и ангелы, и ад, и рай — содержимое магического сундучка фокусника. Вы хотите это получить — и фокусник немедленно дает это вам. Вы создаете спрос, а фокусник удовлетворяет его. Он использует вас. Он живет за счет ваших абсурдных желаний.

Лао-цзы очень прост. У него нет никакого сундучка. Он говорит: почему вы не можете просто быть? Что в этом неправильного? Что неправильного в вас — в таких, какие вы есть прямо сейчас? Зачем эти усилия? И кто совершает усилия? Вы совершаете их. Ваши усилия не могут вас трансформировать — вы просто продолжаете делать то, что вы делаете. Как ваши усилия могут вас трансформировать? Это невозможно; вы пытаетесь сделать невозможное. Вы можете продолжать свои прыжки в течение тысячей жизней, но ничего не достигнете.

Примите себя. Вы — это единственная реальность, которая у вас есть, и единственная возможность. Примите себя такими, какие вы есть, и внезапно произойдет трансформация. «Принятие» — вот слово, которое употребляет Лао-цзы, а не «просветление». Тотальное принятие всего, что бы ни происходило. Вы больше ничего не можете сделать. Все такое, какое есть. Такими вы появились в этой огромной Вселенной. И эта Вселенная захотела, чтобы вы были именно такими, — вам нужно просто принять себя.

Существует две возможности: вы принимаете себя или вы себя не принимаете. Если вы не принимаете себя, то опять есть две возможности: вы не принимаете себя по мирским критериям или по духовным критериям. Если вы не принимаете себя по мирским критериям, это означает, что вы хотите быть более красивыми, более сильными, более богатыми, иметь дом, больше, чем сейчас. Так вы не принимаете себя по мирским критериям. Если вы не принимаете себя по духовным критериям, религиозным критериям, это значит, что вы хотите испытать сатори, самадхи, достичь просветления, нирваны; вы хотите стать буддой; вы хотите соединиться с божественным; вы хотите жить в бесконечном блаженстве. Так вы не принимаете себя по религиозным критериям. И то и другое — неприятие, и это неправильно. Для Лао-цзы и то и другое в равной степени абсурдно.

Ваша рыночная площадь — это рыночная площадь; ваш храм — это тоже часть ее. Ваши желания, принадлежащие этому миру, — это мирские желания; ваши желания, принадлежащие другому миру, — это тоже мирские желания. На самом деле, не может быть желаний, принадлежащих другому миру. Желания как таковые принадлежат этому миру. Желания означают этот мир.

Я хочу рассказать вам одну историю. Это случилось в жизни одного суфия.

Великого мистика, который вел тихую одинокую жизнь, внезапно посетил посланник Бога.

Посланник сказал:

— Твои молитвы были услышаны. Всевышний, наш Создатель, очень доволен тобой. Ты можешь просить у него все, что захочешь, и любое твое желание будет исполнено. Проси, и оно будет исполнено немедленно.

Мистик покачал головой и сказал:

— Ты немного опоздал. Когда мне было что-то нужно, когда у меня было много желаний, ты не приходил. Теперь у меня нет желаний, я принял себя, я спокоен, я дома. Теперь меня не волнует, существует Бог или нет, я не молюсь ему. Я молюсь только потому, что это приятно. Но я не думаю больше о Боге. Моя молитва больше не адресована кому-то лично; я просто молюсь — так же как я дышу. Это так прекрасно, и не важно, существует Бог или нет. Ты немного опоздал. У меня больше нет желаний.

Но ангел продолжал настаивать:

— Это обидит Бога. Если он говорит: «Проси», ты должен просить.

Мистик пожал плечами и сказал:

— Но что просить? Ты можешь мне что-нибудь посоветовать? Я все принимаю таким, какое оно есть, и я полностью удовлетворен. Самое большее, что ты можешь сделать, это сказать Богу, что я ему благодарен. Передай ему от меня спасибо. У меня все есть, и все вокруг совершенно. Я счастлив, я пребываю в постоянном блаженстве и я не знаю ничего о следующем моменте. Этот момент — это все, что есть, я полностью удовлетворен. Пойди и передай ему мою благодарность.

Но ангел оказался упрямым.

— Нет, ты должен хоть что-нибудь попросить — просто отдай дань хорошим манерам. Имей хоть немного понимания.

Тогда мистик сказал:

— Ну если ты настаиваешь, то пусть Бог поможет мне сохранить это состояние. Пусть он даст мне только одно — отсутствие желаний...

Отсутствие желаний или принятие — это одно и то же. Желание означает неприятие — вы хотите быть

другими. Отсутствие желаний означает принятие — вы радуетесь тому, что есть, вы счастливы. Не важно, что вы имеете, вы просто счастливы. Вы счастливы — в этом все дело. Лао-цзы говорит: будь доволен собой — таким, какой ты есть, ничего другого не нужно. И тогда неожиданно все происходит. В глубоком принятии это исчезает.

Это существует, потому что существует непринятие: как только вы начинаете что-то отвергать, появляется это. Как только вы говорите «нет», это усиливается; но когда вы говорите «да», тотальное «да» существованию, — это самая великая медитация, в которую вы можете войти. Вы можете войти во все другие медитации тоже, но вам придется также и выйти из них. Но если вы войдете в эту медитацию, вы уже не выйдете из нее, потому что вас больше не будет. Некому будет выходить из нее.

Третий вопрос:

*Ошо,
Ты говоришь, что любой вопрос насильственен по своей природе, и в то же время ты поощряешь нас задавать вопросы. Почему?*

Потому что в вас есть насилие и вам нужен катарсис. У вас есть вопросы, но, возможно, у вас не хватает смелости задать их, вот почему я поощряю вас. У вас есть вопросы; вам нужно пройти через это. Задавайте их. Я не говорю, что мои ответы разрушат ваши вопросы — нет. Мои ответы направлены не на это. У моих ответов абсолютно другая цель. Они заставят вас осознать, что все ваши вопросы бесполезны, тщетны, абсурдны.

Я хочу, чтобы вы пришли к такому состоянию, когда ум прекращает задавать вопросы. Освободитесь от

своих вопросов, не подавляйте их. Будьте смелее. Даже если вы знаете, что вопросы глупы, не утаивайте их, потому что если вы их будете утаивать, вы никогда от них не избавитесь. Даже если они смешны — а все вопросы таковы, — все равно задавайте их.

На самом деле я не отвечаю на ваши вопросы. На них невозможно ответить. Ваши вопросы напоминают человека, который находится в бреду, в лихорадке. У него поднимается температура: тридцать девять, сорок, сорок один... и он бредит. А в бреду он говорит: «Все вокруг движется, стол куда-то летит». И он спрашивает: «Куда летит стол?» Что ему ответить? Что бы вы ни ответили, все будет неправильным, потому что стол стоит на месте. Но вы не сможете убедить человека, что стол никуда не летит, что он по-прежнему находится в комнате. Это не убедит его, потому что никого нельзя убедить в том, что расходится с его собственным опытом.

Как вы можете убедить кого-то, если это расходится с его собственным опытом? Убедить человека можно только в том, что подтверждается его собственным опытом. Он видит, что стол пытается вылететь в окно, что у стола есть крылья... И не только стол — кровать, на которой человек лежит, тоже подпрыгивает и пытается взлететь... Как вы можете убедить человека, который бредит? Если вы пытаетесь его убеждать, значит, вы тоже сумасшедший. Только безумный врач будет пытаться убеждать больного. Нормальный врач скажет: «Не волнуйтесь, стол скоро вернется обратно. Мы принесем его, не беспокойтесь. Мы что-нибудь придумаем». Он будет пытаться сбить температуру больного, а когда температура понизится, стол сам вернется на место. Стол всегда оставался на месте — он не сдвинулся ни на миллиметр.

Такова ситуация. Я вижу, я знаю, что вы в бреду. И этот бред не так легко распознать — никаким

устройством не измерить его температуру, это внутренняя температура, не физическая. Ваш бред внутри. И от этого возникают вопросы, и вопросы, и вопросы — они вылетают из вас как мухи. Я помогаю вам и даже поощряю вас задавать их — только для того, чтобы вы избавились от них. Это катарсис, это часть медитации.

Слушая меня, вы постепенно придете к пониманию того, что все вопросы напрасны и что задавать их бессмысленно. Когда это понимание возникнет в вас, весь ваш подход изменится. Вопросы исчезнут. Когда вопросы исчезнут, появятся ответы. И помните, что ответов не так много, как вопросов, что есть всего один ответ на все вопросы. Вопросов может быть миллион, а ответ один. Есть только один ответ, единственный; и это — знание самого себя. Поэтому я помогаю вам становиться осознанными.

Есть такая суфийская история...

Несколько человек проходили мимо суфийского монастыря; они решили заглянуть туда просто из любопытства, узнать, что там происходит. Люди в монастыре находились в состоянии катарсиса, сходили с ума, кричали, прыгали, были совершенно ненормальными. Путешественники подумали: «Это безумный монастырь. Мы-то считали, что люди приходят сюда, чтобы достичь просветления, а они сходят здесь с ума».

И в самом центре этого катарсиса, в центре безумного хаоса находился мастер. Он сидел молча посреди всего этого шума.

Путешественники удивлялись: «Почему мастер сидит молча?» Один из группы предположил, что, может быть, он слишком устал, возможно, он уже достаточно совершил подобных безумств.

Несколько месяцев спустя путешественники возвращались в свой город, и снова они проходили мимо

этого монастыря. Они решили посмотреть, что случилось со всеми этими безумцами. Но на этот раз все сидели очень тихо, не было слышно ни единого слова. Когда путешественники подходили к монастырю, они даже испугались: не ушли ли люди? — потому что все выглядело так, как будто внутри никого не было. Когда они подошли ближе, они увидели, что все находились там, но сидели молча.

Через несколько месяцев эти же люди опять отравились в путь по своим делам. Любопытство снова привело их в монастырь. Они заглянули внутрь, но там никого не было, кроме мастера. Они спросили:

— Что все это значит?

Мастер сказал:

— Когда вы проходили мимо первый раз, вы видели начинающих. Они были наполнены безумием, и я помогал им выбросить его. Когда вы проходили мимо второй раз, они получили какое-то понимание, они успокоились. Вот почему они сидели молча. Делать было нечего. А сейчас им даже не нужно здесь находиться. Они могут быть безмолвными в любом месте мира, поэтому я отправил их обратно в мир. Сейчас я ожидаю следующую группу. Когда вы придете сюда в другой раз, здесь снова будет безумие.

Я поощряю вас задавать вопросы — это поможет вам выпустить ум наружу. Это поможет вам успокоиться. Мои ответы — это не попытка ответить на вопросы, это возможность убить их, уничтожить их. Я не учитель. Может быть, я убийца, но я не учитель. Я ничему вас не учу, я просто уничтожаю ваши вопросы. Как только будут уничтожены все вопросы, вы лишитесь своих голов — я убью вас. Вы станете абсолютно безмолвными, удовлетворенными, вы вернетесь домой. Все проблемы исчезнут — вы будете жить от

момента к моменту, наслаждаться, радоваться. Не будет никаких вопросов.

Я против метафизики, но иногда мне приходится говорить о метафизике. Вся моя работа — это терапия. Я не метафизик. Моя работа заключается в следующем. У вас в ноге застряла колючка; я беру другую колючку, чтобы вытащить первую. Первая и вторая колючки похожи, между ними нет качественного различия. Когда первая колючка извлекается с помощью второй, мы выбрасываем и ту и другую.

Когда я вытаскиваю из вас ваши вопросы, я не говорю, что вы должны положить на освободившееся место мои ответы. Выбросьте мои ответы, так же как вы выбрасываете свои вопросы, иначе ответы осложнят вашу жизнь. Не носите в себе мои ответы, они выполняют лишь терапевтическую роль. Они похожи на колючки: их можно использовать, чтобы вытащить другие колючки, но потом их нужно выбросить.

Четвертый вопрос:

Ошо,

Вернер Эрхард, западный йог, утверждает, что проблемы, которые мы пытаемся решить или с которыми пытаемся примириться, в жизни разрешаются сами по себе. Как это связано с медитацией? Совместимы ли жизнь и медитация?

Эрхард абсолютно прав, но вы можете понять его неправильно, потому что все, что он говорит, так же глубоко, как и то, что говорит Лао-цзы. Его можно истолковать неправильно.

Попытайтесь понять это. Такие глубокомысленные высказывания опасны, а услышанные невежественными людьми они становятся очень и очень опасными.

Соединившись с вашей глупостью, они могут стать причиной катастрофы.

Да, это совершенно правильно: проблемы, которые вы пытаетесь решить или с которыми пытаетесь примириться, в жизни разрешаются сами по себе. Это верно, это констатация факта. Это происходит именно так. Но тогда возникает вопрос, сочетается ли медитация с жизнью. Вот здесь-то и вмешивается твоя глупость.

Медитация является частью жизни: ты должен медитировать так же, как ты делаешь многое другое в жизни. Почему ты не считаешь медитацию частью своей жизни? Медитация — это часть жизни, и тебе нужно пройти через это. Ты пришел к медитации, потому что внутри тебя что-то нуждалось в ней, иначе зачем бы ты стал этим заниматься? Весь мир обходится без медитации, ко мне приходит не так много людей. Я доступен для них, так же как и для тебя. Даже люди из Пуны не приходят ко мне, а ты, возможно, пересек ради этого океан.

Значит, в тебе что-то есть — какое-то глубокое стремление... Жизнь состоит не только из еды и секса. Медитация занимает такое же место в жизни, как и все остальное, и через эту часть жизни ты должен пройти.

Итак, Эрхард совершенно прав, он констатирует факт. Ничего другого не нужно, человеку нужно просто жить своей жизнью, и все устроится само по себе. Но и медитация — это тоже часть жизни, и йога — это часть жизни; каждый должен пройти через них. Ты не можешь убежать от этого. Если ты попытаешься убежать от этого, та часть жизни, которая останется непрожитой, всегда будет преследовать тебя, и ты будешь чувствовать, что в твоей жизни что-то осталось незавершенным.

Будь храбрым и не пытайся ни от чего убежать. Куда бы ни вела тебя твоя внутренняя жизнь — иди!

Не беспокойся о том, куда именно она тебя ведет. Иногда она уводит тебя в сторону, я знаю это, но уход в сторону — это тоже часть твоей жизни. Никто не может всегда совершать правильные поступки, а те люди, которые стремятся это делать, умирают полными неудачниками. Не беспокойся по поводу того, что ты можешь сбиться с пути; если жизнь уводит тебя с пути — иди! Иди с радостью! Та же энергия, которая уводит с пути, вернет тебя обратно. Эта временная задержка может быть частью твоего роста.

Как показывает мой опыт, рано или поздно каждый приходит к пониманию, что все в жизни взаимосвязано. Что бы вы ни делали — хорошее и плохое, правильное и неправильное, моральное и аморальное, — вы в конце концов понимаете, что жизнь удивительна и все в ней находится на своем месте. Если вы оглянетесь назад, вы не захотите ничего изменить, потому что если вы измените часть, то целое тоже изменится.

Это и есть принятие. Это то, что индуисты называют судьбой, а мусульмане — *кисмет**. Подход очень прост: принимайте все, что происходит, как неизбежность. Идите в это. Не сдерживайте себя.

Если вы должны совершить ошибку, совершайте ее — но совершайте тотально. Если вы должны упасть, падайте — но падайте как пьяница, безрассудно. Не сопротивляйтесь, иначе вы упустите главное. Если вам приходится жить в темноте, живите в темноте — но живите радостно, танцуя. Зачем предаваться отчаянию? Если вы чувствуете, что живете в аду, чувствуйте это — это может быть частью вашей судьбы, этапом роста.

Конечно, я знаю, что, когда приходится идти через ад, это очень тяжело. Я знаю. Когда человек растет, это дается ему непросто. Когда человек проходит че-

рез трудности, ужасные трудности, кризис, ему хочется убежать от всего этого, он не желает иметь с этим дело, он предпочитает быть трусом. Но, поступая таким образом, вы упускаете что-то очень важное — то, что могло бы стать завершающей частью целого, гармонии. Если бы вы жили тотально... Я не ставлю никаких условий. Я говорю: живите необусловленной жизнью. Если внутренний голос советует вам медитировать — медитируйте. Если внутренний голос советует вам пойти и напиться — напейтесь, станьте пьяницами. Но будьте тотальными, потому что только когда вы тотальны, вы можете превзойти себя. Только когда вы тотальны, с вами может случиться трансформация, только когда вы тотальны, вы начинаете понимать, что вы делаете.

Люди приходят ко мне и говорят, что в них очень много гнева и что они хотели бы избавиться от него. В них всегда было много гнева, и они достаточно пострадали от него. Вся их жизнь стала сплошным несчастьем. Они раскаиваются, и когда гнев появляется снова, они опять раскаиваются. Они пытаются, уже в который раз, не предаваться гневу, они принимают решение не впадать в гнев, они направляют на это всю силу воли, но через несколько часов они забывают об этом. Что-то случается, возникает какая-то ситуация, и они снова впадают в гнев. Что же делать?

Я говорю им: для начала не раскаивайтесь. Не раскаивайтесь — по крайней мере, это вы можете сделать. Идите в гнев, идите в него тотально и не раскаивайтесь. Не сожалейте об этом. Вы чувствуете гнев — примите тот факт, что гнев является частью вашей природы. И будьте тотальны в нем. Не раскаивайтесь, потому что раскаяние не позволит вам раскрыться полностью, что-то останется утаенным. Та часть, которая остается внутри и никак не выражается, становится ядовитой, она растет, как раковая опухоль. Она наложит отпечаток на

* Кисмет (араб.) — рок, судьба.

всю вашу жизнь. Будьте в гневе, и позвольте этому явлению стать настолько тотальным, что вы могли бы сказать: «Я не был в гневе, я был гневом». И тогда не остается никого, кто мог бы посмотреть на это — вы становитесь гневом. Это превратится в огонь, адский огонь.

Вы будете испытывать сильное страдание, но так и должно быть. И может быть, однажды побывав в этом адском пламени, вы станете настолько бдительными, что вам больше не нужно будет принимать никаких решений относительно гнева. Само переживание гнева решит все за вас — вы больше никогда не соприкоснетесь с ним. Это не значит, что вы поклянетесь больше никогда не впадать в гнев, что вы пойдете в церковь, исповедуетесь и покаетесь... От этого люди тоже начинают получать удовольствие: им нравится раскаиваться.

Я слышал, что одна женщина семь раз приходила к священнику в церковь, чтобы покаяться в одном грехе. Даже священник был удивлен, потому что она все время говорила об одном и том же: что она занималась любовью с мужчиной, за которым она не была замужем.

Священник поинтересовался:

— Вы совершили этот грех один раз или семь?

Женщина ответила:

— Один.

Тогда священник спросил:

— Почему же вы продолжаете говорить об этом снова и снова? Вы уже исповедались семь раз.

— Мне нравится говорить об этом, — сказала женщина. — Даже думать об этом — так прекрасно!

Даже в воображении, на исповеди у священника...

Люди получают удовольствие даже от покаяния, от исповеди. Они могут даже преувеличивать — так мне

кажется. «Исповедь блаженного Августина», например, представляется преувеличением; кажется, что он получает удовольствие от признаний. Сама идея о совершении такого огромного количества грехов выглядит очень привлекательной. Если говорить об Индии, то автобиография Ганди воспринимается как преувеличение. Он без конца рассказывает о своих грехах, видимо, он тоже получает от этого удовольствие. Сейчас психологи говорят, что есть люди, которые чрезмерно преувеличивают свои грехи, чтобы затем, на этом фоне, выглядеть великими святыми. Они не просто перестали совершать обычные грехи — они были такими великими грешниками, а теперь они стали такими великими святыми! Такая огромная дистанция, такая великая революция!

Только великий грешник может стать великим святым — как может им стать обычный грешник? Вы выкурили сигарету — не думаете же вы, что можете после этого стать Августином или Ганди. Или вы посмотрели на женщину, и у вас появилась похоть — и это все? Это не поможет, материала недостаточно. Вы не можете сотворить великого святого из скромного грешника — вам придется стать великим грешником.

Поэтому нельзя верить людям, которые пишут автобиографии. Я прочел, наверное, тысячи автобиографий, и вот мое наблюдение: ни один жанр литературы не содержит столько вымысла, сколько автобиографии. Автобиография — самый фантастический жанр. Все автобиографии выдуманы. Автор либо восхваляет себя, либо осуждает, но ни то ни другое не похоже на правду, потому что выглядит слишком необычным. Это не может довольствоваться своей ординарностью.

Как-то Ринзия спросили: «Чем ты занимаешься? Какова твоя практика, какова твоя *садхана*?»

И он ответил так просто... Как можно написать об этом автобиографию? Он сказал: «Когда я голоден, я ем, а когда я хочу спать, я ложусь спать — и это все».

Как можно из этого создать автобиографию? Ринзай не выглядит святым. Что это за святой?

Когда Ринзай умер, один из его учеников давал наставление в монастыре. Среди слушающих был человек, который принадлежал к другой секте; он завидовал тому, что так много людей пришли послушать ученика Ринзая.

Он встал и сказал:

— Всего один вопрос. Ты так много говоришь о своем мастере. Но мой мастер действительно велик, он сотворил тысячи чудес. Я видел их своими собственными глазами: он стоял на берегу реки, а это происходило в сезон дождей, река разлилась очень широко. А на другом берегу реки стоял его ученик с тетрадью. На одном берегу мой мастер писал своим карандашом, а на другом берегу написанное появлялось в тетради ученика. Можешь ли ты сказать что-нибудь о своем мастере, какие чудеса он совершал?

Ученик ответил:

— Я знаю только одно чудо, которое совершал мой мастер — каждый день, каждую минуту.

В зале повисла тишина. Всем хотелось узнать, что это за чудо?

Ученик сказал:

— Когда он был голоден, он ел, а когда он хотел спать, он спал. Это единственное чудо, которое он совершал.

Вам кажется, что это не такое уж большое чудо, но это не так. Это величайшее чудо. Это означает, что

вы абсолютно естественны. Вы почти всегда сражаетесь с собой. Когда вы хотите есть, вы не едите, потому что вам нужно сделать тысячу дел; когда вы не хотите есть, вы едите, потому что пришло время обеда. Когда вы хотите спать, вы не ложитесь в постель, потому что где-то идет вечеринка, на которую стоит пойти, или фильм, который стоит посмотреть. Когда вы хотите спать, вы сидите в кино. А когда вы уже не хотите спать, потому что слишком возбуждены из-за фильма, вы пытаетесь заснуть и принимаете для этого снотворное.

Для нас стало обычным — быть неестественным. Поэтому быть естественным — это чудо. Это величайшее чудо — просто радоваться обычным вещам: еде, сну, воде, ветерку, который обдувает вас... Радуйтесь обычным вещам, наслаждайтесь ими — и вся жизнь станет празднованием.

Эрхарт прав. Он говорит то же самое, что мог бы сказать и Лао-цзы: «Проблемы, которые вы пытаетесь решить или с которыми пытаетесь примириться, в жизни разрешаются сами по себе». Проживайте жизнь, делайте это тотально, двигайтесь во все ее измерения — получайте удовольствие в каждом измерении, наслаждайтесь тотально, и, в конце концов, вы обнаружите, что вам помогает все. Именно все: жена, которая доставила вам столько неприятностей, — даже она; ребенок, которого вы так любили и который рано умер, — даже это; бизнес, который не оправдал себя и разорил вас, — да, даже это. Все! Провал и успех, боль и удовольствие, правильное и неправильное, уход в сторону и возвращение домой — все помогает.

Из этого хаоса возникает гармония. Но вы должны проживать все это тотально. Я не говорю, что каждый достигнет гармонии. Нет, это только возможность. Вы можете достичь гармонии, а можете и упустить эту возможность, и упускают, как правило, те, кто больше

всех старается. Достигают же гармонии, наоборот, те, кто не слишком беспокоится о достижении, кто просто живет от момента к моменту.

Окончательная гармония, крещендо, возникает от полноты жизни. Получайте удовольствия от всего, что вы делаете, будьте благодарны за все, что имеете. Будьте глубоко благодарны — пусть это станет вашей молитвой. Куда бы вы не направлялись, будьте тотальны. Если вы идете к проститутке — будьте тотальны... А я знаю, что вы не тотальны даже с собственной женой. Если вы пьете вино, делайте это тотально... А я знаю, что даже воду вы не можете пить тотально.

Такая неполная жизнь не может стать крещендо; жизнь, которую ты проживаешь неполно, фрагментарно, не может привести к гармонии. Вы будете умирать в хаосе — вот почему вы боитесь смерти. Когда смерть постучится в вашу дверь, вы затрясетесь от страха, потому что гармония жизни все еще не достигнута, а смерть уже пришла. Вы не прожили свою жизнь, а смерть уже пришла. Вы так и остались незавершенными, на самом деле, вы еще даже не родились, а смерть уже пришла. И вы трясетесь от страха.

Человек, который действительно прожил свою жизнь, который прожил отпущенное ему время, принимает смерть с радостью, потому ничего не осталось незавершенным. Он сделал все, он прожил все, он прошел через все измерения. Он впитал в себя все, что дала ему жизнь. Он собрал весь мед жизни, и теперь готов умереть. Все завершено.

Знаете ли вы, что пчела, чтобы собрать одну ложку меда, должна облететь пять тысяч цветков — для одной ложки меда нужно пять тысяч цветков! А для того чтобы выработать килограмм меда, пчела должна пролететь — ученые подсчитали — тысячи километров. Одна ложка меда — и пять тысяч цветков! Совсем немного

гармонии — и тысячи переживаний, тысячи и тысячи переживаний...

Всегда помните: где бы вы ни были, будьте тотальны, иначе вы останетесь без меда. Это единственное несчастье, которое может случиться и которое случается почти с девяноста девятью процентами людей. Вы так спешите! Но подумайте о пчеле, которая подлетает к цветку и улетает, даже не прикоснувшись к нему, потому что спешит к другому цветку. Не сделав одно дело, она летит к другому цветку, но, подлетая к нему, она уже думает о следующем цветке. Она облетит тысячи или миллионы цветков и вернется ни с чем. Не будьте такими, как эта пчела! Когда вы прилетаете к цветку, оставайтесь с ним. Забудьте обо всех других цветах — они не существуют для вас в этот момент. Просто будьте пчелой — жужжите, наслаждайтесь и радуйтесь цветку. Будьте настолько тотальными, насколько это возможно. Тогда вы соберете весь мед жизни, и когда вы будете умирать, вы будете умирать блаженно, экстатично. Вы жили. В вашем сердце нет неудовлетворенности, нет сожалений.

И я должен вам сказать, что если вы проживете все мгновения своей жизни тотально, осознанно, в момент смерти вы благословите всех — и своих друзей и своих врагов. Да, и своих врагов тоже, потому что без них вы бы никогда не достигли этого крещендо. Они были частью — частью загадочного феномена вашей жизни.

Пятый вопрос:

Ошо,

Однажды ты сказал, что в каждом вопросе уже содержится ответ, потому что природа вопроса определяет природу ответа. Какой самый фундаментальный вопрос может быть задан умом?

Ум не может задать никакого фундаментального вопроса, потому что ум всегда поверхностен. Только тогда, когда вопрос возникает из вашего существа, а не из ума, он будет не вербальным, он будет экзистенциальным. Вы сами становитесь этим вопросом — тогда он фундаментален.

Суфийский мистик каждый день приходил в мечеть и стоял там, не произнося ни слова, год за годом. Людям это стало любопытно. Кто-то спросил его:

— Ты никогда не произнес ни слова, мы даже не видели, чтобы ты шевелил губами, хотя мы внимательно за тобой наблюдали. Кажется, что ты даже и про себя ничего не говоришь, ты похож на скалу. Что это за молитва?

Мистик ответил:

— Однажды нищий остановился перед дворцом императора. Император вышел и поинтересовался у него: «О чем ты просишь? Чего ты хочешь?» Нищий ответил: «Если ты не понимаешь это, глядя на меня, то не стоит и говорить об этом. Я пойду к другому дому. Посмотри на меня — дрожащего на холодном ветру. Посмотри на мой живот — он прирос к спине. Посмотри на мое тело — кожа и кости. Я похож на скелет, а ты спрашиваешь, чего я хочу? Неужели недостаточно того, что я здесь?»

Король понял, что нищий прав, и помог ему.

Я проходил мимо по дороге и видел это. С того дня я перестал молиться: что можно сказать императору мира? Неужели он сам не понимает, что я страдаю? Нужно ли мне говорить об этом? Доказывать это? Должен ли я объяснять ему? Если он не может понять моего существа, что толку говорить об этом? Это бессмысленно. Если он не может понять моего существа, то он не поймет и моего языка. Моя молитва — тишина, мой

вопрос — отсутствие вопросов, мое желание — отсутствие желаний. Это и есть я, это и есть мое существо.

Это фундаментальное, основополагающее, коренное — это идет от самых корней. Слово «коренной» происходит от слова «корень». Коренной, основной, фундаментальный вопрос не может быть задан из ума. Ум не может задать его; ум бессилен. Ум похож на волны в океане. Можешь ли ты спросить, какая волна самая глубокая? Нет, волна не бывает глубокой или неглубокой, потому что волны существуют только на поверхности, их не может быть в глубине. В глубине нет никаких волн.

Ум — это поверхность, волны. Все вопросы, которые возникают в уме, — поверхностны. Фундаментальный вопрос задается, когда ум отброшен. Это вопрос не-ума, это вопрос, который задает существо. И этот вопрос даже не может быть выражен словами, потому что кто будет его выражать? Ум отброшен, все ваше существование — это вопросительный знак.

Только тогда, когда задается фундаментальный вопрос, мастер может отдать себя во всей своей тотальности. Он может излить себя в ваше существо. Когда вы задаете поверхностный вопрос, на него, разумеется, не может быть дано фундаментального ответа — что можно ответить человеку, если его уши не слышат, а сердце мертво. Когда вы задаете вопрос, качество ответа уже определено в нем.

Шестой вопрос:

Ошо,

Ты называешь нас «древними». Если мы находились рядом с другими мастерами в прошлых жизнях, то как мы ухитрились так последовательно не понимать их?

Это все из-за того, что вы очень последовательны. Будьте чуть-чуть непоследовательными, иначе вы и меня не поймете тоже.

Седьмой вопрос:

Ошо,

Ты говорил, что Лао-цзы родился старым. Как он достиг мудрости и зрелости? Был ли нужен мастер, чтобы привести его к моменту, в котором он родился старым?

У тебя нет чувства юмора. Ты не понимаешь шуток. Это просто символические истории, прекрасные сами по себе, но если ты начинаешь задавать вопросы о них, они становятся уродливыми. Так исчезает вся поэзия и загадочность; и это происходит всегда. Вся теология построена на этих бессмысленных вопросах. «Действительно ли Христос родился от девственницы?» Это просто красивый символ. «Воскрес ли Христос после распятия?» Это красивый символ. «Родился ли Лао-цзы старым, восьмидесятичетырехлетним, пробыв ли он в утробе матери восемьдесят четыре года?» Это прекрасная шутка Лао-цзы. Я думаю, что Лао-цзы сам распространил этот слух — никто другой не мог бы этого сделать, это настолько тонко.

Если ты понимаешь шутки, то ты их понимаешь. Если ты не понимаешь, пожалуйста, хотя бы не задавай вопросов. Забудь о них, потому что вопросы полностью разрушают шутки.

Говорят, что есть три разновидности смеха в ответ на шутку. К первой разновидности относятся те, кто понимает шутку сразу, — а шутка и должна быть понята немедленно, если у человека есть чувство юмора.

Весь смысл в этом — она внезапно проникает в вас, что-то внутри вас откликается на нее и вы уже знаете, о чем она. Вы, возможно, не сумеете объяснить другим, почему вы смеетесь, и чем больше вы будете стараться это сделать, тем сильнее запутаетесь. Почему вы смеялись? Смех — это очень тонкий феномен. Почему люди смеются?

Когда кто-то шутит, шутка проходит две стадии, благодаря чему и возникает смех. В начальной стадии следует обычное повествование, а затем, в конце, неожиданный поворот сюжета, и вот он — кульминационный момент; именно в самом конце, в момент поворота сюжета, происходит то, чего вы никак не ожидали. Вот почему, если вы уже слышали шутку, то она больше не рассмешит вас — потому что вы знаете, в чем ее соль. Когда происходит поворот сюжета, которого вы никак не ожидали, в этот самый момент.. только что вы были на равнине, и вдруг вы оказались на вершине Эвереста — и все изменилось, и эти изменения кажутся такими смешными, нелогичными, иррациональными.. вы буквально взрываетесь от смеха. Если вы понимаете шутку, вы понимаете ее немедленно, без какого-либо усилия с вашей стороны. Это похоже на сатори или самадхи.

Затем следует вторая разновидность смеха. Люди, у которых такой смех, понимают шутку, но им нужно много времени. Она затрагивает только их ум, а не все существо; они смеются, но их смех существует только на уровне губ — это интеллектуальный феномен. В первом случае смех идет из живота, во втором — только из головы. Они понимают смысл, но уму всегда нужно время, он схватывает все не так быстро. Даже самый умный человек все равно немного глуп, поскольку природа ума такова, что он не может совершить прыжок.

Он следует логике, ему нужно время, для него характерны постепенность, последовательность — так, шаг за шагом, вы постигаете смысл.

Таков смех второго типа. Этот смех слаб, не очень глубок, не катарсичен; это просто интеллектуальное явление. Что-то щелкает в голове, возникает небольшая рябь — вот и все. А смех первого типа настолько глубок, что если он случается, то шутка может привести вас к сатори. В этом смехе ум может полностью исчезнуть.

И есть третья разновидность смеха — люди смеются, потому что другие смеются. Они ничего не поняли, но они смеются, чтобы их не посчитали глупыми. Видя, что другие смеются, они тоже вынуждены смеяться.

Однажды Мулла Насреддин поехал во Францию. Он был там вместе с женой. Как-то они пошли на комическое шоу. Его жена была удивлена тем, что Мулла смеялся громче всех после каждой шутки комика. Люди начали оглядываться и смотреть на него.

Жена ничего не могла понять, она была уверена, что он не знает французского языка. Она спросила его:

— Мулла, я прожила с тобой тридцать лет и никогда не думала, что ты знаешь французский. Как ты ухитряешься понимать? И чему ты так громко смеешься?

Мулла ответил:

— Я доверяю этому парню. Должно быть, он говорит что-то смешное и если нужно смеяться, то зачем смеяться последним? Почему бы не засмеяться первым? И если нужно смеяться, то нужно смеяться громко. Это ничего не стоит, зато — сколько удовольствия!

Это третий тип смеха — с вами ничего не происходит, вы просто притворяетесь. Вы думаете, что произнесено что-то смешное, вы доверяете человеку, рассказавшему шутку, или вы доверяете людям, которые

смеются, и чтобы не чувствовать себя глупо, вы тоже начинаете смеяться.

Каждый раз, когда звучит шутка, вы можете сразу же распознать эти три разновидности смеха.

Это просто шутка Лао-цзы. Никто не может жить в утробе матери восемьдесят четыре года. Даже если бы Лао-цзы мог, подумайте о матери! Лао-цзы, конечно, был просветленным, и он мог бы там жить, но мать... бедная мать, подумайте о ней. Даже девять месяцев — это слишком много, а восемьдесят четыре года... Мать умерла бы задолго до его рождения.

Нет, это очень тонкий юмор. Тут просто говорится о том, что Лао-цзы родился мудрым. Это символ. С самого детства он был мудрым. В этом весь смысл. Он был так мудр, что распространился слух, будто он родился старым.

Иисус был так чист, как он мог родиться в результате плотского желания? Он был рожден в результате плотского желания, другого способа нет — в жизни не бывает исключений. Его рождение было результатом обычной любви. Но история о нем — прекрасна. Эта история выдумана, но я утверждаю: она правдива! Как факт она недостоверна, но как истина она правдива. А что такое факт перед лицом истины? Нет, мать Иисуса не могла быть девственницей, если смотреть на это с точки зрения обычных фактов. И все-таки она была девственной, иначе как она могла бы родить такого чистого, невинного ребенка? Она была девственной. Совершенно очевидно, что она была очень невинной, совершенно невинной — как будто она не знала ни одного мужчины. В этом все дело. В этом «как будто» — как будто она не знала, что такое секс, как будто она никогда не знала, что такое совокупление. Все дело в этих «как будто»; как только вы начинаете вместо них притягивать за уши факты, вы совершаете глупость. Все

теологи — глупцы. Они пытаются доказать, что она девственница и Бог дал разрешение на это исключение.

История об Иисусе Христе — это попытка рассказать об определенном явлении, о котором нельзя рассказать по-другому. Эта история о том, что Иисус вышел из девственного источника, из чистой невинности, которая не знала нечистоты мира и тела. Вот и все. Не настаивайте на том, что этому должно быть найдено объяснение — объяснение убивает сам дух этой истории.

Последний вопрос:

Ошо,

Ты говоришь, что ты — просто присутствие и не можешь ничего сделать. Но я и все остальные постоянно чувствуем, что, проявляя сострадание к нам, ты влияешь на нас и на ход событий, чтобы привести нас ближе к своему храму. Или это просто наше воображение играет с нами?

Я не могу ничего сделать, но мое присутствие может. Когда я говорю, что я не могу ничего сделать, я имею в виду только то, что никакого «Я» не существует внутри меня; «делающий» исчез. А как можно сделать что-то без делающего? Но что-то происходит. Когда делающего нет, случаются очень важные вещи. Я не могу приписывать себе авторство или говорить, что я это сделал: я — не делающий. На самом деле меня нет. Я — это просто присутствие, на котором нет никаких ярлыков, просто открытость. Если вы находитесь в моем присутствии, многое становится возможным. Если вы позволяете моему присутствию проникать в вас, растворяться в вас, быть частью вас, многое становится возможным. Даже невозможное становится возможным; но я ничего не делаю — это случается. Я ничего не делаю специально.

Я такой же наблюдатель, как и вы. Это просто случается. Если вы пойдете к солнцу и поблагодарите его за то, что оно ради вас уничтожает темноту на земле, солнце очень удивится. Оно скажет: «Я не знаю, что такое тьма. Я с ней никогда не встречался. Я никогда не уничтожало ее, потому что как можно уничтожить то, чего никогда не видел?» Но это все равно происходит: появляется свет, исчезает тьма.

Если вы позволите этому присутствию проникать в вас, многое становится возможным. Темнота может исчезнуть — но я ничего не делаю. Я не принуждаю вас ни к чему, потому что это было бы насилием, и даже если бы это не было насилием, я бы все равно не мог ничего сделать, потому что делающего больше нет. Если вы заглянете в меня, вы не найдете там никого. Храм абсолютно пуст. Настоящий храм всегда пуст. Если вы обнаружите в нем бога, значит, это творение рук человеческих. Ничто — вот настоящий храм.

Да, я ничего не делаю с вами, но многое происходит. Поэтому не думайте, что это воображение; думать так — это уловка ума. Когда вы так думаете, ум может остановить весь этот процесс. Если вы начинаете думать, что все это — воображение, проекции и так далее и тому подобное, ум может остановить этот процесс, и тогда все закончится.

Не слушайте ум. Когда вы со мной, отбросьте свой ум. Я — *не-ум*; единственный способ быть со мной — это быть *не-умом*, и тогда многое может случиться. Ничего не нужно делать, все происходит само по себе.

Сидя рядом со мной в молчании, в тишине, вы растете. Никто ничего не делает — ни вы, ни я. Вы просто сидите в тишине, и существование само по себе растет внутри вас.

Достаточно на сегодня.

Абсолютное Дао

Беседы о трактате
Лао-цзы «Дао Де Цзин»

ОШО

Каждый в нашем стремительном мире хочет достичь чего-то необычного, быть особенным, неординарным — это часть нашего воспитания и нашей культуры. И в большей или меньшей степени мы терпим фиаско в своих стремлениях «покорить мир».

Ошо, современный нам индийский мистик конца XX века, предлагает взглянуть на себя и на мир иначе: обыкновенности — величайшее чудо в мире, умение проживать каждое мгновение тотально — единственный путь к блаженству и состоянию счастья.

Комментируя «Дао Де Цзин», Ошо помогает нам понять суть учения Дао, увидеть красоту и величие даосского мудреца Лао-цзы, живого воплощения Дао.

«Духовность Лао-цзы увидеть непросто. Он такой обычный — совсем как вы. Будда проходит мимо — и вы сразу чувствуете, что это высшее человеческое существо. Его трудно не заметить — почти невозможно. А Лао-цзы... Он может быть вашим соседом. Вы можете его не заметить, потому что он такой обыкновенный, такой удивительно обыкновенный...

...Он не был чудотворцем, как Кришна, он не творил никаких чудес, но все его существо являло собой чудо: то, как он ходил, то, как смотрел на вас, то, каким он был. Все его существо было чудом».

Если мы сможем понять Лао-цзы, если сумеем постичь его «обыкновенность»...

...Лао-цзы — величайший ключ.
Если вы понимаете его, тогда он — волшебный ключ,
и вы можете открыть этим ключом все замки,
которые есть в жизни, в существовании...

ОШО

Издательская группа
«ВЕСЬ» —
ДОБРЫЕ ВЕСТИ

<http://www.vesbook.ru>

